

Все мы хорошо знаем и любим русские народные сказки: бытовые, героические, волшебные. Они выходят огромными тиражами. Наше же издание особенное. Здесь собраны сказки, посвящённые грамотности, чтению и, конечно, самой книге. На Руси всегда с почтением относились к человеку, умеющему читать и писать, а книгу считали особой ценностью. В сказках упоминаются разные книги: одни из них волшебные — они помогают героям узнать то, что неведомо простому человеку; по другим, в которых записаны законы, вершат суд; третьи используют священники в богослужении. Но в любой сказке книга — это источник мудрости, знаний, векового опыта людей. Уверены, что юные читатели откроют здесь для себя ещё одну грань богатейшей сокровищницы народного творчества.

ISBN 978-5-91540-085-5

РУССКАЯ ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ

РШБА

о книге и чтении

Библиотечка
журнала

ЧИТАЙКА

РШБА

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА «ЧИТАЙКА»
Выпуск 2—3

100 Сказок и книге и тени

В ДВУХ КНИГАХ

Книга 2

МОСКВА

Русская школьная библиотечная ассоциация
2011

УДК 821.161.1-34
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6
С81

Серия основана в 2011 г.

Руководитель проекта
Т.Д. ЖУКОВА

Составитель, автор предисловия и заключительной статьи
Ю.Н. СТОЛЯРОВ

Оформление
Д.В. ПОЛЯКОВ, О.А. ПОЛЯКОВА

В книге использованы рисунки детей — участников конкурса
«100 сказок о книге и чтении»

Текст печатается по изданию:
Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в 3 т. М., Наука, 1984.

С81

100 сказок о книге и чтении: сборник русских народных сказок: в 2 кн. / [Сост., предисл., заключит. ст. Ю.Н. Столяров, Т.Д. Жукова; оформл. Д.В. Поляков, О.А. Полякова]. — М.: РШБА, 2011. — 256 с.: ил. + 32 с. вкл. — (Библиотечка журнала «Читайка»; вып. 2—3)

ISBN 978-5-91540-085-5 (кн. 2)

ISBN 978-5-91540-044-2

В издании представлены русские народные сказки, в которых упоминается тема грамотности, книги, чтения. Они отобраны по итогам Всероссийского конкурса «Сто сказок о книге и чтении», проведённого Русской школьной библиотечной ассоциацией в 2008–2009 гг. и охватившего 59 регионов России.

Издание иллюстрировано рисунками участников конкурса.

Тексты сказок сопровождаются словарём старинных и местных слов.

Библиотекарям, педагогам и родителям даны рекомендации о том, как приобщать детей к чтению сказок.

Этот сборник для детей, родителей, педагогов, библиотекарей помогает раскрыть мир русских народных сказок как сокровищницу педагогических идей.

Для младшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-34
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

ISBN 978-5-91540-085-5 (кн. 2)
ISBN 978-5-91540-044-2

© Столяров Ю.Н. Составление, предисловие, заключительная статья, 2011
© Оформление, словарь. Русская школьная библиотечная ассоциация, 2011

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Перед тобой книга русских народных сказок. Их собрал и записал в 19 веке замечательный русский ученый А.Н. Афанасьев. Наверное, нет такого человека, который бы не знал этих сказок. Несколько поколений русских детей учились по ним читать, с замиранием сердца следили за невероятными приключениями любимых героев, смеялись над незадачливыми персонажами и сочувствовали несправедливо обиженным или коварно обманутым. Вместе со смелыми богатырями громили чужеземных врагов и побеждали страшных чудовищ, поднимались в небеса на ковре-самолёте или мчались семимильными шагами в сапогах-скороходах, отгадывали мудрёные загадки своенравных красавиц.

Ты и сам наверняка уже многое слышал или читал, и какие-то сказки из этого сборника покажутся тебе знакомыми. «А, я это уже знаю!» – можешь сказать ты и пролистать страницы дальше. Не спеши. Эта книга – с секретом.

Каким? Сейчас узнаешь.

В этой книге собраны сказки, в которых упоминается тема грамотности, чтения. Попробуй перечитать даже знакомые сказки и найти те места, где об этом говорится. Ведь на грамотность людей указывает многое: это и умение читать и писать, книга в их руках, письмо или записка близкому человеку, надпись на указательном столбе или на камне у перекрестка дорог, указ царя или долговая расписка.

Увидишь, как знакомые сказки раскроются с новой стороны.

Читать сказки, придуманные несколько веков назад, современному человеку непросто. В них много непонятных слов и выражений, обозначающих предметы, одежду, оружие, каких сейчас уже не встретишь. Об этом можно спросить у старших, поискать в словаре или даже в Интернете.

Чтобы тебе легче было узнать, что означает то или иное слово, в конце книги мы поместили словарь непонятных и старинных слов. Встретил непонятное слово в сказке — загляни в конец книги и найди его объяснение. Слова в словарики расположены по алфавиту, это поможет тебе быстро ориентироваться.

Ну что ж — принимайся за чтение. Желаем тебе многих приятных, увлекательных и полезных минут!

ЛИСА И ТЕТЕРЕВ

Бежала лиса по лесу, увидала на дереве тетерева и говорит ему: «Терентий, Терентий! Я в городе была». — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Была, так была». — «Терентий, Терентий! Я указ добыла». — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Добыла, так добыла!» — «Чтобы вам, тетеревам, не сидеть по деревьям, а всё бы гулять по зелёным лугам». — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Гулять, так гулять». — «Терентий, кто там едет?» — спрашивает лисица, услышав конский топот и собачий лай. «Мужик». — «Кто за ним бежит?» — «Жеребёнок». — «Как у него хвост-то?» — «Крючком». — «Ну так прощай, Терентий! Мне дома недосуг¹».

¹ Много дел.

ВОЛК-ДУРЁНЬ

Дело было в старину, когда ещё Христос ходил по земле вместе с апостолами. Раз идут они дорогою, идут широкою; попадаетесь навстречу волк и говорит: «Господи! Мне есть хочется!» — «Поди, — сказал ему Христос, — съешь кобылу». Волк побежал искать кобылу: увидел её, подходит и говорит: «Кобыла, Господь велел тебя съесть». Она отвечает: «Ну нет! Меня не съешь, не позволено; у меня на то есть вид¹, только далеко забит». — «Ну покажи!» — «Подойди поближе к задним ногам». Волк подошёл; она как треснет его по зубам задними копытами, ажно² волк на три сажени назад отлетел! А кобыла убежала.

Пошёл волк с жалобой; приходит к Христу и говорит: «Господи! Кобыла чуть-чуть не убила меня до смерти!» — «Ступай, съешь барана». — Волк побежал к барану; прибежал и говорит: «Баран, я тебя съем, Господь приказал». — «Пожалуй, съешь! Да ты стань под горою да разинь свою пасть, а я стану на горе,

¹ Паспорт.

² Так что.

разбегусь, так прямо к тебе в рот и вскочу!» Волк стал под горою и разинул пасть; а баран как разбежится с горы да как ударит своим бараньим лбом: бац! Сшиб волка с ног да сам и ушёл. Волк встал, глядит на все стороны: нет барана!

Опять отправился с жалобой; приходит ко Христу и говорит: «Господи! И баран меня обманул; чуть-чуть совсем не убил!» — «Поди, — сказал Христос, — съешь портного». Побежал волк; попадаетеся ему навстречу портной. «Портной, я тебя съем, Господь приказал». — «Погоди, дай хоть с родными проститься». — «Нет, и с родными не дам проститься». — «Ну, что делать! Так и быть, съешь. Дай только я тебя смеряю: влезу ли ещё в тебя-то?» — «Смеряй!» — говорит волк. Портной зашёл сзади, схватил волка за хвост, завил хвост за руку и давай серого утюжить¹. Волк бился-бился, рвался-рвался, оторвал хвост да давай бог ноги! Бежит что есть силы, а навстречу семь волков. «Постой! — говорят. — Что ты, серый, без хвоста?» — «Портной оторвал». — «Где портной?» — «Вон идёт по дороге». — «Давай нагонять его», — и пустились за портным. Портной услышал погоню, видит, что дело плохо, взобрался поскорей на дерево, на самый верх, и сидит.

Вот волки прибежали и говорят: «Станем, братцы, доставать портного; ты, кургузый², ложись под испод, а мы на тебя, да друг на дружку устанемся — авось

¹ Бить.

² Бесхвостый.

достанем!» Кургузый лёг наземь, на него стал волк, на того другой, на другого третий, всё выше и выше; вот уже последний влезает. Видит портной беду неминуемую: вот-вот достанут! И закричал сверху: «Ну, уж никому так не достанется, как кургузому!». Кургузый как выскочит из-под низу да бежать! Все семеро волков попадали наземь да за ним вдогонку; нагнали и ну его рвать, только клочья летят. А портной слез с дерева и пошёл домой.

СКАЗКА ПРО УТКУ С ЗОЛОТЫМИ ЯЙЦАМИ

Было-жило два брата: один богатый, другой бедный; у бедного — жена да дети, а богатый — один как перст. Пошёл бедный к богатому и стал просить: «Накорми, братец, сегодня при бедности моих детей; нам и пообедать нечего!» — «Сегодня мне не до тебя, — говорит богатый, — сегодня у меня всё князья да бояре, так бедному не приходится тут быть!» Облился бедный брат слезами и пошёл рыбу ловить: «Авось Бог даст — поймаю! Хоть ухи дети похлебают». Только затянул тóню¹, и попал ему кувшин. «Вытащи меня да разбей на берегу, — отозвалось из кувшина, — так я тебе счастье укажу». Вытащил он кувшин, разбил на берегу, и вышел оттуда неведомый молодец и сказал: «Есть зелёный луг, на том лугу берёза, у той берёзы под кореньями утка; обруби у берёзы коренья и возьми утку домой; она станет нести тебе яички — один день золотое, другой день серебряное». Бедный брат пошёл к берёзе, достал ут-

¹ Сеть.

ку и принёс домой; стала утка нести яички — один день золотое, другой день серебряное; стал он продавать их купцам да боярам и куда как разбогател скоро! «Дети, — говорит он, — молитесь Богу; Господь нашёл нас».

Богатый брат позавидовал, озлобился: «Отчего так разбогател мой брат? Теперь я нужнее¹, а он богаче стал! Верно, какой-нибудь грех за ним водится!» — и пошёл в суд с жалобой. Дошло это дело до самого царя. Зовут того брата, что был беден да разбогател скоро, к царю. Куды девать утку? Дети малы, пришло жене под присмотр отдать; начала она на базар ходить да яйца по дорогой цене продавать, а была собой красавица и слюбилась с барином. «Отчего, скажи, вы разбогатели?» — спрашивает её барин. «Да нам ведь Бог дал!» А он приступает: «Нет, скажи правду; коли не скажешь, не стану тебя любить, не стану к тебе ходить». И таки не пришёл к ней день-другой; она позвала его к себе и рассказала: «У нас есть утка — день несёт золотое яичко, день серебряное». — «Принеси-ка эту утку да покажь, какова птица?» Оглядел утку и видит — на брюшке у ней золотыми буквами написано: кто съест её голову, тот царём будет, а кто — сердце, тот станет золотом плевать.

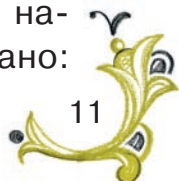
Позарился барин на такое великое счастье, пристал к бабе: «Зарежь да и зарежь утку!» Отговаривалась она, отговаривалась, а покончила тем, что заре-

¹ Беднее.

зала утку и поставила в печь жарить. День был праздничный; ушла она к обедне, а тем временем прибежали в избу два её сына. Вздумалось им перекусить чего-нибудь, заглянули в печь и вытащили утку; старший съел голову, а меньшей сердце. Воротилась мать из церкви, пришёл барин, сели за стол; смотрит он — нет ни сердца утиного, ни головы. «Кто съел?» — спрашивает барин и таки дознался, что съели эти два мальчика. Вот он и пристаёт к матери: «Зарежь-де своих сыновей, из одного вынь мозги, из другого сердце; а коли не зарежешь — и дружба врозь!» Сказал и ушёл от неё; вот она целую неделю томилась, а после не выдержала, посылает к барину: «Приходи! Так и быть, для тебя и детей не пожалею!» Сидит она и точит нож; старший сын увидал, заплакал горькими слезами и просится: «Отпусти нас, матушка, в сад погулять». — «Ну ступайте, да далеко не уходите». А мальчики не то что гулять, ударились в беги.

Бежали-бежали, утомились и оголодали. В чистом поле пастух коров пасёт. «Пастушок, пастушок! Дай нам хлебца». — «Вот вам кусочек, — говорит пастух, — только всего и осталось! Кушайте на здоровье». Старший брат отдаёт меньшому: «Скушай ты, братец, ты малосильнее, а я подюжее — могу и так стерпеть». — «Нет, братец, ты всё меня за ручку тащил, хуже моего утомился: съедем пополам!» Взяли, пополам разделили, съели и оба сыты стали.

Вот пошли они дальше; идут всё вперёд да вперёд дорогою широкою — и разбилась та дорога на двое; на распутии столб стоит, на столбе написано:

кто в правую руку пойдёт — царём сделается, кто в левую руку пойдёт — богат будет. Малый брат и говорит большому: «Братец! Ступай ты в правую руку, ты больше меня знаешь, больше меня снести можешь». Большой брат пошёл направо, меньшей — налево.

Вот первый-то шёл-шёл и пришёл в иное царство; попросился к старушке ночь ночевать, переночевал, встал поутру, умылся, оделся, Богу помолился. А в том государстве помер тогда царь, и собираются все люди в церковь со свечами: у кого прежде свеча сама собой загорится, тот царь будет. «Поди и ты, дитятко, в церковь! — говорит ему старушка. — Может, у тебя свеча прежде всех загорится». Дала ему свечку; он и пошёл в церковь; только что входит туда — у него свеча и загорелась; другим князьям да боярам завидно стало, начали огонь тушить, самого мальчика вон гнать. А царица сидит высоко на троне и говорит: «Не троньте его! Худ ли, хорош ли — видно, судьба моя!» Подхватили этого мальчика под руки, привели к ней; она сделала ему во лбу печать своим золотым перстнем, приняла его во дворец к себе, вырастила, объявила царём и вышла за него замуж.

Ни много, ни мало прожили они вместе, и говорит новый царь своей жене: «Позволь мне поехать — разыскивать моего малого брата!» — «Поезжай с богом!» Долго ездил он по разным землям и нашёл малого брата; в великом богатстве живёт, целые кучи золота в амбарах насыпаны; что ни плюнет он — то всё золотом! Девать некуда! «Братец! — говорит меньшей старшему. — Поедем к отцу нашему да посмотрим:

каково его житьё-бытьё?» — «Хоть сейчас в дорогу!» Вот приезжают они к отцу, к матери, попросились к ним в избу роздых сделать, а не сказывают, кто они таковы! Сели за стол; старший брат и начал говорить про утку с золотыми яичками да про мать-лиходейку. А мать то и дело перебивает да речь зами-нает. Отец догадался: «Не вы ли — мои детки?» — «Мы, батюшка!» Пошло обниманье, целованье; что разговоров тут было! Старший брат взял отца в своё царство жить, меньшей поехал невесту искать, а мать одноё покинули.

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛЬЦЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был купец-вдовец; у него были сын, да дочь, да родной брат... В одно время собирается этот купец в чужие земли ехать, разные товары закупать, берёт с собой сына, а дома оставляет дочку; призывает он своего брата и говорит ему: «Препоручаю тебе, любезный братец, весь мой дом и хозяйство и усердно прошу: присматривай построже за моей дочкою, учи её грамоте, а баловать не позволяй!» После того простился купец с братом и с дочерью и отправился в путь. А купеческая дочь была уж на возрасте и такой красоты неописанной, что хоть целый свет изойди, а другой подобной не сыщешь! Пришла дяде нечистая дума в голову, не даёт ему ни днём, ни ночью покоя, стал он приставать к красной дёвице. «Или, — говорит, — грех со мной сотвори, или тебе на свете не жить; и сам пропаду и тебя убью!..»

Пошла как-то девица в баню, дядя за нею — только в дверь, она хватъ полный таз кипятку и окатила его с головы до ног. Три недели провалялся он,

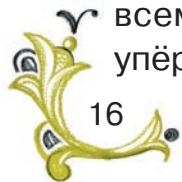
еле выздоровел; страшная ненависть грызёт ему сердце, и начал он думать: как бы отсмеять эту насмешку? Думал-думал, взял да и написал к своему брату письмо: твоя-де дочь худыми делами занимается, по чужим дворам таскается, дома не ночует и меня не слушает. Получил купец это письмо, прочитал и сильно разгневался; говорит сыну: «Вот твоя сестра весь дом опозорила! Не хочу ж её миловать: поезжай сию минуту назад, изруби негодницу на мелкие части и на этом ноже привези её сердце. Пусть добрые люди не смеются с нашего рода-племени!»

Сын взял острый нож и поехал домой; приехал в свой родной город потихоньку, никому не сказываясь, и начал по сторонам разведывать: как живёт такая-то купеческая дочь? Все в один голос хвалят её — не нахвалятся: и тиха-то, и скромна, и Бога знает, и добрых людей слушается. Разузнавши всё, пошёл он к своей сестрице; та обрадовалась, кинулась к нему навстречу, обнимает, целует: «Милый братец! Как тебя Господь принёс? Что наш родимый батюшка?» — «Ах, милая сестрица, не спеши радоваться. Не к добру мой приезд: меня прислал батюшка, приказал твоё белое тело изрубить на мелкие части, сердце твоё вынуть да на этом ноже к нему доставить».

Сестра заплакала. «Боже мой, — говорит, — за что такая немилость?» — «А вот за что!» — отвечал брат и рассказал ей о дядином письме. «Ах, братец, я ни в чём не виновна!» Купеческий сын выслушал, как и что случилось, и говорит: «Не плачь, сестрица! Я сам знаю, что ты не виновна, и хоть батюшка не

велел принимать никаких оправданий, а всё-таки казнить тебя не хочу. Лучше соберись ты и ступай из отцовского дома куды глаза глядят; Бог тебя не оставит!» Купеческая дочь не стала долго думать, собралась в дорогу, простилась с братцем и пошла, куда — и сама не ведает. А её брат убил дворовую собаку, вынул сердце, нацепил на острый нож и повёз к отцу. Отдаёт ему собачье сердце: «Так и так, — говорит, — по твоему родительскому приказанию казнил сестрицу». — «А ну её! Собаке собачья и смерть!» — отвечал отец.

Долго ли, коротко ли блуждала красная девица по белому свету, наконец зашла в частый, дремучий лес: из-за высоких деревьев чуть-чуть небо видно. Стала она ходить по этому лесу и случайно вышла на широкую поляну; на этой поляне — белокаменный дворец, кругом дворца железная решётка. «Дай-ка, — думает девица, — зайду я в этот дворец, не все же злые люди, авось худа не будет!» Входит она в палаты — в палатах нет ни души человеческой; хотела было назад поворотить — вдруг прискакали на двор два сильно-могучие богатыря, вошли во дворец, увидали девицу и говорят: «Здравствуй, красавица!» — «Здравствуйте, честные витязи!» — «Вот, брат, — сказал один богатырь другому, — мы с тобой тужили, что у нас хозяйничать некому; а Бог нам сестрицу послал». Оставили богатыри купеческую дочь у себя жить, назвали родною сестрицею, отдали ей ключи и сделали надо всем домом хозяйкою; потом вынули острые сабли, упёрли друг дружке в грудь и положили такой уговор:

«Если кто из нас посмеет на сестру посягнуть, то не щадя изрубить его этою самою саблею».

Вот живёт красная девица у двух богатырей; а отец её закупил заморских товаров, воротился домой и немного погодя женился на другой жене. Была эта купчиха красоты неописанной и имела у себя волшебное зеркальце; загляни в зеркальце — тотчас узнаешь, где что делается. Раз как-то собрались богатыри на охоту и наказывают своей сестрице: «Смотри же, до нашего приезда никого к себе не пущай!» Попрощались с нею и уехали. В это самое время заглянула купчиха в зеркальце, любуется своей красотой и говорит: «Нет меня в свете прекраснее!» А зеркальце в ответ: «Ты хороша — спору нет! А есть у тебя падчерица, живёт у двух богатырей в дремучем лесу, — та ещё прекраснее!»

Не полюбились эти речи мачехе, тотчас позвала к себе злую старушонку. «На, — говорит, — тебе колечко; ступай в дремучий лес, в том лесу есть белокаменный дворец, во дворце живёт моя падчерица; поклонись ей и отдай это колечко — скажи: братец на память прислал!» Старуха взяла кольцо и отправилась, куда ей сказано; приходит к белокаменному дворцу, увидала её красная девица, выбежала навстречу — захотелось, значит, вестей попытать с родной стороны. «Здравствуй, бабушка! Как тебя Господь занёс? Все ли живы-здоровы?» — «Живут, хлеб жуют! Вот братец просил меня про твоё здоровье проведать да прислал в подарок колечко; на, красуйся!» Девица так рада, так рада, что и рассказать нельзя; привела старуху в

комнаты, угостила всякими закусками да напитками и наказала своему брату родному низко кланяться. Через час времени старуха поплелась назад, а девица стала любоваться колечком и вздумала надеть его на пальчик; надела — и в ту ж минуту упала мёртвая. Приезжают два богатыря, входят в палаты — сестрица не встречает: что такое? Заглянули к ней в спальню; а она лежит мёртвая, словечка не молвит. Взгоревались богатыри: что всего краше было, то неожиданно-негаданно смерть взяла! «Надо, — говорят, — убрать её в новые наряды да в гроб положить». Стали убирать, и заприметил один на руке у красной девицы колечко: «Неужели так её и похоронить с этим колечком? Дай лучше сниму, на память оставлю». Только снял колечко — и красная девица тотчас открыла очи, вздохнула и ожила. «Что с тобой случилось, сестрица? Не заходил ли кто к тебе?» — спрашивают богатыри. «Заходила с родной стороны знакомая старушка и колечко принесла». — «Ах, какая же ты непослушная! Ведь мы недаром тебе наказывали, чтоб никого без нас в дом не пускала. Смотри, в другой раз того не сделай!»

Спустя несколько времени заглянула купчиха в своё зеркальце и узнала, что её падчерица по-прежнему жива и прекрасна; позвала старуху, даёт ей ленточку и говорит: «Ступай к белокаменному дворцу, где живёт моя падчерица, и отдай ей этот гостинец; скажи: братец прислал!» Опять пришла старуха к красной девице, наговорила ей с три короба разных разностей и отдала ленточку. Девица обрадовалась, повязала

ленточку на шею — и в ту же минуту упала на постель мёртвою. Приезжают богатыри с охоты, смотрят — сестрица лежит мёртвая, стали убирать её в новые наряды и только сняли ленточку — как она тут же открыла очи, вздохнула и ожила. «Что с тобой, сестрица? Али опять старуха была?» — «Да, — говорит, — приходила старушка с родной стороны, мне ленточку принесла». — «Ах, какая ты! Ведь мы ж тебя просили: никого без нас не примамай!» — «Простите, милые братцы! Не вытерпела, хотелось из дому вестей послушать».

Прошло ещё несколько дней — заглянула купчиха в зеркальце: опять жива её падчерица. Позвала старуху. «На, — говорит, — волосок! Ступай к падчерице, непременно умори её!» Улучила старуха время, когда богатыри на охоту поехали, пришла к белокаменному дворцу; увидала её в окошечко красная девица, не вытерпела, выскочила к ней навстречу: «Здравствуй, бабушка! Как тебя Бог милует?» — «Покуда жива, голубушка! Вот таскалась по миру и сюда забрела тебя проведать». Привела её красная девица в комнату, угостила всякими закусками и напитками, расспросила про родных и наказала кланяться брату. «Хорошо, — говорит старуха, — буду кланяться. А ведь тебе, голубушка, чай и в голове поискать некому? Дай-ка я поищу». — «Поищи, бабушка!» Стала она искать в голове красной девицы и вплела в её косу волшебный волосок; как скоро вплела этот волосок, девица в ту же минуту сделалась мёртвою. Старуха зло усмехнулась и ушла поскорей, чтобы никто не застал её, не увидел.

Приезжают богатыри, входят в комнаты — сестра лежит мёртвая; долго они вглядывались-присматривались, нет ли на ней чего лишнего? Нет, ничего не видеть! Вот сделали они хрустальный гроб — такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать; нарядили купеческую дочь в блестящее платье, словно невесту к венцу, и положили в хрустальный гроб; тот гроб поставили посерёд большой палаты, а над ним устроили балдахин красного бархату с бриллиантовыми кистями с золотыми бахромами, и повесили на двенадцати хрустальных столбах двенадцать лампад. После того залились богатыри горячими слезами; обуяла их великая тоска. «На что, — говорят, — нам на белом свете жить? Пойдём, решим себя!» Обнялись, попрощались друг с дружкой, вышли на высокий балкон, взялись за руки и бросились вниз; ударились об острые камни и кончили свою жизнь.

Много-много годов прошло. Случилось одному царевичу на охоте быть; заехал он в дремучий лес, распустил своих собак в разные стороны, отделился от охотников и поехал один по заглохшей тропинке. Ехал-ехал, и вот перед ним поляна, на поляне белокаменный дворец. Царевич слез с коня, взошёл по лестнице, стал покои осматривать; везде уборы богатые, роскошные, а хозяйской руки ни на чём не видно: всё давным-давно покинуто, всё запущено! В одной палате стоит хрустальный гроб, а в гробу лежит мёртвая девица красоты неописанной: на щеках румянец, на устах улыбка, точь-в-точь живая спит.

Подошёл царевич, взглянул на девицу да так и остался на месте, словно невидимая сила его держит. Стоит он с утра до позднего вечера, глаз отвести не может, на сердце тревога: приковала его краса девичья — чудная, невиданная, какой во всём свете другой не сыскать! А охотники давно его ищут; уж они по лесу рыскали, и в трубы трубили, и голоса подавали — царевич стоит у хрустального гроба, ничего не слышит. Солнце село, сгустился мрак, и тут только он опомнился — поцеловал мёртвую девицу и поехал назад. «Ах, ваше высочество, где вы были?» — спрашивают охотники. «Гнался за зверем да немного заплутал». На другой день чуть свет — царевич уж на охоту собирается; поскакал в лес, отделился от охотников и тою же тропинкою приехал к белокаменному дворцу. Опять целый день простоял у хрустального гроба, глаз не сводя с мёртвой красавицы; только позднюю ночью домой воротился. На третий день, на четвертый всё то же, и так целая неделя прошла. «Что это с нашим царевичем подеялось? — говорят охотники. — Станемте, братцы, за ним следить, замечать, чтобы худа какого не случилось».

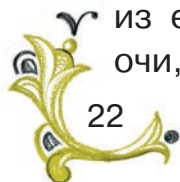
Вот поехал царевич на охоту, распустил собак по лесу, отделился от свиты и направил путь к белокаменному дворцу; охотники тотчас же за ним, приезжают на поляну, входят во дворец — там в палате хрустальный гроб, в гробу мёртвая девица лежит, перед девицей царевич стоит. «Ну, ваше высочество, недаром вы целую неделю по лесу плутали! Теперь и нам не уйтись отсюда до вечера». Обступили кругом хрус-

тальный гроб, смотрят на девицу, красотой её любят, и простояли на одном месте с утра до позднего вечера. Когда потемнело совсем, обратился царевич к охотникам: «Сослужите мне, братцы, великую службу: возьмите гроб с мёртвой девицей, привезите и поставьте в моей спальне; да тихомолком, тайно сделайте, чтоб никто про то не узнал, не проведал. Награжу вас всячески, пожалуйю золотой казною, как никто вас не жаловал». — «Твоя воля жаловать; а мы, царевич, и так служить тебе рады!» — сказали охотники, подняли хрустальный гроб, вынесли на двор, устроили на лошадях и повезли в царский дворец; привезли и поставили у царевича в спальне.

С того самого дня перестал царевич и думать об охоте; сидит себе дома, никуда из своей комнаты не выходит — всё на девицу любит. «Что такое с нашим сыном приключилось? — думает царица. — Вот уж сколько времени, а он всё дома сидит, из своей комнаты не выходит и к себе никого не пускает. Грусть-тоска, что ли, напала, али хворь какая прикинулась? Дай пойду посмотрю на него». Входит царица к нему в спальню и видит хрустальный гроб. Как и что? Расспросила-разведала и тотчас же приказ отдала похоронить ту девицу, как следует по обычаю, в мать сырой земле.

Заплакал царевич, пошёл в сад, нарвал чудесных цветов, принёс и стал расчёсывать мёртвой красавице русую косу да цветами голову убирать. Вдруг выпал из её косы волшебный волосок — красавица раскрыла очи, вздохнула, приподнялась из хрустального гроба и

говорит: «Ах, как я долго спала!» Царевич несказанно обрадовался, взял её за руку, повёл к отцу, к матери. «Мне, — говорит, — Бог её дал! Не могу жить без неё ни единой минуты. Позволь, родимый батюшка, и ты, родная матушка, допусти жениться». — «Женись, сынок! Против Бога не пойдём, да и такой красоты во всём свете поискать!» У царей ни за чем остановок не бывает: в тот же день честным пирком да и за свадебку.

Женился царевич на купеческой дочери, живёт с нею — не нарадуется. Прошло сколько-то времени — вздумалось ей поехать в свою сторону, отца с братцем навестить; царевич не прочь, стал у отца проситься. «Хорошо, — говорит царь, — поезжайте, дети мои любезные! Ты, царевич, отправляйся сухим путём в объезд, осмотри этим случаем все наши земли и порядки узнай, а жена твоя пусть на корабле плывёт прямым путём». Вот изготовили корабль к походу, нарядили¹ матросов, назначили начального генерала; царица села на корабль и вышла в открытое море, а царевич поехал сухим путём.

Начальный генерал, видючи прекрасную царевну, позавидовал её красоте и начал к ней подольщаться; чего бояться, думает, — ведь она теперь в моих руках, что хочу — то и делаю! «Полюби меня, — говорит он царевне, — коли не полюбишь — в море выброшу!» Царевна отвернулась, не даёт ему ответу, только слезами заливается. Подслушал генеральские

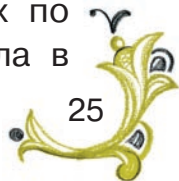
¹ Взяли на службу.

речи один матросик, пришёл к царевне вечером и стал говорить: «Не плачь, царевна! Одевайся ты в моё платье, а я твоё надену; ты ступай на палубу, а я в каюте остануся. Пусть генерал меня в море выбросит — я того не боюсь; авось справлюся, доплыву до пристани: благо теперь земля близко!» Поменялись они платьем; царевна пошла на палубу, а матрос лёг на её постель. Ночью явился в каюту начальный генерал, схватил матроса и выкинул в море. Матрос пустился вплавь и к утру добрался до берега. Корабль пришёл к пристани, стали матросы сходить на землю; сошла и царевна, бросилась на рынок, купила себе поварскую одежду, нарядилась поварёнком и нанялась к своему родному отцу на кухне прислуживать.

Немного спустя приезжает к купцу царевич. «Здравствуй, — говорит, — батюшка! Принимай-ка зятя, ведь я на твоей дочке женат. Да где ж она? Аль ещё не бывала?» А тут начальный генерал с докладом является: «Так и так, ваше высочество! Несчастье случилось: стояла царевна на палубе, поднялась буря, началась качка, голова у ней закружилась — и мигнуть не успели, как царевна свалилась в море и потонула!» Царевич потужил-поплакал, да ведь со дна моря не воротишь; видно, такова судьба ей назначена! Погостил царевич у своего тестя несколько времени и велел своей свите к отъезду готовиться; купец на прощанье задал большой пир; собрались к нему и купцы, и бояре, и все сродники: были тут и родной брат его, и злая старуха, и начальный генерал.

Пили, ели, прохлаждались; один из гостей и говорит: «Послушайте, господа честные! Что всё пить да пить — с того добру не быть; давайте-ка лучше сказывать сказки». — «Ладно, ладно! — закричали со всех сторон. — Кто же начнёт?» Тот не умеет, другой не горазд, а третьему вино память отшибло. Как быть? Отозвался тут купеческий приказчик: «Есть у нас на кухне новый поварёнок, много по чужим землям странствовал, много всяких див видовал и такой мастер сказки сказывать — что на́ поди!» Купец позвал того поварёнка. «Потешь, — говорит, — моих гостей!» Отвечает ему поварёнок-царевна: «Что рассказать-то вам: сказку аль бывальщину?» — «Сказывай бывальщину!» — «Пожалуй, можно и бывальщину, только с таким уговором: кто меня перебьёт, того чумичкой в лоб».

Все на это согласились. И царевна начала рассказывать всё, что с нею самой случилось. «Так и этак, — говорит, — была у купца дочь; поехал купец за море и поручил своему родному брату смотреть за девицей; дядя позарился на её красоту и не даёт ей ни минуты покою...» А дядя слышит, что речь про него идёт, и говорит: «Это, господа, неправда!» — «А, по-твоему, неправда? Вот же тебе чумичка в лоб!» После того дошло дело до мачехи, как она волшебное зеркальце допрашивала, и до злой старухи, как она к богатырям в белокаменный дворец приходила, — и старуха и мачеха в один голос закричали: «Вот вздор какой! Этого быть не может». Царевна ударила их по лбу чумичкою и стала рассказывать, как она лежала в

хрустальном гробе, как нашёл её царевич, оживил и женился на ней и как она поехала отца навестить.

Генерал смекнул, что дело-то не ладно, и просится у царевича: «Позвольте мне домой уйти; что-то голова разболелась!» — «Ничего, посиди немножко!» Стала царица про генерала рассказывать; ну, и он не вытерпел. «Всё это, — говорит, — неправда!» Царица его чумичкою в лоб да сбросила с себя поварское платье и открылась царевичу: «Я-де не поварёнок, я — твоя законная жена!» Царевич обрадовался, купец — тоже; бросились они обнимать, целовать её; а потом принялись суд судить; злую старуху вместе с дядею на воротах расстреляли, мачеху-волшебницу к жеребцу за хвост привязали, жеребец полетел в чистое поле и разнёс её кости по кустам, по яругам¹; генерала царевич сослал на каторгу, а на его место пожаловал матроса, что царицу от беды спас. С того времени жили царевич, его жена и купец вместе — долго и счастливо.

¹ Яру́ги — овраги, лощины, буераки.

КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ И СЛУЖАНКА

Жил купец пребогатый; у него одна дочь была хороша-расхороша! Развозит этот купец товар по разным губерниям, и приехал он в некое царство к царю, привёз красный товар и стал ему отдавать. Изымел с ним царь таково слово: «Что, — говорит, — я по себе невесты не найду?» Вот купец и стал говорить этому царю: «У меня есть дочка хороша; так хороша, что человек ни вздумает, то она узнаёт!» То царь часа часовать не стал, написал письмо и скричал своим господам жандармам: «Ступайте вы к этому купцу и отдайте это письмо купеческой дочери!» — а в письме написано: «Убирайся¹ венчаться».

Взяла купеческая дочь это письмо на руки, залилась слезами и стала убираться, и служанка с нею; и никто эту служанку не разгадает с купеческой дочерью: потому не разгадает, что обе на одно лицо. Вот убрались они в одинакое платье и едут к царю венчаться. Досадно стало этой служанке; сейчас и го-

¹ Собирайся, одевайся.

ворит: «Пойдём, по острову погуляем!» Пошли по острову; усыпила служанка купеческую дочь сонным зельем, вырезала у неё глаза и положила в карманчик. Потом приходит к жандармам и говорит: «Господа жандармы! Уходилась на море моя служанка». А они в ответ: «Нам лишь бы ты была жива, а эта крестьянка вовсе не нужна!» Приехали к царю; сейчас стали венчаться и начали жить. Вот царь сам себе думает: «Должно быть, купец меня обманул! Это не купеческая дочь. Отчего она так нехороша умом-разумом? Вовсе ничего не умеет делать!»

Живёт он с нею; а эта купеческая дочь опомнилась от болезни, что ей служанка-то причинила: ничего она не видит, а только слышит. И слышит она, что стережёт старичок скотину; стала ему говорить: «Где ты, дедушка, находишься?» — «Я живу в избушке». — «Прими и меня с собою». Старичок принял её. Она и говорит: «Дедушка, отгони скотину-то!» Он её послушал — отогнал скотину. И посылает она этого старика в лавку: «Возьми ты бархату и шёлку в долг». Старик пошёл. Из богатых никто не дал в долг, а дали ему из бедной лавки. Принёс он слепенькой бархату и шёлку. Она ему говорит: «Дедушка, ложись спать и ухом не веدي; а мне что день, что ночь — всё равно!» И стала из бархату и шёлку царскую корону шить; вышила такую хорошую корону, что глядеть — не наглядеться.

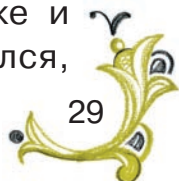
Полутру рано будит слепенькая старика и говорит: «Поди, отнеси к царю; ничего не проси, а проси только глаз; и что над тобой ни будут там делать, — ничего не бойся!» Вот он пришёл во дворец, принёс ко-

рону. Тут все над этой короной сдивовались и стали у него торговать; а старичок стал у них просить глаз. Сейчас донесли царю, что он глаз просит. Царь вышел, обрадовался короне и начал торговать её, а тот и с него глаз просит. Ну, царь заругался и хотел уж его в острог сажать. Только что царь ни говорит, а он своё дело правит. Царь скричал своим жандармам: «Подите, у пленного солдата вырежьте глаз!» А жена его, царица, сейчас выскочила, вынимает глаз и даёт его царю. Царь очень обрадовался: «Ах, как ты меня выручила, царевнушка!» — и отдал старику этот глаз.

Старик взял и пошёл со дворца; пришёл в свою избушку. Слепая спрашивает: «Взял ли ты, дедушка, мой глазок?» Он говорит: «Взял». Вот она приняла у него, вышла на зóрю, поплевала на глазок, приставила — и стала видеть.

Посылает она старичка опять в лавки, дала ему денег, велела долг отдать за шёлк и за бархат и ещё приказала взять бархату и золота. Взял он у бедного купца и принёс купеческой дочери и бархату, и золота. Вот она села шить другую корону, сшила и посылает старичка к этому же царю, а сама приказывает: «Ничего не бери, только глаз проси; а станут тебя спрашивать, где ты взял, — скажи: мне Бог дал!»

Пришёл старик во дворец; там все сдивовались; первая корона была хороша, а эта ещё лучше. И говорит царь: «Что ни давать, а купить надо!» — «Дай мне глаз», — просит старик. Царь сейчас посылает вырезать глаз у пленного, а супруга царёва тут же и вынимает другой глазок. Царь очень обрадовался,

благодарит её: «Ах, как ты меня, матушка, выручила этим глазком!» Спрашивает царь старичка: «Где ты, старичок, берёшь эти короны?» — «Мне Бог дал!» — сказал ему старик и пошёл со дворца. Приходит в избушку, отдаёт глазок слепенькой. Она вышла опять на зорю, поплевала глазок, приставила его — и стала видеть обоими глазами. Ночь спала в избушке, а то вдруг очутилась в стеклянном доме, и завела она гулянья.

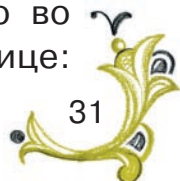
Едет царь посмотреть, что такое за диво, кто такой построил эти хоромы? Въехал во двор, и так она ему рада, сейчас его принимает и за столик сажает. Попировал там, уезжает и зовет её к себе в гости. Вернулся к себе в дом и рассказывает своей царице: «Ах, матушка, какой в этом месте дом и какая в нём девица! Кто что ни вздумает, то она узнаёт!» Царица догадалась и говорит сама себе: «Это, верно, она, которой я глаза вырезала!»

Вот царь опять едет к ней в гости, а царице очень досадно. Приехал царь, попировал и зовёт её в гости. Она стала убираться и говорит старичку: «Прощай! Вот тебе сундук денег: до дна его не добирай — всегда будет полон. Ляжешь ты спать в этом стеклянном доме, а встанешь в избушке своей. Вот я в гости поеду; меня вживё не будет — убьют и в мелкие части изрубят; ты встань поутру, сделай гробок, собери мои кусочки и похорони». Старичок заплакал об ней. Тем же часом жандармы приехали, посадили её и повезли. Привозят её в гости, а царица на неё и не смотрит — сейчас застрелила бы её.

Вот и вышла царица на двор и говорит жандармам: «Как вы эту девку домой повезёте, так тут же иссеките её в мясные части и выньте у неё сердце да привезите ко мне!» Повезли они купеческу дочь домой и разговаривают с ней быстро; а она уж знает, что они хотят делать, и говорит им: «Секите ж меня скорее!» Они иссекли её, вынули у неё сердце, а самую в назём закопали и приехали во дворец. Царица вышла, взяла сердце, скатала его в яйцо и положила в карман. Старичок спал в стеклянном дому, а встал в избушке и залился слезами. Плакал-плакал, а дело надо исполнить. Сделал гроб и пошёл искать её; нашёл в навозе, разрыл, собрал все части, положил их в гроб и похоронил у себя.

А царь не знает никакого дела, едет к купеческой дочери в гости. Приехал на то место — нет ни дома, нет ни девицы, а только где она схоронена, там над ней сад вырос. Вернулся во дворец и стал царице рассказывать: «Ездил-ездил, не нашёл ни дома, ни девицы, а только один сад!» Вот царица услышала об этом; вышла на двор и говорит жандармам: «Ступайте вы, посеките на том месте сад!» Приехали они к саду и стали его сечь, а он весь окаменел.

Не терпится царю — хочется сад посмотреть; вот и едет глядеть его. Приехал в сад и увидал в нём мальчика — и какой хорошенький мальчик! «Верно, — думает, — господа гуляли да потеряли». Взял его во дворец, привёз в свои палаты и говорит царице:

«Смотри, матушка, не расквили¹ его». А мальчик на то время так раскричался, что ничем его и не забавят: и так и сяк, а он знай кричит! Царица вынула из карманчика яичко, скатанное из сердца, и дала ему; он и перестал кричать, зачал бегать по комнатам. «Ах, матушка, — говорит царь царице, — как ты его утетила!»

Мальчик побёг на двор, а царь за ним; он на улицу — и царь на улицу, он в поля — и царь в поля, он в сад — и царь в сад. Увидал там этот царь девицу и очень обрадовался. Девица и говорит ему: «Я твоя невеста, купеческая дочь, а царица твоя — моя служанка». Вот и приехали они во дворец. Царица упала ей в ноги: «Прости меня!» — «А ты меня не прощала: один раз глаза вырезала, а в другой велела в мелкие части рассечь!» Царь и говорит: «Жандармы! Вырежьте же теперь и царице глаза и пустите её в поля». Вырезали ей глаза, привязали к коням и пустили в поля. Размыкали её кони по чистому полю. А царь с молодой царицею стали жить да поживать, добра наживать. Царь ею завсегда любовался и в золоте водил.

¹ Не раздражи.

ЗОРЬКА, ВЕЧОРКА И ПОЛУНОЧКА

В некоем государстве жил-был король; у него было три дочери красоты неописанной. Король берёг их пуще глаза своего, устроил подземные палаты и посадил их туда, словно птичек в клетку, чтобы ни буйные ветры на них не повеяли, ни красно солнышко лучом не опалило. Раз как-то вычитали королевны в одной книге, что есть чудный белый свет, и когда пришёл король навестить их, они тотчас начали его со слезами упрашивать: «Государь ты наш батюшка! Выпусти нас на белый свет посмотреть, в зелёном саду погулять». Король принялся было их отговаривать, — куда! — и слышать не хотят; чем больше отказывает, тем они пуще к нему пристают. Нечего делать, согласился король на их неотступную просьбу.

Вот прекрасные королевны вышли в сад погулять, увидали красное солнышко, и деревья, и цветы и несканно возрадовались, что им волен белый свет; бегают по саду — забавляются, всякою травкою любят-ся, как вдруг подхватило их буйным вихрем и унесло высоко-далеко — неведомо куда. Мамки и няньки всполошились, побежали к королю докладывать; ко-

роль тотчас разослал во все стороны своих верных слуг: кто на след нападёт, тому посулил большую награду пожаловать. Слуги ездили-ездили, ничего не проводали, с чем поехали — с тем и назад воротились. Король созвал свой большой совет, стал у думных бояр спрашивать, не возьмётся ли кто разыскать его дочерей? Кто это дело сделает, за того любую королевну замуж отдаст и богатым приданым на всю жизнь наделит. Раз спросил — бояре молчат, в другой — не отзываются, в третий — никто ни полслова! Залился король горячими слезами: «Видно, нет у меня ни друзей, ни заступников!» — и велел по всему государству клич кликать: не выищется ли кто на такое дело из простых людей?

А в то самое время жила-была в одной деревне бедная вдова, и было у неё трое сынов — сильномогучих богатырей; все они родились в одну ночь: старший с вечера, середний в полночь, а меньшей на ранней утренней зоре, и назвали их по тому: Вечорка, Полуночка и Зорька. Как дошёл до них королевский клич, они тотчас взяли у матери благословение, собрались в путь и поехали в столичный град. Приехали к королю, поклонились ему низко и молвили: «Многолетне здравствуй, государь! Мы пришли к тебе не пир пировать, службу служить; позволь нам поехать, твоих королевен разыскать». — «Исполать вам, добрые молодцы! Как вас по имени зовут?» — «Мы — три брата родные: Зорька, Вечорка и Полуночка». — «Чем же вас на дорогу пожаловать?» — «Нам, государь, ничего не надобно; не оставь только нашей матушки, призри

её в бедности да в старости». Король взял старуху, поместил во дворец и велел кормить её и поить со своего стола, одевать-обувать из своих кладовых.

Отправились добрые молодцы в путь-дорогу; едут месяц, и другой, и третий и заехали в широкую пустынную степь. За той степью дремучий лес, а у самого лесу стоит избушка; постучались в окошко — нет отзова, вошли в двери — а в избушке нет никого. «Ну, братцы, останемся здесь на время, отдохнём с дороги». Разделись, помолились Богу и легли спать. Наутро меньшей брат Зорька говорит старшему брату Вечорке: «Мы двое на охоту пойдём, а ты оставайся дома да приготовь нам обедать». Старший брат согласился; возле той избушки был хлевец полон овец; вот он, долго не думая, взял что ни есть лучшего барана, зарезал, вычистил и зажарил к обеду. Приготовил всё как надобно и лёг на лавочку отдохнуть.

Вдруг застучало, загремело — отворилась дверь и вошёл старичок, сам с ноготок, борода с локоток, глянул сердито и закричал на Вечорку: «Как смел в моём доме хозяйничать, как смел моего барана зарезать?» Отвечает Вечорка: «Прежде вырасти, а то тебя от земли не видать! Вот возьму щей ложку да хлеба крошку — все глаза заплесну!» Старичок с ноготок ещё пуще озлобился: «Я мал, да удал!» Схватил горбушку хлеба и давай его в голову бить, до полусмерти прибил, чуть-чуть живого оставил и бросил под лавку; потом съел зажаренного барана и ушёл в лес. Вечорка обвязал голову тряпицею, лежит да охает. Воротились братья, спрашивают: «Что с тобой подея-

лось?» — «Эх, братцы, затопил я печку, да от великого жару разболелась у меня головушка — весь день как шальной провалялся, не мог ни варить, ни жарить!»

На другой день Зорька с Вечоркою на охоту пошли, а Полуночку дома оставили: пусть-де обед приготовит. Полуночка развёл огонь, выбрал самого жирного барана, зарезал его, поставил в печь; управился и лёг на лавку. Вдруг застучало, загремело — вошёл старичок, сам с ноготок, борода с локоток и давай его бить-колотить; чуть-чуть совсем не ухлопал! Съел жареного барана и ушёл в лес. Полуночка завязал платком голову, лежит под лавкою и охает. Воротились братья. «Что с тобой?» — спрашивает Зорька. «Угорел, братцы! Всю головушку разломило, и обеда вам не готовил».

На третий день старшие братья на охоту пошли, а Зорька дома остался; выбрал что ни есть лучшего барана, зарезал, вычистил и зажарил. Управился и лёг на лавочку. Вдруг застучало, загремело — идёт во двор старичок, сам с ноготок, борода с локоток, на голове целый стог сена тащит, а в руках большой чан воды несёт; поставил чан с водою, раскидал сено по двору и принялся овец считать. Видит — опять не хватает одного барана, рассердился, побежал в избушку, бросился на Зорьку и крепко ударил его в голову. Зорька вскочил, ухватил старичка за длинную бороду и ну таскать вповолóчку во все стороны; таскает да приговаривает: «Не узнав броду, не суйся в воду!»

Взмолился старичок, сам с ноготок, борода с локоток: «Смилуйся, сильномогучий богатырь! Не предавай меня смерти, отпусти душу на покаяние». Зорька вытащил его на двор, подвёл к дубовому столбу и в тот столб забил ему бороду большим железным клином; после воротился в избу, сидит да братьев дожидается. Пришли братья с охоты и дивуются, что он цел-невредим. Зорька усмехается и говорит: «Пойдёмте-ка, братцы, ведь я ваш угар поймал, к столбу привязал». Выходят на двор, смотрят — старичок с ноготок давно убежал, только половина бороды на столбе мотается; а где он бежал, тут кровь лилась.

По тому следу добрались братья до глубокого провала. Зорька пошёл в лес, надрал лыков, свил верёвку и велел спустить себя под землю. Вечорка и Полуночка спустили его под землю. Очутился он на том свете, отвязался от цепи и пошёл куда глаза глядят. Шёл-шёл — стоит медный дворец; он во дворец, встречает его младшая королева — краше цвета алого, белей снегу белого — и ласково спрашивает: «Как зашёл сюда, добрый молодец, по воле аль по неволе?» — «Твой родитель послал вас, королевен, разыскивать». Она тотчас посадила его за стол, накормила-напоила и даёт ему пузырёк с сильной водою: «Испей-ка этой водицы, у тебя силы прибавится». Зорька выпил тот пузырёк и почуял в себе мощь великую. «Теперь, — думает, — хоть кого осилю!»

Тут поднялся буйный ветер, королева испугалась: «Сейчас, — говорит, — мой змей прилетит!» — взяла его за руку и схоронила в другой комнате. Прилетел

трёхглавый змей, ударился о сырую землю, обернулся молодцем и закричал: «А! Русским духом пахнет... кто у тебя в гостях?» — «Кому у меня быть? Ты по Руси летал, там русского духу набрался — оттого и здесь тебе чудится». Змей запросил есть и пить; королева принесла ему разных кушаньев и напитков, а в те напитки подсыпала сонного зелья, змей наелся-напился, стало его в сон бросать; он заставил королеву искать у себя в головах, лёг к ней на колени и заснул крепким сном. Королева вызвала Зорьку; тот вышел, размахнул мечом и отрубил змею все три головы; потом разложил костёр, сжёг змея поганого и пустил пепел по чистому полю.

«Теперь прощай, королева! Пойду искать твоих сестёр, а как найду — за тобой ворочусь», — сказал Зорька и пошёл в дорогу; шёл-шёл — видит серебряный дворец, в том дворце жила середняя королева. Зорька убил тут шестиглавого змея и пошёл дальше. Долго ли, коротко ли — добрался он до золотого дворца, в том дворце жила старшая королева. Он убил двенадцатиглавого змея и освободил её от заключения. Королева возрадовалась, стала домой собираться, вышла на широкий двор, махнула красным платочком — золотое царство в яичко скаталось; взяла то яичко, положила в карман и пошла с Зорькою-богатырём за своими сестрицами. Те то же самое сделали: скатали свои царства в яички, забрали с собой и отправились к провалу. Вечорка и Полночка вытащили своего брата и трёх королевен на белый свет. Приезжают они все вместе в своё государство;

королевы покатили в чистом поле своими яичками — и тотчас явились три царства: медное, серебряное и золотое. Король так обрадовался, что и рассказать нельзя; тотчас же обвенчал Зорьку, Вечорку и Полуночку на своих дочерях, а по смерти сделал Зорьку своим наследником.

КУПЛЕННАЯ ЖЕНА

Жил-был Иван купеческий сын: промотал по смерти отца своё имение и нанялся к родному дяде в приказчики. Дядя нагрузил свои корабли товарами и поехал вместе с племянником за море — в чужестранных землях торг вести. Приплыли они к знатному столичному городу, привалили к пристани, выгрузились и начали одни товары сбывать, а другие покупать да денежки наживать. Говорит дядя племяннику: «Вот тебе в награду сто рублей денег; ступай купи себе товару, какой полюбится. Долго прохлаждаться здесь не будем; как покончим дело, так и домой повернём».

Иван взял сто рублей и пошёл на рынок, ходит около лавок в раздумье, приглядывается: какой бы товар купить? Вдруг откуда ни взялся — подходит к нему старик: «Чего, добрый человек, ищешь?» — «Хочу купить на сто рублей товару». — «Давай деньги, я тебя наделю таким товаром, что ты сроду этакого не видывал». Купеческий сын отдал ему сто рублей; старик взял деньги и говорит: «Ступай за мною!» Приводит его на самый край города — в прекрасный сад; в

том саду за золотою решёткой сидит душа-девица — такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать. «Вот мой товар — красная девица; бери её за руку и веди домой!» — «Что ты, старина, этот товар мне не надобен; я и так на красных девушек всё отцовское добро промотал, да теперь закаялся». — «Ну, брат, коли тебе товар мой неугоден, так ступай с пустыми руками; нет тебе ни товару, ни денег!» Иван купеческий сын залился горькими слезами: «Что я за несчастный такой! — думает про себя. — Сто рублей задаром потерял». Вернулся к дяде. «Что ж, купил товару?» — «Нет, дядюшка! На сто рублей не купишь». — «Ну вот тебе ещё сотня».

На другой день пошёл Иван на рынок, попадаетеся ему навстречу тот же самый старик: «Здравствуй, добрый человек!» — «Здравствуй, божий старичок!» — отвечает Иван; смотрит старику прямо в глаза, а признать его не может. Что вчера было, то и теперь случилось; пропала у Ивана и другая сотня. На третий день получил он от дяди ещё сотню и опять повстречал старика; старик взял с него деньги, привёл к золотой решётке: «Вот, — говорит, — мой товар — красная девица; бери её за руку и веди домой!»

Купеческий сын подумал-подумал: «Знать, судьба моя такова!» — взял девицу и повёл с собою. Спрашивает её дорогою: «Скажись, красная девица, ты какого рода, какого племени?» — «Я королевская дочь, а зовут меня Настасья Прекрасная; назад тому десять лет выпросилась я у батюшки, у матушки и пошла погулять на реку; увидала на воде лодочку хорошо при-

украшенную, захотела на ней покататься, и только села в лодочку — как она поплыла, да так шибко, что в пять минут совсем берега пропали; принесло меня волной к зелёному саду, посадил меня старик за золотую решётку, и жила я там, пока ты меня выкупил». — «Как же я теперь покажусь дяде? — спрашивает Иван купеческий сын. — Триста рублей истратил, а товару не купил». — «Ничего, это дело поправное! — отвечала Настасья Прекрасная. — Наймём прежде всего квартиру».

Наняли квартиру, она уложила его спать, а сама за работу села и вышила чудный ковёр; поутру будит купеческого сына: «На, — говорит, — ковёр! Неси на рынок; коли кто станет покупать, ты денег не бери, а проси, чтоб напоил тебя допьяна». Иван купеческий сын так и сделал, напился допьяна, вышел из кабака и упал в грязную лужу; собралось много всякого народу, смотрят на него да смеются: «Хорош молодец! Хоть сейчас под венец веди!» — «Хорош — нехорош, а велю — Настасья Прекрасная меня в маковку поцелует». — «Не больно хвастайся! — говорит богатый купец. — Она на тебя и взглянуть не захочет — вишь ты какой захлюстанный¹!» Начали спорить; купец говорит: «Давай об заклад биться — хочешь на десять тысяч?» — «Есть из чего хлопотать! Коли биться, так на всё имение». — «Ну, пожалуй, на всё имение!» Только порешили это дело, глядь — идёт Настасья Прекрасная, подняла купеческого сына за руку, поцеловала в

¹ Неопрятный, у кого полы всегда в грязи.

самую маковку, обтёрла-обчистила и повела домой.

Выиграл Иван у того купца и лавки с товарами и подвалы с самоцветными камнями; первый богач сделался. Говорит ему Настасья Прекрасная: «Беги — созывай кирпичников да заказывай работу; пусть скорёхонько кирпичи готовят, внутрь каждого кирпича самоцветные камни заделывают». Сказано — сделано. На много возов уложил Иван купеческий сын те кирпичи, покрыл рогожами и повёз к своему дяде на корабль. «Здравствуй, племянник! Где был-пропадал? Какого добра накупил?» — «Да вот кирпичу привёз». — «Эх ты, голова! Этого товару и в нашем царстве довольно. Какой с него барыш будет?» — «Бог милостив! Авось что-нибудь перепадёт и мне на бедность». — «Ну, вали на корабль!» Иван тотчас свалил весь свой товар, съездил за Настасьей Прекрасною и её на корабль доставил. Дядя увидал красну девицу и говорит племяннику: «А я думал — ты совсем остепенился; ан выходит, ты всё такой же! Старины не покидаешь...»

Вот якоря подняты, паруса поставлены, и поплыли корабли в открытое море. Долго ли, коротко ли — приехали дядя с племянником в своё государство: надо им к царю идти и подарки нести. Дядя берёт кусок парчи да кусок бархату, а племянник два кирпичика. «Ты куда?» — спрашивает дядя. «К царю пойду». — «А что понесёшь?» — «Вот два кирпичика». — «Эх, брат, лучше не ходи — и себя не срами и меня в ответ не вводи. Не ровен час — царь прогневается; беда будет!» — «Нет, дядя! Какой есть товар, тот и понесу». Дядя уговаривал его, уговаривал, видит, что ни-

как не уломает. «Ну, — говорит, — коли что случится — на себя пеняй, а я в твоей вине не ответчик». Являются они к самому царю; дядя бил челом парчою да бархатом, а Иван купеческий сын подал на золотом блюде два кирпичика: «Извольте разломить, ваше величество!» Царь разломил кирпичи; оттуда так и посыпались дорогие самоцветные камни — всю комнату осветили. «Спасибо тебе за подарочек; этаких камней-ев я отродясь не видывал. Выбирай себе первое место в городе и торгуй безданно-беспошлинно».

Иван купеческий сын выбрал лучшее место в городе, поставил дом и лавки и завёл большой торг; а как всё по хозяйству устроил, вздумал жениться на Настасье Прекрасной, а вздумавши, послал к её отцу просить родительского благословения. Король думает: «Как-таки отдать королеву за простого торгаша? И смех и срам будет!» И начал он манить купеческого сына разными проволочками, а сам нарядил целый полк и приказал выкрасть Настасью Прекрасную.

Раз отлучился куда-то по своим делам Иван купеческий сын, больше месяца дома не бывал, а как воротился, невесту его уже выкрали и к отцу увезли. Заплакал он и пошёл куда глаза глядят; шёл-шёл, много горя принял и холоду и голоду испытал; начал молитву творить: «Хоть бы Господь послал мне попутчика — всё б веселей было!» Смотрит — старичок идёт. «Здравствуй, добрый молодец! Куда путь держишь?» — «Эх, дедушка! Было в руках счастье, да не дал Бог владеть! Иду искать Настасью Прекрасную». — «Поздно собрался! Её уж просватали за одного царе-

веча». — «Мне хоть бы раз посмотреть на неё!» — «Ну, пойдём вместе, и мне туда ж дорога лежит».

Вот и пошли вдвоём; шли-шли, порядком проголодались. Вынул старик из-за пазухи просвиру, переломил пополам; себе взял одну половину, а другую даёт своему товарищу. Купеческий сын отказывается. «Тебе самому, — говорит, — мало!» — «Бери! Бог даст — и этого не съедим, а сыты будем». Так и вышло: просвиры не съели, а уж оба сыты. Долго ли, коротко ли — приводит старик Ивана купеческого сына в королевский сад и говорит: «Стань под эту яблоньку и смотри — выйдет Настасья Прекрасная гулять по саду и как раз мимо тебя пройдёт; только как станут падать яблоки, ты их не моги собирать да кушать, а не то заснёшь непробудным сном».

Купеческий сын стал под яблоню; начали с дерева яблоки валиться, да такие славные, наливные, пахучие; он не вытерпел, поднял одно яблочко и скушал; скушал и заснул непробудным сном. Вышла Настасья Прекрасная по саду погулять, увидала своего суженого и бросилась будить его; будила, будила, никак не могла разбудить, написала записочку: «Прощай, милый друг! Завтра моя свадьба», — и положила ему в правую руку. Наутро проснулся Иван купеческий сын, прочитал записку и залился слезами. Приходит старик: «Я ж тебе говорил: не бери, не ешь яблоков; а ты не послушался! Ступай поскорее — не найдёшь ли где дощечки».

Купеческий сын побежал по улице, нашёл дощечку и принёс старику. Тот взял её, навязал струны, остановился у кабака и давай разные песни наигрывать.

Что тут народу собралось — видимо-невидимо! Тотчас доложили королю: возле кабака такой-де музыкант проявился, что лучше королевских играет! Король приказал позвать его во дворец: «Пусть на свадьбе поиграет да гостей повеселит». Побежали гонцы, зовут старика на свадьбу; он отвечает: «Сейчас приду!» Снял с себя одёжу, нарядил в неё купеческого сына, дал ему самодельную скрипочку и говорит: «Ступай ты вместо меня». — «Как мне идти, когда я играть не умею?» — «Ничего; ты только смычком води да руками перебирай, а скрипка сама играть станет».

Вот Иван купеческий сын пришёл во дворец, стал промеж музыкантов, начал играть — его скрипка всю музыку покрывает, на диво гостям целые речи выговаривает. Раз заиграл — скрипка говорит: «Спи, спи, да не проспи!» В другой заиграл — скрипка говорит: «Гуляй, гуляй, да не прогуляй!» А в третий раз заиграл — скрипка стала выводить: «Спите крепко непробудным сном!» В ту ж минуту где кто стоял, где кто сидел — так все и заснули. Иван купеческий сын взял Настасью Прекрасную за белые руки, повёл в церковь и обвенчался с нею. Король проснулся, видит — дело сделано, ничем не воротишь! И велел свадьбу справлять, пир пировать, гостей угощать.

ЦАРЬ-ДЕВИЦА

В некотором царстве, в некотором государстве жил царь с царицею, у них был сын Василий-царевич, и был к нему дядька приставлен. Померла царица, остался царевич сиротою. Думает царь: не то сына женить, не то самому жениться? Вздумал сам жениться. Взял за себя молодую жену, и сделалась она в доме полной хозяйкою, Василью-царевичу злою мачехой. Пожил царь с нею несколько времени, заболел и помер; а царица связалась с дядькою. Раз зовёт Василий-царевич своего дядьку: «Пойдём по городской стене погуляем». — «Пойдём, царевич!»

Пошли; гуляли-гуляли, стали с городской стены спускаться, вдруг из каменной башни окликают царевича три голоса — лев, змей и ворон: «Выпусти нас, Василий-царевич, из неволи! Мы тебя от трёх смертей избавим». Спрашивает царевич дядьку: «Слышишь, что у нас на городской стене делается?» — «Нет, Василий-царевич! Ничего не слышу». — «А коли не слышишь, чтоб тебе и вовек не слышать!» Воротились они домой. Вечером рано ложится Василий-царевич спать, а

дядьку от себя отсылает; дядька тому и рад, побежал с мачехой тешиться.

Вот царевич переждал сколько-то времени, встал потихоньку, взял железный лом в двадцать пять пудов, вылез в окошко и пошёл к городской стене. Ударил раз-другой и разбил башню; вышли оттуда лев, змей и ворон, обступили кругом царевича и стали ему наказывать: «Слушай, Василий-царевич, нашего наказу! Как были у тебя отец да мать родные, долго они искали тебе невесту и таки выискали — за тридевять земель, в тридесятом царстве высватали за тебя царь-девицу и такой уговор с нею сделали: тебе на иной не жениться, ей за иного замуж не выходить. Уж скоро двенадцать лет, как она ждёт тебя — не дожётся. Возьми-ка ты завтра гусли, сядь на корабль и ступай по морю погулять. Как только выедешь в море да заиграешь в гусли, царь-девица сейчас к тебе будет. Только смотри: станет тебя сон клонить, а ты спать не моги! Коли уснёшь, она тебя не добудится и назад уедет. Да ещё тебе скажем: берегись, Василий-царевич, заутро смерть тебя ожидает». — «Какая смерть?» — спрашивает царевич. «Твоя мачеха испечёт на змеином сале три лепёшки и велит тебе подать; не моги их кушать, лучше в карман положи — через малое время всё зло уведаешь».

Как сказано, так и сделано: взял царевич лепёшки, положил в карман и пошёл за городскую стену; слышит — что-то в кармане ползает, сунул туда руку и вытащил ужа, сунул вдругорядь — вытащил змею, сунул в третий раз — вытащил лягушку. «Правду сказали

лев, змей и ворон; съешь я лепёшки — всё бы это у меня в утробе народилось!» Ворочается царевич домой, берёт гусли и говорит дядьке: «Пойдём на корабль, поплывём, по морю погуляем». Дядька побежал с докладом к мачехе: «Царевич-де хочет гулять по морю и гусли с собою берёт». Говорит ему царица: «Вот тебе медная булавка, воткни её царевичу в ворот кафтана; тогда он заснёт крепким сном, и кто б ни пришёл, кто бы ни приехал — ни за что его не разбудит!»

Дядька взял булавку и пошёл с царевичем на пристань, сели на корабль и поехали в открытое море. Василий-царевич заиграл на гусях; услышала ту игру царь-девица из-за тридевяти земель, подымала шесть полков, поспешала на свои корабли лёгкие и пускалась в путь — к Василью-царевичу. Царевич завидел паруса за три версты и возгласил дядьке: «Этo чьи корабли плывут?» — «А мне почём знать!» — отвечал дядька да тем временем вынул булавку и воткнул царевичу в ворот кафтана. «Ах! Что-то мне спать хочется», — проговорил царевич, лёг и заснул крепким сном.

Вот наехала царь-девица, спустила с своего корабля сходни на корабль Василья-царевича, сошла к нему, стала его будить-целовать, на полотнах качать, нежные речи приговаривать; нет, не могла добудиться. Говорит она дядьке: «Поклонись от меня Василью-царевичу да скажи ему, чтоб ложился спать с вечера, обо мне не печалился: завтра я опять приеду». Сказала и уехала; как только отплыла царь-девица на версту или две, дядька видит, что теперь до неё голосом

кричать — не докричаться, рукою махать — не домохаться, взял да и выдернул булавку. Василий-царевич проснулся и стал дядьке рассказывать: «Виделось мне во сне, будто какая пичужечка вокруг меня увивалася да так-то грустно щебетала, что у меня на душе и теперь тошно!» Отвечает дядька: «Не пичужечка то увивалася — увивалась прекрасная царь-девица, целовала тебя, миловала, на полотнах качала, никак не могла добудиться; уезжая, она приказала, чтобы ты, добрый молодец, ложился спать с вечера, поутру ранёнько вставал да опять сюда побывал».

Василий-царевич воротился домой и залёг спать с вечера; только с горя, со кручины не мог уснуть крепким сном; поутру встал раным-рано и говорит дядьке: «Поедем на корабле прогуляться!» Дядька побежал к мачехе докладывать, что Василий-царевич опять на море собирается и берёт с собой гусли звонкие. «На тебе другую булавку, — говорит ему царица, — сделай нонче то же самое, что и вчера делал». Дядька взял булавку и пошёл с царевичем на пристань; сели на корабль и поехали в море. Василий-царевич заиграл на гусях, да так нежно, сладко, что и сказать нельзя. Услыхала его игру царь-девица, не могла усидеть на месте, быстро вскочила и закричала громким голосом: «Ай вы, корабельщики! Подымайте якоря железные, распускайте паруса тонкие и готовьтесь скорёхонько плыть к Василью-царевичу: надо его пораньше застать, пока не заснул непробудным сном».

Понеслись её корабли по морю, словно птицы быстролётные; за три версты увидал Василий-царевич

паруса белые и спросил у дядьки: «Это чьи корабли плывут?» — «А мне почём знать!» — отвечал дядька, вынул булабочку и воткнул царевичу в ворот кафтана. Начала дрёма одолевать Василья-царевича, умылся он водою холодною — думал как-нибудь разгуляться! Нет-таки, не стерпел добрый молодец, повалился на палубу и заснул мёртвым сном. Приехала царь-девица, спустила сходни на корабль Василья-царевича, сошла к нему, начала его будить-целовать, на полотнах качать; царевич спит — не пробуждается. Принялась на него брызгать, обливать холодной водою: авось проснётся! Нет, ничего не помогает. Царь-девица написала письмецо, положила царевичу на белую грудь, ушла на свой корабль и поехала назад; а в том письмеце было написано: «Прощай, Василий-царевич! Не ожидай меня в третий раз; кто меня любит, тот сам найдёт!»

Как только отъехала царь-девица, а дядька увидел, что до неё криком не докричатся, рукою не домахаться, тотчас взял да и выдернул булавку. Василий-царевич проснулся и говорит: «Что б это значило? Во второй раз мне привиделось, будто какая пичужечка вокруг меня долго увивалась». Отвечает дядька: «Не пичужечка то увивалась, увивалась прекрасная царь-девица, целовала тебя, миловала, на полотнах качала, холодной водой обливала, никак не могла добудиться». — «А что у меня на груди за бумага?» — «Это она письмецо написала». Василий-царевич раскрыл письмецо, прочитал и слёзно заплакал: «Правду говорили мне лев, змей и ворон, чтоб я от сна воз-

держался; да видно — чему быть, того не миновать!» Приходит он домой в сердцах великих, берёт ружьё в белые руки и идёт в зелёный сад горе размыкать. На любимой его яблоне сидит чёрный ворон да каркает: «Кар-кар, Василий-царевич! Не послушался ты, не сумел от сна воздержаться — вот теперь и пеняй на себя!» — «Как, — думает царевич, — уж и птица надо мной смеяться стала!» Тотчас навёл ружье, спустил курок и обломил ворону правое крыло.

Ещё тошней у него на душе стало, вышел в чистое поле, шёл-шёл, и попался ему пастух с табуном лошадей. «Бог помочь тебе стадо пасти!» — говорит Василий-царевич. «Добро жаловать, Василий-царевич!» — «А ты как меня знаешь?» — «Как же мне не знать тебя, коли я у твоего батюшки тридцать лет в пастухах служил. Зовут меня Ивашка белая рубашка, сорочинская шапка; допрежде того был я первым воеводою, да отец твой разгневался и за провинок сослал меня в пастухи». — «Не ведаешь ли ты, Ивашка белая рубашка, коня по мне? Если выищешь мне доброго коня, я тебя по век не забуду и коли буду во времени — опять первым воеводою сделаю». Говорит ему Ивашка: «Не посмотри твоей силы, нельзя тебе и коня указать. Вот стоит ракитовый куст, попробуй — выдерни его с корнем».

Василий-царевич ухватился за куст и выдернул его с корнем — под тем кустом лежит меч-кладенец, боевая палица и вся богатырская сбруя: узда в три пуда, седло в двадцать пять пудов, боевая палица в полтора пуда. «Ну, царевич, дожидай меня здесь, —

говорит Ивашка белая рубашка, сорочинская шапка, — поутру пригоню я стадо кониное, впереди всех кобылица будет, а вслед за ней жеребец; кинутся они в воду и поплывут далеко-далеко, а как солнышко с полудня своротит да свалит жар, станет тот жеребец выгонять кобылицу в зелёные луга. В те поры смотри не зевай: только ступит жеребец на берег, тотчас и бей его промежду ушей своей палицей».

Сказано — сделано. На другой день выждал Василий-царевич удобный час, ударил жеребца боевой палицей промежду ушей — жеребец на колени пал; зауздал его добрый молодец уздой трёхпудовую, надел на него седельце черкасское и сел верхом. Как очнулся жеребец от удара богатырского, как понёс Василья-царевича по долам, по лугам, по высоким горам! Трое суток носил без роздыху, и не пот с коня, алая кровь капает. Возгласил тут добрый конь человеческим голосом: «Гой еси, Василий-царевич! Отпусти меня погулять три зари утренние; в синем море я искупаюсь, на росе поваляюсь, и буду я твой верный слуга». Царевич отпустил коня; конь погулял три дня и воротился таким сильным и бодрым, что лучше того и не видано и не слыхано.

Сел Василий-царевич на коня и поехал за тридцать земель, в тридесятое государство; долго ли, коротко ли, приезжает он в царство львиное. Говорит царь-лев: «Эй, мои детки семеры¹! Берите вилы железные, подставляйте под мои очи старые, дайте мне

¹ Семь деток.

посмотреть на доброго молодца!» Посмотрел, узнал его и обрадовался: «Добро жаловать, Василий-царевич! За твою услугу великую гості у меня, сколько надобно». Накормил его, напоил, спать положил, а наутро в путь-дорогу снарядил. Вот царевич ехал, ехал и приезжает в змеиное царство; царь-змей обрадовался, ласково гостя встретил и ласково проводил. Поехал царевич дальше — в вороново царство. Встречает его царь-ворон и говорит: «Хорош молодец, за что, про что обломил крыло у моего братца родимого? За такой провинок надо б с тебя голову снять; да уж так и быть — смертным страхом отделайся». Взял — посадил царевича на крылья, полетел на сине море и сбросил его в самую глубь. Василий-царевич упал, окунулся в воду и как скоро вынырнул, царь-ворон подхватил его и вынес на сушу. «Поезжай теперь, куда ведаешь!»

Опять сел на коня Василий-царевич, собирается дальше путь держать. Говорит ему добрый конь: «Крепче держись, Василий-царевич! Надо в три часа, в три минуточки поспеть в тридесятое царство. Под то царство подступил Иван, русский богатырь, рожашитая, нос плетёный, язык строчёный, ноги телячьи, уши собачьи. Если не поспеем туда в три часа, три минуточки, то возьмёт он царь-девицу за себя». Приехал Василий-царевич к тридесятому царству, мимо Ивана, русского богатыря, проскакал, словно молоньей просветил; разъезжались они на двадцать вёрст, припускали коней навстречу, как ударились боевыми палицами — ажно гром загремел! Бились-бились, никто

не осилеет, приустиали добрые витязи и условились дать друг другу перемирие на три дня. Василий-царевич разбил шатёр, лёг на отдых и заснул крепким богатырским сном.

Третьи сутки на исходе, а он всё спит. Стал его будить добрый конь: «Гой еси, Василий-царевич! Не время спать, время вставать, с Иваном, русским богатырём, бой начинать». Разъезжались витязи на тридцать вёрст, разгоняли коней навстречу, бились-бились — ни тот, ни другой не осилеет; взяли перемирие ещё на три дня. Царевич лёг в шатре и опять уснул. Третьи сутки на исходе, будит его добрый конь: «Гой еси, Василий-царевич! Полно спать, время вставать, Ивану, русскому богатырю, голову сымать». Вскакивал Василий-царевич, седлал своего жеребца наскоро, подпруги подтягивал натуго — не для бодрости, а для крепости; едет он, под ним конь пляшет, а Иван, русский богатырь, едет, под ним конь слёзно плачет.

Разъезжались они на пятьдесят вёрст, припускали коней навстречу, как ударились — земля задрожала! Иван, русский богатырь, промах дал, не сдержал в руке боевую палицу, пала она остриём наземь и ушла в глубину на три сажени; а Василий-царевич угодил его коню прямо в грудь, посадил того коня задом на сырую землю, самому Ивану-богатырю снял буйную голову. «Теперь путь мне, доброму молодцу, не заказан; возьму-ка я гусли звончатые да пойду в любимый сад царь-девицы». Взял гусли, пришёл в сад и заиграл так нежно да сладко, что и сказать нельзя.

Услыхала ту игру царь-девица, зовёт своих нянюшек-мамушек, даёт им портрет Василья-царевича и посылает в свой любимый сад: «Бегом бегите, хорошенько разглядите, не приехал ли Василий-царевич? Не он ли в саду на гуслях играет?» Нянюшки-мамушки побежали, посмотрели, с портретом сличили, вернулись к царь-девице и докладывают: «Нет, то не Василий-царевич на гуслях играет; хоть и схож на него, а всё не он: Василий-царевич куда прекраснее!» Отвечает им царь-девица: «Ах вы глупые-неразумные! Ведь царевич теперь от великих трудов изнурился, оттого и портрет не приходится». Бросилась сама в сад, тотчас узнала своего суженого, брала его за руки белые и вела в свои терема высокие. Обвенчались они, отпраздновали свадьбу и поехали в государство Василья-царевича. Мачеху и дядьку приказал царевич на воротах расстрелять, а сам с молодой женою стал жить-поживать, добра наживать.

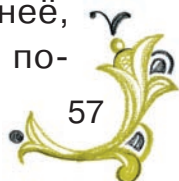

ЦАРЕВНА-СЕРА УТИЦА

Жил царь с царицею, у них были дети: сын да дочь; сына звали Дмитрий-царевич, а дочь — Марья-царевна. Были приставлены к царевне и няньки и мамки, и ни одна не могла её укачать-убаюкать. Только брат и умел это сделать: бывало, придёт к её кроватке и начнёт припевать: «Баю-баюшки, сестрица! Баю-баюшки, родная! Вырастешь большая, отдам тебя замуж за Ивана-царевича». Она закроет глазки и заснёт. Прошло несколько лет, собрался Дмитрий-царевич и поехал в гости к Ивану-царевичу; прогостил там три месяца — много играли, много гуляли; стал уезжать и зовёт к себе Ивана-царевича. «Хорошо, — говорит, — приеду!» Воротился домой, взял портрет своей сестры и повесил над своею постелью, и так хороша была царевна, что всё бы смотрел на её портрет: глаз оторвать невозможно!

Нежданно-негаданно приезжает Иван-царевич к Дмитрию-царевичу, входит в его комнату, а он спит себе крепким сном. Увидал Иван-царевич портрет Марьи-царевны — и в ту ж минуту влюбился в неё, выхватил свой меч и занёс на её брата. Бог не по-

пустил греха, словно что толкнуло Дмитрия-царевича — вмиг проснулся и спрашивает: «Что ты делать хочешь?» — «Хочу тебя убить!» — «За что, Иван-царевич?» — «Ведь это портрет твоей невесты?» — «Нет, моей сестры Марьи-царевны». — «Ах, что же ты мне никогда об ней не сказывал! Я теперь жить без неё не могу». — «Ну что ж! Женись на сестре, будем братьями». Иван-царевич бросился обнимать Дмитрия-царевича. Тут они и поладили, по рукам ударили.

Иван-царевич домой уехал — к свадьбе готовиться, а Дмитрий-царевич стал собираться с своею сестрицею в путь-дорогу, к жениху в гости. Снарядили два корабля: в одном брат плывёт, в другом сестра плывёт, а при ней нянька с дочкою. Вот как выехали корабли посерёд моря синего, нянька и говорит Марье-царевне: «Скинь с себя драгоценное платье да ложись на перину — тебе спокойней будет!» Царевна скинула платье, и только легла на перину — нянька ударила её слегка по белому телу, и сделалась Марья-царевна серой утицею, взвилась-полетела с корабля на синее море. А нянька нарядила свою дочь в царевнино платье, сидят обе да величаются. Приехали в землю Ивана-царевича; он тотчас выбежал навстречу и портрет Марьи-царевны с собой захватил; смотрит, а невеста далеко на тот портрет не похожа! Разгневался на Дмитрия-царевича, велел посадить его в темницу, в день давать ему по куску чёрствого хлеба да по стакану воды; кругом были часовые приставлены, и наказано им настрого никого не пускать к заключённи-

ку. Приходит время к полуночи, стала сера утица с моря подыматься, полетела к родимому братцу — всё царство собой осияла: крыльями машет, а с них словно жар сыпется! Подлетела к темнице да прямо в окошечко, крылышки на гвоздик повесила, а сама к брату пошла: «Родимый мой братец, Дмитрий-царевич! Тебе тошно в темнице сидеть, по стакану воды пить, по куску хлеба есть; а мне, братец, тошнее того по синю морю плавать! Сгубила нас злая нянюшка, скинула с меня драгоценное платье — нарядила в него свою дочку». Братец с сестрицею поплакали, погоревали вместе; ранним утром улетела сера утица на синее море. Докладывают Ивану-царевичу: «Так и так, прилетала к заключённику сера утица — всё царство собой осияла!» Приказал он, чтоб сейчас дали ему знать, как скоро та утица опять прилетит.

Вот подходит время к полуночи; вдруг море заколыхалось, поднялась с него сера утица, полетела — всё царство собой осветила, крылышками машет, а с них словно жар сыпется. Прилетела к темнице, крылышки свои на окне оставила, а сама к брату пошла. Тотчас же разбудили Ивана-царевича; он побежал к темнице, смотрит: на окне лежат крылышки, взял и велел их на огне спалить, а сам приложил ухо да слушает — про что говорят братец с сестрицею. «Родимый мой братец! — говорит Марья-царевна. — Тебе тошно в темнице сидеть, по стакану воды пить, по куску хлеба есть; а мне тошнее того по синю морю плавать! Сгубила нас злая нянюшка, скинула с меня драгоценное платье — нарядила в него свою дочку...

Ах, братец, что-то гарью пахнет!» — «Нет, сестрица! Я ничего не слышу».

Иван-царевич отворил темницу, входит туда — Марья-царевна в ту ж минуту бросилась к окошечку, видит: крылышки её до половины обожжены; тут ухватил её Иван-царевич за белые руки, а она стала обращаться разными гадами. Иван-царевич не пугается, из рук её не пушает... Вот, наконец, она веретеном обратилась; царевич переломил веретено надвое, один конец бросил вперёд, а другой назад и говорит: «Стань передо мной красна девица, а за мной белая берёза!» Стала позади его белая берёза, а перед ним явилась Марья-царевна во всей своей красоте. Иван-царевич выпросил себе прощение у Дмитрия-царевича, и все трое во дворец пошли; а на другой день была свадьба: Иван-царевич женился на Марье-царевне; гости долго пировали, веселились, прохлаждались. А няньку с дочкою отослали в такое место, чтоб об них ни слуху ни духу не было!

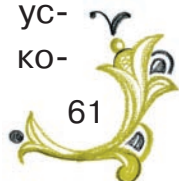

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

В стары годы, в старопрежни, у одного царя было три сына — все они на возрасте. Царь и говорит: «Дети! Сделайте себе по самострелу и стреляйте: какá женщина принесёт стрелу, та и невеста; ежели никто не принесёт, тому, значит, не жениться». Большой сын стрелил, принесла стрелу княжеска дочь; средний стрелил, стрелу принесла генеральска дочь; а малому Ивану-царевичу принесла стрелу из болота лягуша в зубах. Те братья были веселы и радостны, а Иван-царевич призадумался, заплакал: «Как я стану жить с лягушей? Век жить — не реку перебрести или не поле перейти!» Поплакал-поплакал, да нечего делать — взял в жёны лягушу. Их всех обвенчали по ихнему там обряду; лягушу держали на блюде.

Вот живут они. Царь захотел одиножды посмотреть от невесток дары, котора из них лучше мастерица. Отдал приказ. Иван-царевич опять призадумался, плачет: «Чего у меня сделает лягуша! Все станут смеяться». Лягуша ползат по полу, только квакат. Как уснул Иван-царевич, она вышла на улицу, сбросила ко-

жух¹, сделалась красной дёвицей и крикнула: «Няньки-маньки²! Сделайте то-то!» Няньки-маньки тотчас принесли рубашку самой лучшей работы. Она взяла её, свернула и положила возле Ивана-царевича, а сама обернулась опять лягушей, будто ни в чём не бывала! Иван-царевич проснулся, обрадовался, взял рубашку и понёс к царю. Царь принял её, посмотрел: «Ну, вот это рубашка — во Христов день³ надевать!» Середний брат принёс рубашку; царь сказал: «Только в баню в ней ходить!» А у большого брата взял рубашку и сказал: «В чёрной избе её носить!» Разошлись царски дети; двое-то и судят между собой: «Нет, видно мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича, она не лягуша, а кака-нибудь хитра⁴!»

Царь даёт опять приказанье, чтоб снохи состряпали хлёбы и принесли ему напоказ, котора лучше стряпат? Те невестки сперва смеялись над лягушей; а теперь, как пришло время, они и послали горнишну подсматривать, как она станет стряпать. Лягуша смекнула это, взяла замесила квашню, скатала, печь сверху выдолбила да прямо туда квашню и опрокинула. Горнишна увидела, побежала, сказала своим барыням, царским невесткам, и те так же сделали. А лягуша хитрая только их провела, тотчас тесто из печи выгребла, всё очистила, замазала, будто ни в чём не бывала, а сама вышла на крыльцо, вывернулась из

1 Кожа, шкурка.

2 Мамки.

3 В праздник.

4 Т.е. чародейка.

кожуха и крикнула: «Няньки-маньки! Состряпайте сейчас же мне хлебов таких, как мой батюшка по воскресеньям да по праздникам только ел». Няньки-маньки тотчас притащили хлеба. Она взяла его, положила возле Ивана-царевича, а сама сделалась лягушей. Иван-царевич проснулся, взял хлеб и понёс к отцу. Отец в то время принимал хлебы от больших братовей; их жёны как попускали в печь хлебы так же, как лягуша, — у них и вышло кули-мули. Царь наперво принял хлеб от большого сына, посмотрел и отослал на кухню; от среднего принял, туда же послал. Дошла очередь до Ивана-царевича; он подал свой хлеб. Отец принял, посмотрел и говорит: «Вот это хлеб — во Христов день есть! Не такой, как у больших снох, с закалой¹!»

После того вздумалось царю сделать бал, посмотреть своих сношен, которая лучше пляшет? Собрались все гости и снохи, кроме Ивана-царевича; он задумался: «Куда я с лягушей поеду?» И заплакал навзрыд наш Иван-царевич. Лягуша и говорит ему: «Не плачь, Иван-царевич! Ступай на бал. Я через час буду». Иван-царевич немного обрадовался, как услышал, что лягуша бает; уехал, а лягуша пошла, сбросила с себя кожу, оделась чудо как! Приезжает на бал; Иван-царевич обрадовался, и все руками схлопали: кака красавица! Начали закусывать; царевна огложет коску², да и в рукав, выпьет чего — остатки в другой рукав. Те снохи видят, чего она делат, и они тоже кости кладут

¹ Сырое, непечённое место в хлебе.

² Кость.

к себе в рукава, пьют чего — остатки льют в рукава. Дошла очередь танцевать; царь посылает больших снох, а они ссылаются на лягушу. Та тотчас подхватила Ивана-царевича и пошла; уж она плясала-плясала, вертелась-вертелась — всем на диво! Махнула правой рукой — стали леса и воды, махнула левой — стали летать разные птицы. Все изумились. Отплясала — ничего не стало. Други снохи пошли плясать, так же хотели: которая правой рукой ни махнёт, у той кости-та и полетят, да в людей, из левого рукава вода разбрызжет — тоже в людей. Царю не понравилось, закричал: «Будет, будет!» Снохи перестали.

Бал был на отходе. Иван-царевич поехал наперёд, нашёл там где-то женин кожух, взял его да и сжёг. Та приезжат, хватилась кожуха: нет! — сожжён. Легла спать с Иваном-царевичем; перед утром и говорит ему: «Ну, Иван-царевич, немного ты не потерпел; твоя бы я была, а теперь бог знат. Прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве». И не стало царевны.

Вот год прошёл, Иван-царевич тоскует о жене; на другой год собрался, выпросил у отца, у матери благословенье и пошёл. Идёт долго уж, вдруг попадутся ему избушка — к лесу передом, к нему задом. Он и говорит: «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, — к лесу задом, а ко мне передом». Избушка перевернулась. Вошёл в избу; сидит старуха и говорит: «Фу-фу! Русской коски слыхом было не слышать, видом не видать, нынче русска коска сама на двор пришла! Куда ты, Иван-царевич, пошёл?» —

«Прежде, старуха, напой-накорми, потом вести расспроси». Старуха напоила-накормила и спать положила. Иван-царевич говорит ей: «Баушка! Вот я пошёл доставать Елену Прекрасну¹». — «Ой, дитяtko, как ты долго (не бывал)! Она с первых-то годов часто тебя поминала, а теперь уж не помнит, да и у меня давно не бывала. Ступай вперёд к средней сестре, та больше знает».

Иван-царевич поутру отправился, дошёл до избушки и говорит: «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, — к лесу задом, а ко мне передом». Избушка перевернулась. Он вошёл в неё, видит — сидит старуха и говорит: «Фу-фу! Русской коски слыхом было не слышать и видом не видать, а нынче русска коска сама на двор пришла! Куда, Иван-царевич, пошёл?» — «Да вот, баушка, доступать Елену Прекрасну». — «Ой, Иван-Царевич, — сказала старуха,— как ты долго! Она уж стала забывать тебя, выходит взамуж за другого: скоро свадьба! Живёт теперь у большой сестры, ступай туда да смотри ты: как станешь подходить — у неё узнают, Елена обернётся веретёшkom², а платье на ней будет золотом. Моя сестра золото станет вить, как совьёт веретёшkom, и положит в ящик, и ящик запрёт, ты найди ключ, отвори ящик, веретёшко переломи, кончик брось назад, а корешок перед себя: она и очутится перед тобой».

¹ Т.е. свою жену.

² Веретеном.

Пошёл Иван-царевич, дошёл до этой старухи, зашёл в избу; та вьёт золото, свила его на веретёшко и положила в ящик, заперла и ключ куда-то положила. Он взял ключ, отворил ящик, вынул веретёшко и переломил по сказанному, как по писаному, кончик бросил за себя, а корешок перед себя. Вдруг и очутилась Елена Прекрасна, начала здороваться: «Ой, да как ты долго, Иван-царевич? Я чуть за другого не ушла». А тому жениху надо скоро быть. Елена Прекрасна взяла ковёр-самолёт у старухи, села на него, и понеслись, как птица полетели. Жених-от за ними вдруг и приехал, узнал, что они уехали; был тоже хитрый! Он ступай-ка за ними в погоню, гнал-гнал, только сажон десять не догнал: они на ковре влетели в Русь, а ему нельзя как-то в Русь-то, воротился; а те прилетели домой, все обрадовались, стали жить да быть да животы¹ наживать — на славу всем людям.

¹ Имение, богатство, скот домашний.

БАБА-ЯГА И ЗАМОРЫШЕК

Жил-был старик да старуха; детей у них не было. Уж чего они ни делали, как ни молились Богу, а старуха всё не рожала. Раз пошёл старик в лес за грибами; попадаетеся ему дорогою старый дед. «Я знаю, — говорит, — что у тебя на мыслях; ты всё об детях думаешь. Поди-ка по деревне, собери с каждого двора по яичку и посади на те яйца клушку¹; что будет, сам увидишь!» Старик воротился в деревню; в ихней деревне был сорок один двор; вот он обошёл все дворы, собрал с каждого по яичку и посадил клушку на сорок одно яйцо. Прошло две недели, смотрит старик, смотрит и старуха, — а из тех яичек народились мальчики; сорок крепких, здоровеньких, а один не удался — хил да слаб! Стал старик давать мальчикам имена; всем дал, а последнему не достало имени. «Ну, — говорит, — будь же ты Заморышек!»

Растут у старика со старухой детки, растут не по дням, а по часам; выросли и стали работать, отцу с

¹ Курица-наседка.

матерью помогать; сорок молодцев в поле возятся, а Заморышек дома управляется. Пришло время сенокосное; братья траву косили, стога ставили, поработали с неделю и вернулись на деревню; поели, что Бог послал, и легли спать. Старик смотрит и говорит: «Молодо-зелено! Едят много, спят крепко, а дела, поди, ничего не сделали!» — «А ты прежде посмотри, батюшка!» — отзывается Заморышек. Старик снарядился и поехал в луга; глянул — сорок стогов смётано: «Ай да молодцы ребята! Сколько за одну неделю накосили и в стога сметали».

На другой день старик опять собрался в луга, захотелось на своё добро полюбоваться; приехал — а одного стога как не бывало! Воротился домой и говорит: «Ах, детки! Ведь один стог-то пропал». — «Ничего, батюшка! — отвечает Заморышек. — Мы этого вора поймаем; дай-ка мне сто рублёв, а уж я дело сделаю». Взял у отца сто рублёв и пошел к кузнецу: «Можешь ли сковать мне такую цепь, чтоб хватило с ног до головы обвить человека?» — «Отчего не сковать!» — «Смотри же, делай покрепче; коли цепь выдержит — сто рублёв плачу, а коли лопнет — пропал твой труд!» Кузнец сковал железную цепь; Заморышек обвил её вокруг себя, потянул — она и лопнула. Кузнец вдвое крепче сделал; ну, та годилась. Заморышек взял эту цепь, заплатил сто рублёв и пошёл сено караулить; сел под стог и дожидается.

Вот в самую полночь поднялась погода, всколыхалось море, и выходит из морской глубины чудная кобылица, подбежала к первому стогу и принялась по-

жирать сено. Заморышек подскочил, обротал её железной цепью и сел верхом. Стала его кобылица мыкать, по долам, по горам носить; нет, не в силах седока сбить! Остановилась она и говорит ему: «Ну, добрый молодец, когда сумел ты усидеть на мне, то возьми-владей моими жеребятами». Подбежала кобылица к синю морю и громко заржала; тут сине море всколыхалось, и вышли на берег сорок один жеребец; конь коня лучше! Весь свет изойди, нигде таких не найдёшь! Утром слышит старик на дворе ржанье, топот; что такое? а это его сынок Заморышек целый табун пригнал. «Здóрово, — говорит, — братцы! Теперь у всех у нас по коню есть; поедемте невест себе искать». — «Поедем!» Отец с матерью благословили их, и поехали братья в путь-дорогу далёкую.

Долго они ездили по белому свету, да где столько невест найти? Порознь жениться не хочется, чтоб никому обидно не было; а какая мать похвалится, что у ней как раз сорок одна дочь народилась? Заехали молодцы за тридевять земель; смотрят: на крутой горе стоят белокаменные палаты, высокой стеной обведены, у ворот железные столбы поставлены. Сосчитали — сорок один столб. Вот они привязали к тем столбам своих богатырских коней и идут на двор. Встречает их баба-яга: «Ах вы, незванные-непрощенные! Как вы смели лошадей без спросу привязывать?» — «Ну, старая, чего кричишь? Ты прежде напой-накорми, в баню своди, да после про вести и спрашивай». Баба-яга накормила их, напоила, в баню сводила и стала спрашивать: «Что, добрые молодцы, дела пытаете

иль от дела лытаете?» — «Дела пытаем, бабушка!» — «Чего ж вам надобно?» — «Да невест ищем». — «У меня есть дочери», — говорит баба-яга, бросилась в высокие терема и вывела сорок одну девицу.

Тут они сосватались, начали пить, гулять, свадьбы справлять. Вечером пошёл Заморышек на своего коня посмотреть. Увидел его добрый конь и промолвил человеческим голосом: «Смотри, хозяин! Как ляжете вы спать с молодыми жёнами, нарядите их в свои платья, а на себя наденьте женины; не то все пропадём!» Заморышек сказал это братьям; нарядили они молодых жён в свои платья, а сами оделись в женины и легли спать. Все заснули, только Заморышек глаз не смыкает. В самую полночь закричала баба-яга зычным голосом: «Эй вы, слуги мои верные! Рубите незванным гостям буйны головы». Прибежали слуги верные и отрубили буйны головы дочерям бабы-яги. Заморышек разбудил своих братьев и рассказал всё, что было; взяли они отрубленные головы, воткнули на железные спицы кругом стены, потом оседлали коней и поехали наскоро.

Поутру встала баба-яга, глянула в окошечко — кругом стены торчат на спицах дочерние головы; страшно она озлобилась, приказала подать свой огненный щит, поскакала в погоню и начала палить щитом на все четыре стороны. Куда молодцам спрятаться? Впереди сине море, позади баба-яга — и жжёт и палит! Помирать бы всем, да Заморышек догадлив был: не забыл он захватить у бабы-яги платочек, махнул тем платочком перед собою — и вдруг перекинул-

ся мост через всё сине море; переехали добрые молодцы на другую сторону. Заморышек махнул платочком в иную сторону — мост исчез, баба-яга воротилась назад, а братья домой поехали.

ПОДИ ТҮДА — НЕ ЗНАЮ КҮДА, ПРИНЕСИ ТО — НЕ ЗНАЮ ЧТО

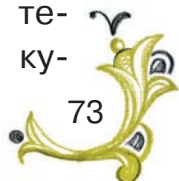
В некотором государстве жил-был король, холост-неженат, и была у него целая рота стрельцов; на охоту стрельцы ходили, перелётных птиц стреляли, государев стол дичью снабжали. В той роте служил стрелец-молодёц, по имени Федот; метко в цель попадал, почитай — николи промаху не давал, и за то любил его король пуще всех его товарищей. Случилось ему в одно время пойти на охоту раным-ранёхонько, на самой зоре; зашёл он в тёмный, густой лес и видит: сидит на дереве горлица. Федот навёл ружьё, прицелился, выпалил — и перешиб птице крылышко; свалилась птица с дерева на сырую землю. Поднял её стрелок, хочет оторвать голову да положить в сумку. И возговорит ему горлица: «Ах, стрелец-молодец, не срывай моей буйной головушки, не своди меня с белого света; лучше возьми меня живую, принеси в свой дом, посади на окошечко и смотри: как только найдёт на меня дремота, в ту самую пору ударь меня правой рукою наотмашь — и добудешь себе великое счастье!» Крепко удивился стрелок. «Что

такое? — думает. — С виду совсем птица, а говорит человеческим голосом! Прежде со мной такого случая никогда не бывало...»

Принёс птицу домой, посадил на окошечко, а сам стоит-дожидается. Прошло немного времени, горлица положила свою головку под крылышко и задремала; стрелок поднял правую руку, ударил её наотмашь легохонько — пала горлица наземь и сделалась душой-дэвицей, да такую прекрасною, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Другой подобной красавицы во всём свете не бывало! Говорит она добру молодцу, королевскому стрельцу: «Умел ты меня достать, умеи и жить со мною; ты мне будешь наречённый муж, а я тебе богоданная жена!» На том они и поладили; женился Федот и живёт себе — с молодой женой потешается, а службы не забывает; каждое утро ни свет ни заря возьмёт своё ружьё, пойдёт в лес, настреляет разной дичи и отнесёт на королевскую кухню.

Видит жена, что от той охоты весь он измаялся, и говорит ему: «Послушай, друг, мне тебя жалко: каждый божий день ты беспокоишься, бродишь по лесам до по болотам, завсегда мокрёхонек домой ворочаешься, а пользы нам нет никакой. Это что за ремесло! Вот я так знаю такое, что без барышей не останешься. Добудь-ка рублей сотню-другую, всё дело поправим». Бросился Федот по товарищам: у кого рубль, у кого два занял и собрал как раз двести рублей. Принёс к жене. «Ну, — говорит она, — купи теперь на все эти деньги разного шёлку». Стрелец ку-

пил на двести рублей разного шёлку. Она взяла и рассказывает: «Не тужи, молись Богу да ложись спать; утро вечера мудренее!»

Муж заснул, а жена вышла на крылечко, развернула свою волшебную книгу — и тотчас явились перед ней два неведомых молодца: что угодно — приказывай! «Возьмите вот этот шёлк и за единый час сделайте мне ковёр, да такой чудный, какого в целом свете не видывано; а на ковре бы всё королевство было вышито, и с городами, и с деревнями, и с реками, и с озёрами». Принялись они за работу и не только в час, а в десять минут изготовили ковёр — всем на диво; отдали его стрельцовой жене и вмиг исчезли, словно их и не было! Наутро отдаёт она ковёр мужу. «На, — говорит, — понеси на гостиный двор и продай купцам, да смотри: своей цены не запрашивай, а что дадут, то и бери».

Федот взял ковёр, развернул, повесил на руку и пошёл по гостиным рядам. Увидел один купец, подбежал и спрашивает: «Послушай, почтенный! Продаёшь, что ли?» — «Продаю». — «А что стоит?» — «Ты торговый человек, ты и цену уставляй». Вот купец думал, думал, не может оценить ковра — да и только! Подскочил другой купец, за ним третий, четвёртый... и собралась их толпа великая, смотрят на ковёр, дивуются, а оценить не могут. В то время проезжал мимо гостиных рядов дворцовый комендант, усмотрел толпу, и захотелось ему разузнать: про что толкует купечество? Вылез из коляски, подошёл и говорит: «Здравствуйте, купцы-торговцы, заморские гости! О чём речь

у вас?» — «Так и так, ковра оценить не можем». Комендант посмотрел на ковёр и сам дался диву. «Послушай, стрелец, — говорит он, — скажи мне по правде по истинной, откуда добыл ты такой славный ковёр?» — «Моя жена вышила». — «Сколько же тебе дать за него?» — «Я и сам цены не ведаю; жена наказала не торговаться, а сколько дадут—то и наше!» — «Ну, вот тебе десять тысяч!»

Стрелец взял деньги и отдал ковёр, а комендант этот завсегда при короле находился — и пил и ел за его столом. Вот он поехал к королю обедать и ковёр повёз: «Не угодно ль вашему величеству посмотреть, какую славную вещь купил я сегодня?» Король взглянул — всё своё царство словно на ладони увидел; так и ахнул! «Вот это ковёр! В жизнь мою такой хитрости не видывал. Ну, комендант, что хочешь, а ковра тебе не отдам». Сейчас вынул король двадцать пять тысяч и отдал ему из рук в руки, а ковёр во дворце повесил. «Ничего, — думает комендант, — я себе другой ещё лучше закажу».

Сейчас поскакал к стрельцу, разыскал его избушку, входит в светлицу и как только увидал стрельцову жену — в ту ж минуту и себя и своё дело позабыл, сам не ведает, зачем приехал; перед ним такая красавица, что век бы очей не отвёл, всё бы смотрел да смотрел! Глядит он на чужую жену, а в голове дума за думой: «Где это видано, где это слыхано, чтобы простой солдат да таким сокровищем владел? Я хоть и при самом короле служу и генеральский чин на мне положен, а такой красоты нигде не видывал!» Насилу

комендант опомнился, нехотя домой убрался. С той поры, с того времени совсем не свой сделался: и во сне и наяву только и думает, что о прекрасной стрельчихе; и ест — не заест, и пьёт — не запьёт, всё она представляется!

Заприметил король и стал его выспрашивать: «Что с тобой подеялось? Аль кручина какая?» — «Ах, ваше величество! Видел я у стрельца жену, такой красоты во всём свете нет; всё об ней думаю: и не заесть и не запить, никаким снадобьем не заморозить!» Пришла королю охота самому полюбоваться, приказал положить коляску и поехал в стрелецкую слободу. Входит в светлицу, видит — красота невообразимая! Кто ни взглянет — старик ли, молодой ли, всякий без ума влюбится. Защемила его зазноба сердечная. «Чего, — думает про себя, — хожу я холост-неженат? Вот бы мне жениться на этой красавице; зачем ей быть стрельчихою? Ей на роду написано быть королевою».

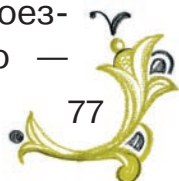
Воротился король во дворец и говорит коменданту: «Слушай! Сумел ты показать мне стрельцову жену — красоту невообразимую; теперь сумей известить её мужа. Я сам на ней хочу жениться... А не изведёшь, пеняй на себя; хоть ты и верный мой слуга, а быть тебе на виселице!» Пошёл комендант, пуще прежнего запечалился; как стрельца порешить — не придумает.

Идёт он пустырями, закоулками, а навстречу ему баба-яга: «Стой, королевский слуга! Я все твои думки ведаю; хочешь, пособлю твоему горю неминуемому?» — «Пособи, бабушка! Что хочешь, заплачу». — «Сказан тебе королевский указ, чтобы извёл ты Федота-

стрельца. Это дело бы неважное: сам-то он прост, да жена у него больно хитра! Ну, да мы загадаем такую загадку, что не скоро справится. Воротись к королю и скажи: за тридевять земель, в тридесятом царстве есть остров; на том острове ходит олень золотые рога. Пусть король наберёт полсотню матросов — самых негодных, горьких пьяниц, и велит изготовить к походу старый, гнилой корабль, что тридцать лет в отставке числится; на том корабле пусть пошлёт Федота-стрельца добывать оленя золотые рога. Чтоб добраться до острова, надо плыть ни много, ни мало — три года, да назад с острова — три года, итого шесть лет. Вот корабль выступит в море, месяц прослужит, а там и потонет: и стрелец и матросы все на дно пойдут!»

Комендант выслушал эти речи, поблагодарил бабу-ягу за науку, наградил её золотом и бегом к королю. «Ваше величество! — говорит. — Так и так — можно наверно стрельца извести». Король согласился и тотчас отдал приказ по флоту: изготовить к походу старый, гнилой корабль, нагрузить его провизией на шесть лет и посадить на него пятьдесят матросов — самых распутных и горьких пьяниц. Побежали гонцы по всем кабакам, по трактирам, набрали таких матросов, что поглядеть любо-дорого: у кого глаза подбиты, у кого нос сворочен набок. Как скоро доложили королю, что корабль готов, он в ту же минуту потребовал к себе стрельца: «Ну, Федот, ты у меня молодец, первый в команде стрелец; сослужи-ка мне службу, поезжай за тридевять земель, в тридесятое царство —

там есть остров, на том острове ходит олень золотые рога; поймай его живого и привези сюда». Стрелец задумался; не знает, что и отвечать ему. «Думай — не думай, — сказал король, — а коли не сделаешь дела, то мой меч — твоя голова с плеч!»

Федот повернулся налево кругом и пошёл из дворца; вечером приходит домой крепко печальный, не хочет и слова вымолвить. Спрашивает его жена: «О чём, милый, закручинился? Аль невзгода какая?» Он рассказал ей всё сполна. «Так ты об этом печалишься? Есть о чём! Это службишка, не служба. Молись-ка Богу да ложись спать; утро вечера мудренее: всё будет сделано». Стрелец лёг и заснул, а жена его развернула волшебную книгу — и вдруг явились перед ней два неведомых молодца: «Что угодно, что надобно?» — «Ступайте вы за тридевять земель, в тридесатое царство — на остров, поймите оленя золотые рога и доставьте сюда». — «Слушаем! К свету всё будет исполнено».

Вихрем понеслись они на тот остров, схватили оленя золотые рога, принесли его прямо к стрельцу на двор; за час до рассвета всё дело покончили и скрылись, словно их и не было. Стрельчиха-красавица разбудила своего мужа пораньше и говорит ему: «Поди посмотри — олень золотые рога на твоём дворе гуляет. Бери его на корабль с собою, пять суток вперёд плыви, на шестые назад поворачивай». Стрелец посадил оленя в глухую, закрытую клетку и отвёз на корабль. «Тут что?» — спрашивают матросы. «Разные припасы и снадобья; путь долгий, мало ли что понадобится!»

Настало время кораблю отчаливать от пристани, много народу пришло пловцов провожать, пришёл и сам король, попрощался с Федотом и поставил его над всеми матросами за старшего. Пятые сутки плывёт корабль по морю, берегов давно не видать. Федот-стрелец приказал выкатить на палубу бочку вина в сорок вёдер и говорит матросам: «Пейте, братцы! Не жалейте; душа — мера!» А они тому и рады, бросились к бочке и давай вино тянуть, да так натянулись, что тут же возле бочки попадали и заснули крепким сном. Стрелец взялся за руль, поворотил — а корабль к берегу и поплыл назад; а чтоб матросы про то не сведали — знай с утра до вечера вином их накачивает: только они с перепоя глаза продерут, как уж новая бочка готова — не угодно ль опохмелиться.

Как раз на одиннадцатые сутки привалил корабль к пристани, выкинул флаг и стал палить из пушек. Король услышал пальбу и сейчас на пристань — что там такое? Увидал стрельца, разгневался и накинулся на него со всей жесточью: «Как ты смел до срока назад воротиться?» — «А куда ж мне деваться, ваше величество? Пожалуй, иной дурак десять лет в морях проплавает да путного ничего не сделает, а мы вместо шести лет всего-навсего десять суток проехали, да своё дело справили: не угодно ль взглянуть на оленя золотые рога?» Тотчас сняли с корабля клетку, выпустили златорогого оленя; король видит, что стрелец прав, ничего с него не возьмёшь! Позволил ему домой идти, а матросам, которые с ним ездили, дал свободу на целые на шесть лет; никто не смей их и

на службу спрашивать, по тому самому, что они уж эти года заслужили.

На другой день призвал король коменданта, напустился на него с угрозами. «Что ты, — говорит, — али шутки со мной шутишь? Видно, тебе голова твоя не дорога! Как знаешь, а найди случай, чтоб можно было Федота-стрельца злой смерти предать». — «Ваше королевское величество! Позвольте подумать; авось можно поправиться». Пошёл комендант пустырями да закоулками, навстречу ему баба-яга: «Стой, королевский слуга! Я твои думки ведаю; хочешь, пособлю твоему горю?» — «Пособи, бабушка! Ведь стрелец вернулся и привёз оленя золотые рога». — «Ох, уж слышала! Сам-то он простой человек, извести его нетрудно бы — всё равно что щепоть табаку понюхать! Да жена у него больно хитра. Ну да мы загадаем ей иную загадку, с которой не так скоро справится. Ступай к королю и скажи: пусть пошлёт он стрельца туда — не знаю куда, принести то — не знаю что. Уж этой задачи он во веки веков не выполнит: или совсем без вести пропадёт, или с пустыми руками назад придёт».

Комендант наградил бабу-ягу золотом и побежал к королю; король выслушал и велел стрельца позвать. «Ну, Федот! Ты у меня молодец, первый в команде стрелец. Сослужил ты мне одну службу — достал оленя золотые рога; сослужи и другую: поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что! Да помни: коли не принесёшь, то мой меч — твоя голова с плеч!» Стрелец повернулся налево кругом и пошёл из двор-

ца; приходит домой печальный, задумчивый. Спрашивает его жена: «Что, милый, кручинишься? Аль ещё невзгода какая?» — «Эх, — говорит, — одну беду с шеи свалил, а другая навалилася; посылает меня король туда — не знаю куда, велит принести то — не знаю что. Через твою красу все напасти несую!» — «Да, это служба немалая! Чтоб туда добраться, надо девять лет идти, да назад девять — итого восемнадцать лет; а будет ли толк с того — Бог ведает!» — «Что же делать, как же быть?» — «Молись Богу да ложись спать; утро вечера мудренее. Завтра всё узнаешь».

Стрелец лёг спать, а жена его дождалась ночи, развернула волшебную книгу — и тотчас явились перед ней два молодца: «Что угодно, что надобно?» — «Не ведаете ли: как ухитриться да пойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?» — «Нет, не ведаем!» Она закрыла книгу — и молодцы с глаз исчезли. Поутру будит стрельчиха своего мужа: «Ступай к королю, проси золотой казны на дорогу — ведь тебе восемнадцать лет странствовать, а получишь деньги, заходи со мной проститься». Стрелец побывал у короля, получил из казначейства целую кису¹ золота и приходит с женой прощаться. Она подаёт ему ширинку и мячик: «Когда выйдешь из города, брось этот мячик перед собою; куда он покатится — туда и ты ступай. Да вот тебе моё рукоделье: где бы ты ни был, а как станешь умываться — завсегда утирай лицо

¹ Мешок.

этою ширинкою». Попрощался стрелец с своей женой и товарищами, поклонился на все на четыре стороны и пошёл за заставу. Бросил мячик перед собою; мячик катится да катится, а он за ним следом идёт.

Прошло с месяц времени, призывает король коменданта и говорит ему: «Стрелец отправился на восемнадцать лет по белу свету таскаться, и по всему видно, что не быть ему живому. Ведь восемнадцать лет не две недели; мало ли что в дороге случится! Денег у него много; пожалуй, разбойники нападут, ограбят да злой смерти предадут. Кажись, можно теперь за его жену приняться. Возьми-ка мою коляску, поезжай в стрелецкую слободку и привези её во дворец». Комендант поехал в стрелецкую слободку, приехал к стрельчихе-красавице, вошёл в избу и говорит: «Здравствуй, умница, король приказал тебя во дворец представить». Приезжает она во дворец; король встречает её с радостию, ведёт в палаты раззолоченные и говорит таково слово: «Хочешь ли быть королевою? Я тебя замуж возьму». — «Где же это видано, где же это слыхано: от живого мужа жену отбивать! Каков ни на есть, хоть простой стрелец, а мне он — законный муж». — «Не пойдёшь охотою, возьму силою!» Красавица усмехнулась, ударилась об пол, обернулась горлицей и улетела в окно.

Много царств и земель прошёл стрелец, а мячик всё катится. Где река встретится, там мячик мостом перебросится; где стрельцу отдохнуть захочется, там мячик пуховой постелью раскинется. Долго ли, коротко ли — скоро сказка сказывается, не скоро дело де-

ляется, приходит стрелец к большому, великолепному дворцу; мячик докатился до ворот и пропал. Вот стрелец подумал-подумал: «Дай пойду прямо!» Вошёл по лестнице в покои; встречают его три девицы неопи-санной красоты: «Откуда и зачем, добрый человек, по-жаловал?» — «Ах, красные девицы, не дали мне с дальнего походу отдохнуть, да начали спрашивать. Вы бы прежде меня накормили-напоили, отдохнуть поло-жили, да тогда бы и вестей спрашивали». Они тотчас собрали на стол, посадили его, накормили-напоили и спать уложили.

Стрелец выспался, встаёт с мягкой постели, крас-ные девицы несут к нему умывальницу и шитое поло-тенце. Он умылся ключевой водой, а полотенца не принимает. «У меня, — говорит, — своя ширинка; есть чем лицо утереть». Вынул ширинку и стал ути-раться. Спрашивают его красные девицы: «Добрый че-ловек! Скажи: откуда достал ты эту ширинку?» — «Мне её жена дала». — «Стало быть, ты женат на на-шей родной сестрице!» Кликнули мать-старушку; та как глянула на ширинку, в ту ж минуту признала: «Это моей дочки рукоделье!» Начала у гостя расспраши-вать-разведывать; он рассказал ей, как женился на её дочери и как царь послал его туда — не знаю куда, принести то — не знаю что. «Ах зятюшка! Ведь про это диво даже я не слыхивала! Постой-ка, авось мои слуги ведают».

Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким го-лосом, и вдруг — откуда только взялись! — набежали всякие звери, налетели всякие птицы. «Гой есте, зве-

ри лесные и птицы воздушные! Вы, звери, везде рыскаете; вы, птицы, всюду летаете: не слышали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?» Все звери и птицы в один голос отвечали: «Нет, мы про то не слыхивали!» Распустила их старуха по своим местам — по тущам, по лесам, по рощам; воротилась в горницу, достала свою волшебную книгу, развернула её — и тотчас явились к ней два великана: «Что угодно, что надобно?» — «А вот что, слуги мои верные! Понесите меня вместе с зятем на окиян-море широкое и станьте как раз на середине — на самой пучине».

Тотчас подхватили они стрельца со старухой, понесли их, словно вихри буйные, на окиян-море широкое и стали на середине — на самой пучине: сами как столбы стоят, а стрельца со старухой на руках держат. Крикнула старуха громким голосом — и приплыли к ней все гады и рыбы морские: так и кишат! Из-за них синя моря не видно! «Гой есте, гады и рыбы морские! Вы везде плаваете, у всех островов бываете: не слышали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?» Все гады и рыбы в один голос отвечали: «Нет! Мы про то не слыхивали!» Вдруг протеснилась вперед старая колченогая лягушка, которая уж лет тридцать как в отставке жила, и говорит: «Квак-ква! Я знаю, где этакое диво найти». — «Ну, милая, тебя-то мне и надобно!» — сказала старуха, взяла лягушку и велела великанам себя и зятя домой отнесть.

Мигом очутились они во дворце. Стала старуха лягушку допытывать: «Как и какою дорогою моему зя-

тю идти?» Отвечает лягушка: «Это место на краю света — далеко-далеко! Я бы сама его проводила, да уж больно стара, еле ноги волочу; мне туда в пятьдесят лет не допрыгать». Старуха принесла большую банку, налила свежим молоком, посадила в неё лягушку и даёт зятю: «Неси, — говорит, — эту банку в руках, а лягушка пусть тебе дорогу показывает». Стрелец взял банку с лягушкой, попрощался со старухой и её дочками и отправился в путь. Он идёт, а лягушка ему дорогу показывает.

Близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — приходит к огненной реке; за тою рекой высокая гора стоит, в той горе дверь видна. «Ква-ква! — говорит лягушка. — Выпусти меня из банки; надо нам через реку переправиться». Стрелец вынул её из банки и пустил наземь. «Ну, добрый молодец, садись на меня, да не желей; небось не задавишь!» Стрелец сел на лягушку и прижал её к земле: начала лягушка дуться, дулась-дулась и сделалась такая большая, словно стог сенной. У стрельца только и на уме, как бы не свалиться: «Коли свалюсь, до смерти ушибусь!» Лягушка надулась да как прыгнет — перепрыгнула через огненную реку и сделалась опять маленькою. «Теперь, добрый молодец, ступай в эту дверь, а я тебя здесь подожду; войдёшь ты в пещеру и хорошенько спрячься. Спустя некое время придут туда два старца; слушай, что они будут говорить и делать, а после, как они уйдут, и сам то ж говори и делай!»

Стрелец подошёл к горе, отворил дверь — в пещере так темно, хоть глаз выколи! Полез на карачках

и стал руками щупать; нащупал пустой шкаф, сел в него и закрылся. Вот немного погодя приходят туда два старца и говорят: «Эй, Шмат-разум! Покорми-ка нас». В ту ж минуту — откуда что взялось! — зажглись люстры, загремели тарелки и блюда, и явились на столе разные вина и кушанья. Старики напились, наелись и приказывают: «Эй, Шмат-разум! Убери всё». Вдруг ничего не стало — ни стола, ни вин, ни кушаньев, люстры все погасли. Слышит стрелец, что два старца ушли, вылез из шкапа и крикнул: «Эй, Шмат-разум!» — «Что угодно?» — «Покорми меня!» Опять явились и люстры зажжённые, и стол накрытый, и всякие напитки и кушанья.

Стрелец сел за стол и говорит: «Эй, Шмат-разум! Садись, брат, со мною; станем есть-пить вместе, а то одному мне скучно». Отвечает невидимый голос: «Ах, добрый человек! Откудова тебя бог принёс? Скоро тридцать лет, как я двум старцам верой-правдой служу, а за всё это время они ни разу меня с собой не сажали». Смотрит стрелец и удивляется: никого не видеть, а кушанья с тарелок словно кто метёлочкой подметает, а бутылки с вином сами поднимаются, сами в рюмки наливаются, глядь — уж и пусты! Вот стрелец наелся-напился и говорит: «Послушай, Шмат-разум! Хочешь мне служить? У меня житьё хорошее». — «Отчего не хотеть! Мне давно надоело здесь, а ты, вижу, — человек добрый». — «Ну, прибирай всё да пойдём со мною!» Вышел стрелец из пещеры, оглянулся назад — нет никого... «Шмат-разум! Ты здесь?» — «Здесь! Не бойся, я от тебя не отстану». — «Ладно!» — сказал

стрелец и сел на лягушку: лягушка надулась и перепрыгнула через огненную реку; он посадил её в банку и отправился в обратный путь.

Пришёл к теще и заставил своего нового слугу хорошенько угостить старуху и её дочек. Шмат-разум так их употчевал, что старуха с радости чуть плясать не пошла, а лягушке за её верную службу назначила по три банки молока в день давать. Стрелец распрощался с тещею и пустился домой. Шёл-шёл и сильно утомился; прибились его ноги скорые, опустились руки белые. «Эх, — говорит, — Шмат-разум! Если б ты ведал, как я устал; просто ноги отымаются». — «Что ж ты мне давно не скажешь? Я б тебя живо на место доставил». Тотчас подхватило стрельца буйным вихрем и понесло по воздуху так шибко, что с головы шапка свалилась. «Эй, Шмат-разум! Пстой на минутку, моя шапка свалилась». — «Поздно, сударь, хватился! Твоя шапка теперь за пять тысяч вёрст назади». Города и деревни, реки и леса так и мелькают перед глазами...

Вот летит стрелец над глубоким морем, и гласит ему Шмат-разум: «Хочешь — я на этом море золотую беседку сделаю? Можно будет отдохнуть, да и счастье добыть». — «А ну, сделай!» — сказал стрелец и стал опускаться на море. Где за минуту только волны подымались — там появился островок, на островку золотая беседка. Говорит стрельцу Шмат-разум: «Садись в беседку, отдыхай, на море поглядывай; будут плыть мимо три купеческих корабля и пристанут к острову; ты зазови купцов, угости-употчевай и променяй меня на

три диковинки, что купцы с собой везут. В своё время я к тебе назад вернусь!»

Смотрит стрелец — с западной стороны три корабля плывут; увидели корабельщики остров и золотую беседку: «Что за чудо! — говорят. — Сколько раз мы тут плавали, кроме воды ничего не было, а тут — на́ поди! — золотая беседка явилась. Пристанемте, братцы, к берегу, поглядим-полюбуемся». Тотчас остановили корабельный ход и бросили якоря; три купца-хозяина сели на лёгкую лодочку и поехали на остров. «Здравствуй, добрый человек!» — «Здравствуйте, купцы чужеземные! Милости просим ко мне, погуляйте, повеселитесь, роздых возьмите: нарочно для заезжих гостей и беседка выстроена! Купцы вошли в беседку, сели на скамеечку. «Эй, Шмат-разум! — закричал стрелец. — Дай-ка нам попить-поесть». Явился стол, на столе вина и кушанья, чего душа захочет — всё мигом исполнено! Купцы только ахают. «Давай, — говорят, — меняться! Ты нам своего слугу отдай, а у нас возьми за то любую диковинку». — «А какие у вас диковинки?» — «Посмотри — увидишь!»

Один купец вынул из кармана маленький ящичек, только открыл его — тотчас по всему острову славный сад раскинулся и с цветами и с дорожками, а закрыл ящичек — и сад пропал. Другой купец вынул из-под полы топор и начал таяпать: таяп да ляп — вышел корабль! Таяп да ляп — ещё корабль! Сто разов таяпнул — сто кораблей сделал, с парусами, с пушками и с матросами; корабли плывут, в пушки палят, от купца приказов спрашивают... Натешился он, спрятал

свой топор — и корабли с глаз исчезли, словно их и не было! Третий купец достал рог, затрубил в один конец — тотчас войско явилось: и пехота, и конница, с ружьями, с пушками, с знамёнами; ото всех полков посылают к купцу рапорты, а он отдаёт им приказы: войска идут, музыка гремит, знамёна развеваются... Натешился купец, взял трубу, затрубил с другого конца — и нет ничего, куда вся сила дедалась!

«Хороши ваши диковинки, да мне не пригодны! — сказал стрелец. — Войска да корабли — дело царское, а я простой солдат. Коли хотите со мной поменяться, так отдайте мне за одного слугу-невидимку все три диковинки». — «Не много ли будет?» — «Ну как знаете; а я иначе меняться не стану!» Купцы подумали про себя: «На что нам этот сад, эти полки́ и военные корабли? Лучше поменяться; по крайней мере без всякой заботы будем и сыты и пьяны». Отдали стрельцу свои диковинки и говорят: «Эй, Шмат-разум! Мы тебя берём с собою; будешь ли нам служить верой-правдою?» — «Отчего не служить? Мне всё равно — у кого ни жить». Воротились купцы на свои корабли и давай всех корабельщиков поить-угощать: «Ну-ка, Шмат-разум, поворачивайся!»

Перепились все допьяна и заснули крепким сном. А стрелец сидит в золотой беседке, призадумался и говорит: «Эх, жалко! Где-то теперь мой верный слуга Шмат-разум?» — «Я здесь, господин!» Стрелец обрадовался: «Не пора ли нам домой?» Только сказал, как вдруг подхватило его буйным вихрем и понесло по воздуху. Купцы проснулись, и захотелось им выпить с

похмелья: «Эй, Шмат-разум, дай-ка нам опохмелиться!» Никто не отзывается, никто не прислуживает. Сколько ни кричали, сколько ни приказывали — нет ни на грош толку. «Ну, господа! Надул нас этот маклак¹. Теперь чёрт его найдёт! И остров пропал и золотая беседка сгинула». Погоревали-погоревали купцы, подняли паруса и отправились куда им было надобно.

Быстро прилетел стрелец в своё государство, опустилсЯ возле синего моря на пустом месте. «Эй, Шмат-разум! Нельзя ли здесь дворец выстроить?» — «Отчего нельзя! Сейчас готов будет». Вмиг дворец поспел, да такой славный, что и сказать нельзя: вдвое лучше королевского. Стрелец открыл ящичек, и кругом дворца сад явился с редкими деревьями и цветами. Вот сидит стрелец у открытого окна да на свой сад любуется — вдруг влетела в окно горлица, ударилаС оземь и оборотилась его молодой женою. Обнялись они, поздоровались, стали друг друга расспрашивать, друг другу рассказывать. Говорит стрельцу жена: «С той самой поры, как ты из дому ушёл, я всё время по лесам да по рощам сирой горлинкой летала».

На другой день поутру вышел король на балкон, глянул на сине море и видит — на самом берегу стоит новый дворец, а кругом дворца зелёный сад. «Какой это невежа вздумал без спросу на моей земле строиться?» Побежали гонцы, разведали и докладывают, что дворец тот стрельцом поставлен, и живёт во дворце он сам, и жена при нём. Король пуще разгне-

¹ Бессовестный человек, попрошайка.

вался, приказал собрать войско и идти на взморье, сад дотла разорить, дворец на мелкие части разбить, а самого стрельца и его жену лютой смерти предать. Усмотрел стрелец, что идёт на него сильное войско королевское, схватил поскорей топор, тят да ляп — вышел корабль! Сто разов тятнул — сто кораблей сделал. Потом вынул рог, затрубил раз — повалила пехота, затрубил в другой — повалила конница.

Бегут к нему начальники из полков, с кораблей и ждут приказу. Стрелец приказал начинать сражение; тотчас заиграла музыка, ударили в барабаны, полки двинулись; пехота ломит королевских солдат, конница догоняет, в плен забирает, а с кораблей по столичному городу так и жарят пушками. Король видит, что его армия бежит, бросился было сам войско останавливать — да куда! Не прошло и полчасика, как его самого убили. Когда кончилось сражение, собрался народ и начал стрельца просить, чтобы взял в свои руки всё государство. Он на то согласился и сделался королём, а жена его королевою.

БЕЗНОГИЙ И СЛЕПОЙ БОГАТЫРИ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею; у них был сын Иван-царевич, а смотреть-глядеть за царевичем приставлен был Катому-дядька дубовая шапка. Царь с царицею достигли древних лет, заболели и не чают уж выздороветь; призывают Ивана-царевича и наказывают: «Когда мы помрём, ты во всём слушайся и почитай Катому-дядьку дубовую шапку; станешь слушаться — счастлив будешь, а захочешь быть ослушником — пропадёшь как муха», а другой день царь с царицею померли; Иван-царевич похоронил родителей и стал жить по их наказу: что ни делает, обо всём с дядькой совет держит. Долго ли, коротко ли — дошёл царевич до совершенных лет и надумал жениться; приходит к дядьке и говорит ему: «Катому-дядька дубовая шапка! Скучно мне одному, хочу ожениться». — «Что же, царевич! За чем дело стало? Лета твои таковы, что пора и о невесте думать; поди в большую палату — там всех царевен, всех королевен портреты собраны, погляди да выбери: какая понравится, за ту и сватайся».

Иван-царевич пошёл в большую палату, начал пересматривать портреты, и пришлась ему по мысли королевна Анна Прекрасная — такая красавица, какой во всём свете другой нет! На её портрете подписано: коли кто задаст ей загадку, а королевна не отгадает, за того пойдёт она замуж; а чью загадку отгадает, с того голова долой. Иван-царевич прочитал эту подпись, раскручинился и идёт к своему дядьке. «Был я, — говорит, — в большой палате, высмотрел себе невесту Анну Прекрасную; только не ведаю, можно ли её высватать?» — «Да, царевич! Трудно её достать; коли один поедешь — ни за что не высватаешь, а возмёшь меня с собой да будешь делать, как я скажу, — может, дело и уладится». Иван-царевич просит Катому-дядьку дубовую шапку ехать с ним вместе и даёт ему верное слово слушаться его и в горе и в радости.

Вот собрались они в путь-дорогу и поехали сватать Анну Прекрасную королевну. Едут они год, и другой, и третий, и заехали за много земель. Говорит Иван-царевич: «Едем мы, дядя, столько времени, приближаемся к землям Анны Прекрасной королевны, а не знаем, какую загадку загадывать». — «Ещё успеем выдумать!» Едут дальше; Катом-дядька дубовая шапка глянул на дорогу — на дороге лежит кошелёк с деньгами; сейчас его поднял, высыпал оттуда все деньги в свой кошелёк и говорит: «Вот тебе и загадка, Иван-царевич! Как приедешь к королевне, загадай ей такими словами: ехали-де мы путём-дорогою, увидели: на дороге добро лежит, мы добро добром взяли

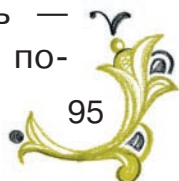
да в своё добро положили! Эту загадку ей в жизнь не разгадать; а всякую другую сейчас узнает — только взглянет в свою волшебную книгу; а как узнает, то и велит отрубить тебе голову».

Вот, наконец, приехал Иван-царевич с дядькою к высокому дворцу, где проживала прекрасная королевна; в ту пору-времечко была она на балконе, увидела приезжих и послала узнать: откуда они и зачем прибыли? Отвечает Иван-царевич: «Приехал я из такого-то царства, хочу сватать за себя Анну Прекрасную королевну». Доложили о том королевне; она приказала, чтобы царевич во дворец шёл да при всех её думных князьях и боярах загадку загадывал. «У меня, — молвила, — такой завет положен: если не отгадаю чьей загадки, за того мне идти замуж, а чью отгадаю — того злой смерти предать!» — «Слушай, прекрасная королевна, мою загадку, — говорит Иван-царевич, — ехали мы путём-дорогою, увидели — на дороге добро лежит, мы добро добром взяли да в добро положили». Анна Прекрасная королевна берёт свою волшебную книгу, начала её пересматривать да отгадки разыскивать; всю книгу перебрала, а толку не добилась.

Тут думные князья и бояре присудили королевне выходить замуж за Ивана-царевича; хоть она и не рада, а делать нечего — стала готовиться к свадьбе. Думает сама с собой королевна: как бы время протянуть да жениха отбыть? И вздумала — утрудить его великими службами. Призывает она Ивана-царевича и говорит ему: «Милый мой Иван-царевич, муж наречённый! Надо нам к свадьбе изготовиться; сослужи-ка

мне службу невеликую: в моём королевстве на таком-то месте стоит большой чугунный столб; перетащи его в дворцовую кухню и сруби в мелкие поленья — повару на дрова». — «Помилуй, королева! Нешто я приехал сюда дрова рубить? Моё ли это дело! На то у меня слуга есть: Катом-дядька дубовая шапка». Сейчас призывает царевич дядьку и приказывает ему притащить в кухню чугунный столб и срубить его в мелкие поленья повару на дрова. Катом-дядька пошёл на сказанное место, схватил столб в охапку, принёс в дворцовую кухню и разбил на мелкие части; четыре чугунных полена взял себе в карман — «для переды годится!»

На другой день говорит королева Ивану-царевичу: «Милый мой царевич, наречённый муж! Завтра нам к венцу ехать: я поеду в коляске, а ты верхом на богатырском жеребце; надобно тебе загодя объездить того коня». — «Стану я сам объезжать коня! На то у меня слуга есть». Призывает Иван-царевич Катом-дядьку дубовую шапку. «Ступай, — говорит, — на конюшню, вели конюхам вывести богатырского жеребца, сядь на него и объезди; завтра я на нём к венцу поеду». Катом-дядька смекнул хитрости королевы, не стал долго разговаривать, пошёл на конюшню и велел конюхам вывести богатырского жеребца. Собралось двенадцать конюхов; отперли двенадцать замков, отворили двенадцать дверей и вывели волшебного коня на двенадцати железных цепях. Катом-дядька дубовая шапка подошёл к нему; только успел сесть — волшебный конь от земли отделяется, выше лесу по-

дымается, что повыше лесу стоячего, пониже облака ходячего.

Катома крепко сидит, одной рукой за гриву держится, а другой вынимает из кармана чугунное полено и начинает этим поленом промежду ушей коня осаживать. Избил одно полено, взялся за другое, два избил, взялся за третье, три избил, пошло в ход четвертое. И так донял он богатырского жеребца, что не выдержал конь, возговорил человеческим голосом: «Батюшка Катома! Отпусти хоть живого на белый свет. Что хочешь, то и приказывай: всё будет по-твоему!» — «Слушай, собачье мясо! — отвечает ему Катома-дядька дубовая шапка. — Завтра поедет на тебе к венцу Иван-царевич. Смотри же: как выведут тебя конюхи на широкий двор да подойдёт к тебе царевич и наложит свою руку — ты стой смирно, ухом не пошевели; а как сядет он верхом — ты по самые щётки в землю подайся да иди под ним тяжёлым шагом, словно у тебя на спине непомерная тягота наложена». Богатырский конь выслушал приказ и опустилсЯ еле жив на землю. Катома ухватил его за хвост и бросил возле конюшни: «Эй, кучера и конюхи! Уберите в стойло это собачье мясо».

Дождались другого дня; подошло время к венцу ехать, королевне коляску подали, а Ивану-царевичу богатырского жеребца подвели. Со всех сторон народ сбегался — видимо-невидимо! Вышли из палат белокаменных жених с невестою; королевна села в коляску и дожидается: что-то будет с Иваном-царевичем? Волшебный конь разнесёт его кудри по ветру, разметет

его кости по чисту полю. Подходит Иван-царевич к жеребцу, накладывает руку на спину, ногу в стремя — жеребец стоит словно вкопанный, ухом не шевельнёт! Сел царевич верхом — волшебный конь по щётки в землю ушёл; сняли с него двенадцать цепей — стал конь выступать ровным тяжёлым шагом, а с самого пот градом так и катится. «Экий богатырь! Экая сила непомерная!» — говорит народ, глядя на царевича. Перевенчали жениха с невестой; стали они выходить из церкви, взяли друг дружку за руки. Вздумалось королевне ещё раз попытать силу Ивана-царевича, сжала ему руку так сильно, что он не смог выдержать: кровь в лицо кинулась, глаза под лоб ушли. «Так ты этакий-то богатырь, — думает королевна, — славно же твой дядька меня опутал... только даром вам это не пройдёт!»

Живёт Анна Прекрасная королевна с Иваном-царевичем как подобает жене с богоданным мужем, всячески его словами улещает, а сама одно мыслит: каким бы то способом извести Катому-дядьку дубовую шапку; с царевичем без дядьки нетрудно управиться! Сколько ни вымышляла она всяких наговоров, Иван-царевич не поддавался на её речи, всё сожалел своего дядьку. Через год времени говорит он своей жене: «Любезная моя супружница, прекрасная королевна! Желается мне ехать вместе с тобой в своё государство». — «Пожалуй, поедем; мне самой давно хочется увидеть твоё государство».

Вот собрались и поехали; дядьку Катому за кучера посадили. Ехали-ехали; Иван-царевич заснул доро-

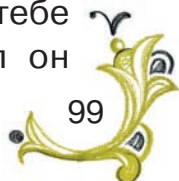
гою. Вдруг Анна Прекрасная королевна стала его будить да жалобу приносить: «Послушай, царевич, ты всё спишь — ничего не слышишь! А твой дядька совсем меня не слушает, нарочно правит лошадей на кочки да рытвины — словно извести нас собирается; стала я ему добром говорить, а он надо мной насмеяется. Жить не хочу, коли его не накажешь!» Иван-царевич крепко спросонок рассердился на своего дядьку и отдал его на всю волю королевнину: «Делай с ним, что сама знаешь!» Королевна приказала отрубить его ноги. Катом дался ей на поругание. «Пусть,— думает, — пострадаю; да и царевич узнает — каково горе мыкать!»

Отрубили Катоме-дядьке обе ноги. Глянула королевна кругом и увидала: стоит в стороне высокий пень; позвала слуг и приказала посадить его на этот пень, а Ивана-царевича привязала на верёвке к коляске, повернула назад и поехала в своё королевство. Катом-дядька дубовая шапка на пне сидит, горькими слезами плачет. «Прощай, — говорит, — Иван-царевич! Вспомнишь и меня». А Иван-царевич вприпрыжку за коляскою бежит; сам знает, что маху дал, да воротить нельзя. Приехала королевна Анна Прекрасная в своё государство и заставила Ивана-царевича коров пасти. Каждый день поутру ходит он со стадом в чистое поле, а вечером назад на королевский двор гонит; в то время королевна на балконе сидит и поверяет: все ли счётом коровы? Пересчитывает и велит их царевичу в сарай загонять да последнюю корову под хвост целовать; эта корова так

уж и знает — дойдёт до ворот, остановится и хвост подымет...

Катома-дядька сидит на пне день, и другой, и третий не пивши, не евши; слезть никак не может, приходится помирать голодною смертью. Невдалеке от этого места был густой лес; в том лесу проживал слепой сильномогучий богатырь; только тем и кормился, что как услышит по духу, что мимо его какой зверь пробежал: заяц, лиса ли, медведь ли — сейчас за ним в погоню; поймает — и обед готов! Был богатырь на ногу скор, и ни одному зверю прыскучему не удавалось убежать от него. Вот и случилось так: проскользнула мимо лиса; богатырь услышал да вслед за нею; а она добежала до того высокого пня и дала колено в сторону, а слепой богатырь поторопился да с разбегу как ударится лбом о пень — так с корнем его и выворотил.

Катома свалился на землю и спрашивает: «Ты кто таков?» — «Я — слепой богатырь, живу в лесу тридцать лет, только тем и кормлюся, коли какого зверя поймаю да на костре зажарю; а то б давно помер голодною смертью!» — «Неужели ж ты отроду слепой?» — «Нет, не отроду; а мне выколола глаза Анна Прекрасная королевна». — «Ну, брат, — говорит Катома-дядька дубовая шапка, — и я через неё без ног остался: обе отрубила проклятая!» Разговорились богатыри промеж собой и согласились вместе жить, вместе хлеб добывать. Слепой говорит безногому: «Садись на меня да сказывай дорогу; я послужу тебе своими ногами, а ты мне своими глазами». Взял он

безногого и понёс на себе, а Катома сидит, по сторонам поглядывает да знай покрикивает: «Направо! На-лево! Прямо!..»

Жили они этак некоторое время в лесу и ловили себе на обед и зайцев, и лисиц, и медведей. Говорит раз безногий: «Неужли ж нам весь век без людей прожить? Слышал я, что в таком-то городе живёт богатый купец с дочкою, и та купеческая дочь куда как милостива к убогим и увечным! Сама всем милостыню подаёт. Увезём-ка, брат, её! Пусть у нас за хозяйку живёт». Слепой взял тележку, посадил в неё безногого и повёз в город, прямо к богатому купцу на двор; увидала их из окна купеческая дочь, тотчас вскочила и пошла оделять их милостынею. Подошла к безногому: «Прими, убоженький, Христа ради!» Стал он принимать подавание, ухватил её за руки да в тележку, закричал на слепого — тот побежал так скоро, что на лошадях не поймать! Купец послал погоню — нет, не догнали. Богатыри привезли купеческую дочь в свою лесную избушку и говорят ей: «Будь нам вместо родной сестры, живи у нас, хозяйничай; а то нам, увечным, некому обеда сварить, рубашек помыть. Бог тебя за это не оставит!»

Осталась с ними купеческая дочь; богатыри её почитали, любили, за родную сестру признавали; сами они то и дело на охоте, а названная сестра завсегда дома: всем хозяйством заправляет, обед готовит, бельё моет.

Вот и повадилась к ним в избушку ходить баба-яга костяная нога и сосать у красной девицы, купе-

ческой дочери, белые груди. Только богатыри на охоту уйдут, а баба-яга тут как тут! Долго ли, коротко ли — спала с лица красная девица, похудела-захирела; слепой ничего не видит, а Катома-дядька дубовая шапка замечает, что дело неладно; сказал про то слепому, и пристали они вдвоём к своей названной сестрице, начали допрашивать, а баба-яга ей накрепко запретила признаваться. Долго боялась она поверить им своё горе, долго крепилась, да, наконец, братья её уговорили, и она всё дочиста рассказала: «Всякий раз, как уйдёте вы на охоту, тотчас является в избушку древняя старуха — лицо злющее, волоса длинные, седые — и заставляет меня в голове ей искать, а сама сосёт мои груди белые». — «А, — говорит слепой, — это — баба-яга; погоди же, надо с ней по-своему разделаться! Завтра мы не пойдём на охоту, а постараемся залучить её да поймать...»

Утром на другой день богатыри не идут на охоту. «Ну, дядя безногий, — говорит слепой, — полезай ты под лавку, смирененько сиди, а я пойду на двор — под окном стану. А ты, сестрица, как придёт баба-яга, садись вот здесь, у этого окна, в голове-то у ней ищи да потихоньку пряди волос отделяй да за оконницу на двор пропускай; я её за седые-то космы и сграбастаю!» Сказано — сделано. Ухватил слепой бабу-ягу за седые космы и кричит: «Эй, дядя Катома! Вылезай-ка из-под лавки да придержи ехидную бабу, пока я в избу войду». Баба-яга услышала беду, хочет вскочить, голову приподнять — куда тебе, нет совсем ходу! Рвалась-рвалась — ничего не пособляет! А тут вылез из-

под лавки дядя Катома, навалился на неё словно каменная гора, принялся душить бабу-ягу, ажно небо с овчинку ей показалось! Вскочил в избушку слепой, говорит безногому: «Надо нам теперь развести большой костёр, сжечь её, проклятую, на огне, а пепел по ветру пустить!» Возмолилась баба-яга: «Батюшки, голубчики! Простите... что угодно, всё вам сделаю!» — «Хорошо, старая ведьма!» — сказали богатыри. — Покажи-ка нам колодезь с целующей и живущей водою». — «Только не бейте, сейчас покажу!»

Вот Катома-дядька дубовая шапка сел на слепого; слепой взял бабу-ягу за косы; баба-яга повела их в лесную трущобу, привела к колодезю и говорит: «Это и есть целующая и живущая вода!» — «Смотри, дядя Катома, — вымолвил слепой, — не давай маху; коли она теперь обманет — ввек не поправимся!» Катома-дядька дубовая шапка сломил с дерева зелёную ветку и бросил в колодезь; не успела ветка до воды долететь, как уж вся огнём вспыхнула! «Э, да ты ещё на обман пошла!» Принялись богатыри душить бабу-ягу, хотят кинуть её, проклятую, в огненный колодезь. Пуще прежнего возмолилась баба-яга, даёт клятву великую, что теперь не станет хитрить: «Право-слово, доведу до хорошей воды».

Согласились богатыри попытать ещё раз, и привела их баба-яга к другому колодезю. Дядька Катома отломил от дерева сухой сучок и бросил в колодезь: не успел тот сучок до воды долететь, как уж ростки пустил, зазеленел и расцвёл. «Ну, это вода хорошая!» — сказал Катома. Слепой помочил ею свои глаза — и

вмиг прозрел; опустил безногого в воду — и выросли у него ноги. Оба обрадовались и говорят меж собой: «Вот когда мы поправимся! Всё своё воротим, только наперёд надо с бабой-ягой порешить; коли нам её теперь простить, так самим добра не видать — она всю жизнь будет зло мыслить!» Воротились они к огненному колодезю и бросили туда бабу-ягу: так она и сгинула!

После того Катома-дядька дубовая шапка женился на купеческой дочери, и все трое отправились они в королевство Анны Прекрасной выручать Ивана-царевича. Стали подходить к столичному городу, смотрят: Иван-царевич гонит стадо коров. «Стой, пастух! — говорит Катома-дядька. — Куда ты этих коров гонишь?» Отвечает ему царевич: «На королевский двор гоню; королевна всякий раз сама поверяет, все ли коровы». — «Ну-ка, пастух, на́ тебе мою одёжу, надевай на себя, а я твою надену и коров погоню». — «Нет, брат, этого нельзя сделать; коли королевна уведает — беда мне будет!» — «Не бойся, ничего не будет! В том тебе порука Катома-дядька дубовая шапка!» Иван-царевич вздохнул и говорит: «Эх, добрый человек! Если бы жив был Катома-дядька, я бы не пас в поле этих коров».

Тут Катома-дядька дубовая шапка сознался ему, кто он таков есть; Иван-царевич обнял его крепко и залился слезами: «Не чаял и видеть тебя!» Поменялись они своими одёжами; погнал дядька коров на королевский двор. Анна Прекрасная вышла на балкон, поверила, все ли коровы счётом, и приказала загонять

их в сарай. Вот все коровы в сарай вошли, только последняя у ворот остановилась и хвост оттопырила. Катома подскочил: «Ты чего, собачье мясо, дожидаться?» — схватил её за хвост, дёрнул, так и стащил шкуру! Королевна увидела и кричит громким голосом: «Что это мерзавец пастух делает? Взять его и привести ко мне!» Тут слуги подхватили Катома и потащили во дворец; он идёт — не отговаривается, на себя надеется. Привели его к королевне; она взглянула и спрашивает: «Ты кто таков? Откуда явился?» — «А я тот самый, которому ты ноги отрубила да на пень посадила; зовут меня Катома-дядька дубовая шапка!» — «Ну, — думает королевна, — когда он ноги свои воротил, то с ним мудрить больше нечего!» — и стала у него и у царевича просить прощения; покаялась во своих грехах и дала клятву вечно Ивана-царевича любить и во всём слушаться. Иван-царевич её простил и начал жить с нею в тишине и согласии; при них остался слепой богатырь, а Катома-дядька уехал с своею женою к богатому купцу и поселился в его доме.

КОБОРҮЧКА

Жил купец, были у него сын да дочь. Пришло время купцу помирать; он и просит сына, чтобы он сестру свою любил, берёг, никому в обиду не давал. Вот отец умер; сын через несколько дней на охоту поехал, а была у него злая жена, взяла да и выпустила коня на волю. Муж приезжает домой, она с жалобой: «Вот ты любишь свою сестру, лелеешь её, а она твоего коня выпустила». — «Собака его ешь! Конь — дело наживное, а другой сестры я не наживу». Через несколько дней опять отлучился муж на охоту; жена его выпустила сокола из клетки. Только что воротился он домой, она стала жаловаться: «Вот ты сестре своей всё спускаешь, а она выпустила сокола из клетки!» — «Э, сова его клюй! Сокол — дело наживное, а другой сестры у меня не будет!» В третий раз отлучился муж куда-то по своим делам; жена схватила своего единственного сына, побежала в табун и бросила лошадям под ноги. Муж воротился, она опять жалуется: «Вот какова твоя сестра! За всю любовь твою она нашего сына конями истоптала!» Тот страшно рассердился, взял сестру и отвёз в дремучий лес.

Много ли, мало ли она в нём жила, обноси­лась вся и засела в дупло. В некое время охотился в этом лесу королевский сын; собаки набежали на красную девицу, обступили кругом дерево и лают. «Знать, на звериный след напали!» — думает королевич и давай травить. «Не трави меня, млад юноша! — отозвалась купеческая дочь. — Я человек, а не зверь». — «Выходи из дупла», — говорит ей королевич. «Не могу, я нага и боса». Он сейчас слез с коня и бросил ей свой плащ; она оделась и вышла. И видит королевич совершенную красавицу, взял её с собою, привёз домой, поместил в особую горницу и не стал никуда ездить — всё дома сидит. Спрашивает его отец: «Любезный мой сын! Что с тобой сталося? Прежде ты отлучался на охоту по неделе и больше, а теперь всё дома сидишь». — «Государь мой батюшка и государыня матушка! Виноват я перед вами: нашёл я в лесу такую красавицу, что ни вздумать, ни взгадать! Если б только вы меня благословили, не желал бы я себе иной супруги». — «Хорошо! Покажь нам её». Приводит он свою суженую; король с королевою согласились на его просьбу и обвенчали их.

Пожил королевич с своей женою несколько времени, и понадобилось ему на службу ехать. Просит он своего отца: «Кого бы ни родила моя жена — уведомьте меня с скорым гонцом». Королевна родила без него сына — по локоть руки в золоте, по колена ноги в серебре, во лбу месяц, супротив ретива сердца красное солнце. Тотчас изготовили письмо о новорождённом сыне и послали к королевичу скорого гонца.

Случилось ему проезжать мимо того города, где проживал купеческий сын; поднялась буря, гонец и заехал в тот дом, откуда была ихняя королевна вывезена. Хозяйка истопила ему баню, послала париться, а сама переписала письмо: «Твоя-де жена родила козла с бородой», — и запечатала. Гонец приезжает к королевичу, подаёт бумаги; тот прочитал и пишет к отцу: «Что Бог ни дал — беречь до меня!»

На обратном пути заезжает гонец в тот же дом. Хозяйка по-прежнему отправила его в баню, а сама за бумаги и переписала письмо, чтоб отрубить у королевны руки по локоть, привязать младенца на грудь и отвести её в тёмный лес.

Так и было исполнено. Ходила-ходила королевна по лесу, увидала колодец, захотела напиться, наклонилась в колодец и уронила туда своего сына. Стала она слёзно просить Бога, чтоб даровал ей руки младенца вытащить. Вдруг чудо совершилось — руки явились; она вытащила сына и пошла странствовать.

Много ли, мало ли странствовала, приходит в нищенском рубище на родину и попросилась ночевать у брата. Сноха её не узнала. Вот она села в уголок, то и дело что прикрывает своему сыну руки да ноги. На ту пору приезжает туда же королевич, начал с её братом — купеческим сыном есть, пить, веселиться. Брат говорит: «Кто бы нас потешил — из короба в короб орехи пересыпал?» Мальчик просится: «Пусти меня, матушка! Я их потешу»; а она не пускает. Брат услышал, что она не позволяет, и говорит: «Поди, поди, сиротиночка! Пересыпь орешки». Мальчик взял орехи

и стал сказывать: «Два ореха в короб, два из короба... Жил-был брат с сестрой; у брата была злая жена, сгубила сестру наговорами. Два ореха в короб, два из короба... Отвёз брат сестру в дремучий лес; натерпелась она и голоду и холоду, обносилась вся. Два ореха в короб, два из короба... Приехал с охотой в дремучий лес королевский сын; увидал мою матушку, влюбился в неё. Два ореха в короб, два из короба... Взял её за себя, родила она меня — по локоть руки в золоте, по колена ноги в серебре, во лбу месяц, супротив ретива сердца красное солнышко. Два ореха в короб, два из короба...» И так-то, пересыпая орехи из короба в короб, рассказал всё, что с ними было, а после и говорит: «Здравствуйте, родимый батюшка и богоданный дядюшка!» Дядя взял свою жену и по общему суду казнил её, а потом все вместе поехали к старому королю. Король со королевою сильно возрадовались, увидя свою невестку со внуком; и стали королевич с королевною жить-поживать да добра наживать.

ЗОЛОТОЙ БАШМАЧОК

Жил-был старик со старухой. У старика, у старухи было две дочери. Старик однажды поехал на посад¹ и купил там одной сестре рыбку и другой тоже рыбку. Старшая скушала свою рыбку, а младшая пошла на колодец и говорит: «Матушка рыбка! Скушать ли тебя или нет?» — «Не кушай меня, — говорит рыбка, — а пусти в воду; я тебе пригожусь». Она спустила рыбку в колодец и пошла домой. Старуха очень не любила своей младшей дочери. Она нарядила сестру её в самолучшее лопотьё² и пошла с ней в церковь к обедне, а младшей оставила две меры ржи и велела ей вышестать³ до прихода из церкви.

Девушка пошла за водой, сидит у колодца и плачет: рыбка выплыла наверх и спрашивает её: «Об чём ты, красная девица, плачешь?» — «Как же не плакать мне? — отвечает ей красная девица. — Мати нарядила сестру мою в самолучшее лопотьё, ушла с ней к

¹ В город.

² Платье.

³ Перебрать.

обедне, а меня оставила дома и велела вычистить две меры ржи до прихода своего из церкви!» Рыбка говорит: «Не плачь, ступай наряжайся да поезжай в церковь; будет рожь вычищена!» Она нарядилась, приехала к обедне. Мати не могла её опознать. Обедня зачала отходить, девушка уезжает домой; мати тоже приходит домой и спрашивает: «Что ты, дура, вычистила ли рожь?» — «Вычистила», — отвечает она. «Что у обедни была за красавица! — говорит мати. — Поп не поёт, не читает — всё на ей глядит; а ты, дура, взгляни-ка на себя, в чём в эком ходишь!» — «Хоть не была, да знаю!» — говорит девица. «Где тебе знать?» — сказала ей мати.

На другой раз мати нарядила старшую дочь свою в самое лучшее лопотьё, пошла с ей к обедне, а младшей оставила три меры жита и говорит: «Покамест я молюсь Богу, ты вышестай жито». Вот она и пошла к обедне, а дочь пошла по воду на колодец; сидит у колодца и плачет. Рыбка выплыла наверх и спрашивает: «О чём, красна девица, плачешь?» — «Как же не плакать, — отвечает ей красна девица, — мати нарядила сестру мою в самое лучшее лопотьё, пошла с ей к обедне, а меня оставила дома и велела вычистить три меры жита до прихода своего из церкви». Рыбка говорит: «Не плачь, ступай наряжайся да поезжай за ей в церковь; жито вычистится!»

Она нарядилась, приехала в церковь, стала Богу молиться. Поп не поёт, не читает — всё на ей глядит! Обедня зачала отходить. Был в то время у обедни той стороны царевич; красна девица наша больно ему

поглянулась; он захотел узнать: чья этакая? Взял да и бросил ей под башмак смолы. Башмак остался, а она уехала домой. «Чей башмак, — говорит царевич, — ту замуж возьму!» Башмак-от был весь вышит золотом. Вот и старуха пришла домой. «Что там была за красавица! — говорит она. — Поп не поёт, не читает — всё на ей смотрит; а ты, дура, посмотри-ка на себя: что эка за оборванка!»

А в те поры царевич по всем волостям искал девицы, что потеряла башмак; никак он не мог найти, чтоб башмачок был впору. Он пришёл к старухе и говорит: «Покажи-ка ты свою девку, ладен ли будет башмак ей?» — «Дочь моя замараает башмак», — отвечает старуха. Пришла красна девица; царевич примерил ей башмак — башмак ей ладен. Он взял её замуж; стали они жить да поживать да добра наживать. Я там был, пиво пил, по губам текло, в рот не попало. Дали мне синь кафтан, ворона летит да кричит: «Синь кафтан! Синь кафтан!» Я думаю: «Скинь кафтан!» — взял да и скинул. Дали мне колпак, стали в шею толкать. Дали мне красные башмачки, ворона летит да кричит: «Красные башмачки! Красные башмачки!» Я думаю: «Украл башмачки!» — взял да и бросил.

СКАЗКА О СЕРЕБРЯНОМ БЛЮДЕЧКЕ И НАЛИВНОМ ЯБЛОЧКЕ

Жил мужик с женою, и у них были три дочери: две — нарядницы, затейницы, а третья — простоватая, и зовут её сёстры, а за ними и отец и мать, дурочкой. Дурочку везде толкают, во всё помыкают, работать заставляют; она не молвит и слова, на всё готова: и траву полет, и лучину колет, коровушек доит, уточек кормит. Кто что ни спросит, всё дура приносит: «Дура, поди! За всем, дура, гляди!» Едет мужик с сеном на ярмарку, обещает дочерям гостинцев купить. Одна дочь просит: «Купи мне, батюшка, кумачу на сарафан»; другая дочь просит: «Купи мне алой китайки»; а дура молчит да глядит. Хоть дура, да дочь; жаль отцу — и её спросил: «Чего тебе, дура, купить?» Дура усмехнулась и говорит: «Купи мне, свет-батюшка, серебряное блюдечко да наливное яблочко». — «Да на что тебе?» — сёстры спросили. «Стану я катать яблочком по блюдечку да слова приговаривать, которым научила меня старушка — за то, что я ей калач подала». Мужик обещал и поехал.

Близко ли, далеко ли, мало ли, долго ли был он на ярмарке, сено продал, гостинцев купил: одной дочери алой китайки, другой кумачу на сарафан, а дуре серебряное блюдечко да наливное яблочко; возвратился домой и показывает. Сёстры рады были, сарафаны пошили, а на дуру смеются да ждут, что она будет делать с серебряным блюдечком, с наливным яблочком. Дура не ест яблочко, а села в углу — приговаривает: «Катись-катись, яблочко, по серебряному блюдечку, показывай мне города и поля, леса и моря, и гор высоту и небес красоту!» Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все города один за другим видны, корабли на морях и полки́ на полях, и гор высота и небес красота; солнышко за солнышком катится, звёзды в хоровод собираются — так всё красиво, на диво — что ни в сказке сказать, ни пером написать. Загляделись сёстры, а самих зависть берёт, как бы выманить у дуры блюдечко; но она своё блюдечко ни на что не променяет.

Злые сёстры похаживают, зовут, подговаривают: «Душенька сестрица! В лес по ягоды пойдём, земляничку сберём». Дурочка блюдечко отцу отдала, встала да в лес пошла; с сёстрами бродит, ягоды собирает и видит, что на траве заступ лежит. Вдруг злые сёстры заступ схватили, дурочку убили, под берёзкой схоронили, а к отцу поздно пришли, говорят: «Дурочка от нас убежала, без вести пропала; мы лес обошли, её не нашли, видно волки съели!» Жалко отцу — хоть дура, да дочь! Плачет мужик по дочери; взял он блю-

дечко и яблочко, положил в ларец да замкнул; а сёстры слезами обливаются.

Водит стадо пастушок, трубит в трубу на заре и идёт по леску овечку отыскивать, видит он бугорок под берёзкой в стороне, а на нём вокруг цветы алые, лазоревые, над цветами тростинка. Пастушок молодой срезал тростинку, сделал дудочку, и — диво дивное, чудо чудное — дудочка сама поёт-выговаривает: «Играй, играй, дудочка! Потешай света-батюшку, мою родимую матушку и голубушек сестриц моих. Меня, бедную, загубили, со свету сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко». Люди слышат — сбежались, вся деревня за пастухом оборотилась; пристают к пастуху, выпрашивают, кого загубили? От расспросов отбою нет. «Люди добрые! — пастух говорит. — Ничего я не ведаю, а искал в лесу овечку и увидал бугорок, на бугорке цветочки, над цветочками тростинка; срезал я тростинку, сделал себе дудочку, сама дудочка играет-выговаривает».

Случился тут отец дурочки, слышит пастуховы слова, схватил дудочку, а дудочка сама поёт: «Играй, играй, дудочка, родимому батюшке, потешай его с матушкой. Меня, бедную, загубили, со свету сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко». — «Веди нас, пастух — говорит отец, — туда, где срезал ты тростинку». Пошёл за пастухом он в лесок на бугорок и дивится на цветы прекрасивые, цветы алые, лазоревые. Вот начали разрывать бугорок и мёртвое тело отрыли. Отец всплеснул руками, застонал, дочь несчастную узнал, и лежит она убитая, неведомо кем загуб-

ленная, неведомо кем зарытая. Добрые люди спрашивают, кто убил-загубил её? А дудочка сама играет-выговаривает: «Свет мой батюшка родимый! Меня сёстры в лес зазвали, меня, бедную, загубили за серебряное блюдечко, за наливное яблочко; не пробудишь ты меня от сна тяжкого, пока не достанешь воды из колодезя царского». Две сестры завистницы затряслись, побледнели, а душа как в огне, и признались в вине; их схватили, связали, в тёмный погреб замкнули до царского указа, высокого повеленья; а отец в путь собрался в город престольный.

Скоро ли, долго ли — прибыл в тот город. К дворцу он приходит; вот с крыльца золотого царь-солнышко вышел, старик в землю кланяется, царской милости просит. Возговорит царь-надёжа: «Возьми, старик, живой воды из царского колодезя; когда дочь оживёт, представь её нам с блюдечком, яблочком, с лиходейками-сёстрами». Старик радуется, в землю кланяется и домой везёт скляницу с живою водою; бежит он в лесок на цветной бугорок, отрывает там тело. Лишь он sprыснул водой — встала дочь перед ним живой и припала голубкой на шею отцу. Люди сбежались, наплакались. Поехал старик в престольный город; привели его в царские палаты. Вышел царь-солнышко, видит старика с тремя дочерьми: две за руки связаны, а третья дочь — как весенний цвет, очи — райский свет, по лицу заря, из очей слёзы катятся, будто жемчуг падают. Царь глядит, удивляется; на злых сестёр прогневался, а красавицу спрашивает: «Где ж твоё блюдечко и наливное яблочко?» Тут взяла

она ларчик из рук отца, вынула яблочко с блюдечком, а сама царя спрашивает: «Что ты, царь-государь, хочешь видеть: города ль твои крепкие, полки ль твои храбрые, корабли ли на море, чудные ль звёзды на небе?»

Покатила наливным яблочком по серебряному блюдечку, а на блюдечке-то один за одним города выставляются, в них полки собираются со знамёнами, со пищальми, в боевой строй становятся; воеводы перед строями, головы перед взводами,десятники перед десятинами; и пальба, и стрельба, дым облако свил, всё из глаз закрыл! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: на блюдечке море волнуется, корабли как лебеди плавают, флаги развеваются, с кормы стреляют; и стрельба, и пальба, дым облако свил, всё из глаз закрыл! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: в блюдечке всё небо красуется, солнышко за солнышком кружится, звёзды в хоровод собираются. Царь удивлён чудесами, а красавица льётся слезами, перед царём в ноги падает, просит помиловать. «Царь-государь! — говорит она. — Возьми моё серебряное блюдечко и наливное яблочко, лишь прости ты сестёр моих, за меня не губи ты их». Царь на слёзы её сжалился, по прошенью помиловал; она в радости вскрикнула, обнимать сестёр бросилась.

Царь глядит, изумляется; взял красавицу за руки, говорит ей приветливо: «Я почту доброту твою, отличу красоту твою; хочешь ли быть мне супругою, царству доброй царицею?» — «Царь-государь! — отвечает кра-

савица. — Твоя воля царская, а над дочерью воля отцовская, благословенье родной матери; как отец велит, как мать благословит, так и я скажу». Отец в землю поклонился, послали за матерью — мать благословила. «Ещё к тебе слово, — сказала царю красавица, — не отлучай родных от меня; пусть со мною будут и мать, и отец, и сёстры мои». Тут сёстры ей в ноги кланяются. «Недостойны мы!» — говорят они. «Всё забыто, сёстры любезные! — говорит она им. — Вы родные мне, не с чужих сторон, а кто старое зло помнит, тому глаз вон!» Так сказала она, улыбнулась и сестёр поднимала; а сёстры в раскаянье плачут, как река льются, встать с земли не хотят. Тогда царь им встать приказал, кротко на них посмотрел, во дворце остаться велел. Пир во дворце! Крыльцо всё в огнях, как солнце в лучах; царь с царицею сели в колесницу, земля дрожит, народ бежит: «Здравствуй, — кричат, — на многие века!»

НЕЗНАЙКО

Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещей каурки. На море на океане, на острове на Буяне стоит бык печёный, в задку чеснок толчёный; с одного боку-то режь, а с другого махай да ешь. Жил-был купец, у него был сын; вот как начал сын подрастать да в лавках торговать — у того купца померла первая жена, и женился он на другой. Прошло несколько месяцев, стал купец собираться в чужие земли ехать, нагрузил корабли товарами и приказывает сыну хорошенько смотреть за домом и торговлю вести как следует. Просит купеческий сын: «Батюшка! Пока не уехал, поищи моё счастье». — «Сын мой любезный! — отвечает старик. — Где же я его найду?» — «Моё счастье недолго искать! Как встанешь завтра утром, выдь за ворота и первую встречу, какая тебе попадётся, купи и отдай мне». — «Хорошо, сынок!»

На другой день встал отец ранёшенько; вышел за ворота, и попалась ему первая встреча — тащит мужик паршивого, ледащего жеребёнка собакам на съедение. Купец ну его торговать и сторговал за рубль серебром, привёл жеребёнка на двор и поставил в

конюшню. Спрашивает купеческий сын: «Что, батюшка, нашёл моё счастье?» — «Найти-то нашёл, да уж больно плохое!» — «Стало быть, так надо! Каким счастьем Господь наделил, тем и владеть буду».

Отец отправился с товарами в иные земли, а сын стал в лавке сидеть да торгом заниматься, и была у него такая привычка: идёт ли в лавку, домой ли ворочается — завсегда наперёд зайдёт к своему жеребёнку. Вот невзлюбила мачеха своего пасынка, принялась искать ворожей, как бы его извести; нашла старую ведьму, которая дала ей зелья и наказала положить под порог в то самое время, как пасынку надо будет домой прийти. Ворочаясь из лавки, купеческий сын зашёл в конюшню и видит — его жеребёнок стоит во слезах по щиколки; ударил он его по бедру и спрашивает: «Что, мой добрый конь, плачешь, а мне ничего не скажешь?» Отвечает жеребёнок: «Ах, Иван купеческий сын, мой любезный хозяин! Как мне не плакать? Мачеха хочет извести тебя. Есть у тебя собака; как подойдёшь к дому, пусти её наперёд себя — увидишь, что будет!» Купеческий сын послушался; только собака через порог переступила, тут её и разорвало на мелкие части.

Иван купеческий сын и виду не подал мачехе, что ведает её злобу; на другой день отправляется он в лавку, а мачеха к ворожее. Старуха приготовила ей другого зелья и велела положить в пойло. Вечером, идучи домой, зашёл купеческий сын в конюшню — опять жеребёнок стоит по щиколки во слезах; ударил его по бедру и спрашивает: «Что, мой добрый конь,

плачешь, а мне ничего не скажешь?» — «Как мне не плакать, как не тужить? Слышу я великую невзгоду, хочет мачеха тебя совсем извести. Смотри, как придёшь в горницу да сядешь за стол, мачеха поднесёт тебе пойло в стакане — ты его не пей, а за окно вылей; сам тогда увидишь, что за окном подделается». Иван купеческий сын то и сделал: только вылил за окно пойло, как начало землю рвать! Он и тут не сказал мачехе ни слова.

На третий день отправляется он в лавку, а мачеха опять к ворожее; старуха дала ей волшебную рубашку. Вечером, идучи из лавки, заходит купеческий сын к жеребёнку и видит — стоит его добрый конь по щиколки во слезах; ударил его по бедру и сказал: «Что ты, мой добрый конь, плачешь, а мне ничего не скажешь?» — «Как мне не плакать? Хочет тебя мачеха совсем извести. Слушай же, что я скажу: как придёшь домой, пошлёт тебя мачеха в баню и рубашку пришлёт тебе с мальчиком; ты рубашку на себя не надевай, а надень на мальчика: что тогда будет — сам увидишь!» Вот приходит купеческий сын в горницу, вышла мачеха и говорит ему: «Не хочешь ли попариться? У нас баня готова». — «Хорошо», — говорит Иван и пошёл в баню; немного погодя приносит мальчик рубашку. Как скоро купеческий сын надел её на мальчика, тот в ту же минуту закрыл глаза и пал на помост совсем мёртвый; а как снял с него эту рубашку да кинул в печь — мальчик ожил, а печь на мелкие части распалась.

Видит мачеха — ничто не берёт, бросилась опять к старой ворожее, просит и молит её, как бы

известить пасынка. Отвечает старуха: «Пока конь его жив будет, ничего нельзя сделать! А ты притворись больной, да как приедет твой муж, скажи ему: видела-де я во сне, что надо зарезать нашего жеребёнка, достать из него желчь и тою желчью вымазаться — тогда и хворь пройдёт!» Пришло время купцу возвращаться, сын собрался и пошёл навстречу. «Здравствуй, сынок! — говорит отец. — Всё ли у нас дома здорово?» — «Всё благополучно, только матушка больна». Выгрузил купец товары, приходит домой — жена лежит на постели, охает. «Тогда, — говорит, — поправлюся, когда мой сон исполнишь». Купец тотчас согласился, призывает своего сына: «Ну, сынок, я хочу зарезать твоего коня; мать больна, надо её вылечить». Иван купеческий сын горько заплакал: «Ах, батюшка! Ты хочешь отнять у меня последнее счастье». Сказал и пошёл в конюшню.

Жеребёнок увидал его и стал говорить: «Любезный мой хозяин! Я тебя отводил от трёх смертей; избавь ты меня хоть от единыя, попроси у своего отца — в последний раз на мне проехаться, погулять в чистом поле с добрыми товарищами». Просится сын у отца погулять в последний раз на своём коне; отец позволил, Иван купеческий сын сел на коня, поскакал в чистое поле, позабавился с своими друзьями-товарищами; а после написал к отцу такую записку: «Лечи-де мачеху нагайкою о двенадцати хвостах; кроме этого снадобья, ничем её не вылечишь!» Послал эту записку с одним из добрых товарищей, а сам поехал в чужедальние стороны. Купец прочитал письмецо и

принялся лечить свою жену нагайкою о двенадцати хвостах; скоро баба выздоровела.

Едет купеческий сын по полю чистому, раздолью широкому, видит — гуляет рогатый скот. Говорит ему добрый конь: «Иван купеческий сын! Пусти меня погулять на воле; выдерни из моего хвоста три волоска; когда я тебе понадобится — только зажги один волосок, я тотчас явлюсь перед тобой, как лист перед травой! А ты, добрый молодец, ступай к пастухам, купи одного быка и зарежь его; нарядись в бычью шкуру, на голову пузырь надень и, где ни будешь, о чём бы тебя ни спрашивали, на всё один ответ держи: не знаю!» Иван купеческий сын отпустил коня на волю, нарядился в бычью шкуру, на голову пузырь надел и пошёл на взморье. По синю морю корабль бежит; увидали корабельщики этакое чудище — зверь не зверь, человек не человек, на голове пузырь, кругом шерстью обросло, подплывали к берегу на лёгкой лодочке, стали его выпрашивать — из ума выводывать. Иван купеческий сын один ответ ладит: «Не знаю!» — «Коли так, будь же ты Незнайкою!»

Взяли его корабельщики, привезли с собой на корабль и поплыли в своё королевство. Долго ли, коротко ли — приплыли они к стольному городу, пошли к королю с подарками и объявили ему про Незнайку. Король повелел поставить то чудище пред свои очи светлые. Привезли Незнайку во дворец, сбежалось народу видимо-невидимо на него глазеть. Стал король его выпрашивать: «Что ты за человек?» — «Не знаю». — «Из каких земель?» — «Не знаю». — «Чьего роду-пле-

мени?» — «Не знаю». Король плюнул и отправил Незнайку в сад: пусть-де наместо чучела птиц с яблонь пугает! — а кормить его наказал с своей королевской кухни.

У того короля было три дочери: старшие хороши, меньшая ещё лучше! В скором времени стал за меньшую королевну арапский королевич свататься, пишет к королю с такими угрозами: «Если не отдашь её из доброй воли, то силой возьму». Королю это не по нраву пришло, отвечает арапскому королевичу: «Начинай-де войну; что велят судьбы Божии!» Собрал королевич силу несметную и обложил всё его государство. Незнаюшка сбросил с себя шкуру, снял пузырь, вышел на чистое поле, припалил волосок и крикнул громким голосом, богатырским посвистом. Откуда ни взялся его чудный конь — конь бежит, земля дрожит: «Гой еси, добрый молодец! Что так скоро меня требуешь?» — «На войну пора!» Сел Незнаюшка на своего коня доброго, а конь его спрашивает: «Как тебя высоко нести — вполдерева или поверх леса стоячего?» — «Неси поверх леса стоячего!» Конь поднялся от земли и полетел на вражье воинство.

Наскакал Незнайко на неприятелей, у одного меч боевой выхватил, у другого шишак золотой сдёрнул да на себя надел, закрылся наличником¹ и стал побивать силу арапскую: куда ни повернёт, так и летят головы — словно сено косит! Король и королевны с городской стены смотрят да дивуются: «Что за витязь такой! От-

¹ Забралом.

коль взялся? Уж не Егорий ли Храбрый¹ нам помогает?» А того и на мыслях нет, что это тот самый Незнайко, что ворон в саду пугает. Много войск побил Незнаюшка, да не столько побил, сколько конём потоптал; оставил в живых только самогó арапского королевича да человек десять для свиты — на обратный путь. После того побоища великого подъехал он к городской стене и говорил: «Ваше королевское величество! Угодна ли вам моя послуга?» Король его благодарил, к себе в гости звал; да Незнайко не послушался: ускакал в чистое поле, отпустил своего доброго коня, вернулся домой, надел пузырь да шкуру и начал по-прежнему по саду ходить, ворон пугать.

Прошло ни много, ни мало времени, опять пишет к королю арапский королевич: «Коли не отдашь за меня меньшую дочь, то я всё государство выжгу, а её в полон возьму». Королю это не показалось; написал в ответ, что ждёт его с войском. Арапский королевич собрал силу больше прежнего, обложил государство со всех сторон, трёх могучих богатырей вперёд выставил. Узнал про то Незнаюшка, сбросил с себя шкуру, снял пузырь, вызвал своего доброго коня и поскакал на побоище. Выехал супротив него один богатырь; съехались они, поздоровались, копьями ударились. Богатырь ударил Незнайку так сильно, что он едва-едва в одном стреме удержался; да потом оправился, налетел молодцом, снёс с богатыря голову, ухватил её за волосы и подбросил вверх: «Вот так-то всем головам

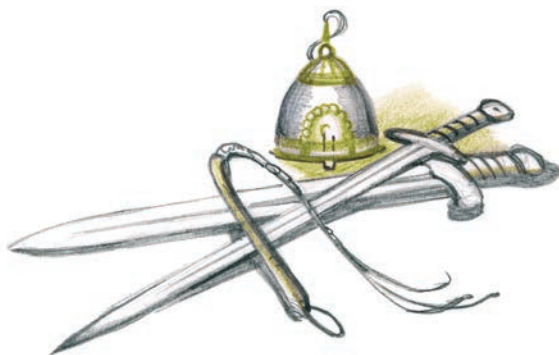
¹ Святой Георгий.

летать!» Выехал другой богатырь, и с ним то же сталося. Выехал третий; бился с ним Незнаюшка целый час: богатырь рассек ему руку до крови; а Незнайко снял с него голову и подбросил вверх; тут всё войско арапское дрогнуло и побежало врозь. В те поры король с королевнами на городской стене стоял; увидела меньшая королевна, что у храброго витязя кровь из руки струится, снимала с своей шеи платочек и сама ему рану завязывала; а король звал его в гости. «Буду, — отвечал Незнайко, — только не теперь». Ускакал в чистое поле, отпустил коня, нарядился в шкуру, на голову пузырь надел и стал по саду ходить, ворон пугать.

Ни много, ни мало прошло времени — просватал король двух старших дочерей за славных царевичей и затеял большое веселье. Пошли гости в сад погулять, увидали Незнайку и спрашивают: «Это что за чудище?» Отвечает король: «Это Незнайко, живёт у меня вместо пугала — от яблонь птиц отгоняет». А меньшая королевна глянула Незнайке на руку, заприметила свой платочек, покраснела и слова не молвила. С той поры, с того времени начала она в сад почасту ходить, на Незнайку засматриваться, про пиры, про веселье и думать забыла. «Где ты, дочка, всё ходишь?» — спрашивает её отец. «Ах, батюшка! Сколько лет я у вас жила, сколько раз по саду гуляла, а никогда не видала такой умильной пташки, какую теперь видела!» Потом стала она отца просить, чтоб благословил её за Незнайку замуж идти; сколько отец её ни отговаривал, она всё своё. «Если, — говорит, — за него не

выдашь — так век в девках останусь, ни за кого не пойду!» Отец согласился и обвенчал их.

После того пишет к нему арапский королевич в третий раз, просит выдать за него меньшую дочь. «А коли не так — всё государство огнём сожгу, а её силой возьму». Отвечает король: «Моя дочь уж обвенчана: если хочешь, приезжай — сам увидишь». Арапский королевич приехал: видя, что такое чудище да на такой прекрасной королевне обвенчано, задумал Незнайку убить и вызвал его на смертный бой. Незнайко сбросил с себя шкуру, снял с головы пузырь, вызвал своего доброго коня и выехал таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Съехались они в чистом поле, широком раздолье; бой недолго длился: Иван купеческий сын убил арапского королевича. Тут только король узнал, что Незнайко — не чудище, а сильномогучий и прекрасный богатырь, и сделал его своим наследником. Стал Иван купеческий сын с своей королевною жить-поживать да добра наживать и родного отца к себе взял; а мачеху казни предали.

ПРИТВОРНАЯ БОЛЕЗНЬ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею, а детей у них не было; стали они со слезами Бога молить, чтоб даровал им хоть единое детище, — и услышал Господь их молитву: царица забеременела. В то самое время понадобилось царю надолго отлучиться из дому; простился с женой и отправился в дорогу. Много ли, мало ли прошло времени, родила царица сына Ивана-царевича — такого красавца, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Рос он не по годам, не по дням, а по часам, по минутам — как тесто на опаре киснет; вырос такой сильномогучий богатырь, что всякий стул под ним ломается, и просит царицу, чтоб приказала сделать ему железный стул, и тот с подпорами.

Вот воротился царь домой; царица обрадовалась, встречает его и рассказывает, какого она ему сына родила — сильного, могучего богатыря. Царь не хотел верить, чтоб мог такой сын от него народиться; сделал пир, созвал всех князей, и бояр, и думных людей; спрашивает их: «Научите, что мне делать с неверной женой — топором казнить её или вешать?» Один дум-

ный сенатор отвечает ему: «Чем казнить да вешать, лучше сослать её с сыном в дальние страны, чтоб об них и слуху не было». Царь согласился, и тотчас выслали их из того государства.

Вышла царица с Иваном-царевичем за городские ворота. «Любезная матушка! — говорит он. — Сядь — отдохни здесь, а я от отца моего пешком не пойду». Вернулся назад и просит у царя лошади. «Ступай в заповедные луга; там пасутся мои табуны — выбирай себе любого коня». Приходит Иван-царевич в заповедные луга, начал коня выбирать: на которого руку положит — тот и издохнет. Выбежал к нему пастух: «Э-эх, Иван-царевич! Ты здесь не выберешь по себе коня. Возьми-ка вот этого для матери, а для тебя есть добрый конь на острове; там растут двенадцать дубов, под ними выход¹ есть, в том выходе стоит конь на двенадцати цепях, за двенадцатью дверями и за столькими ж замками; каждый замок в пятьдесят пуд». Иван-царевич благодарствовал на том пастуху, брал одного коня и держал путь к матери; сажал её на того коня, а сам возле пешком шёл.

Много ли, мало ли ушло времени — увидали они двенадцать дубов. Побежал туда царевич, открыл выход и начал ломать и двери и замки; только что конь услышал по себе богатыря — тотчас стал помогать, копытами цепи, двери разбивать. Подходит Иван-царевич к коню, надевает на него богатырский прибор² и выводит в поле чистое; сел верхом и начал пытаться

¹ Погреб, подвал.

² Снаряжение.

своего коня. Мать ему говорит: «Сын мой любезный! Завёл меня в такие пустые, безлюдные места, да и покинуть хочешь». — «Нет, матушка! Я тебя не покину; а коня пытаю». Раскинули они на острове палатку, жили и питались, чем бог послал.

Однажды говорит Иван-царевич: «Государыня моя матушка! Благослови меня в дальнюю дорогу. Чем тут жить, лучше поеду — отыщу себе державу». Поехал он и долами, и горами, и тёмными лесами; выезжает на ровное место и видит впереди — словно гора воздымается. «Дай подъеду!» Подскакал поближе, глядь — а то лежит богатырь убитый. «Эх, — думает царевич, — славный был богатырь, да какой-то злодей сгубил: может, сам-то и ногтя его не стоит!» Подивовался-подивовался и хотел было ехать дальше; вдруг мёртвый богатырь отзывается: «Что ж ты, Иван-царевич, только посмотрел на меня, а ни слова не вымолвил? Ты бы спросил меня, я б тебе добро посоветовал. Вишь ты, молодой юноша, и сам не ведаешь — куда едешь, а едешь ты прямо к Огненному царю: не доезжая до его царства вёрст тридцать — уж огнём жжёт! Столкни-ка моё туловище да возьми мой щит и острый меч-кладенец. Как станешь подъезжать к огненному царству и начнёт тебя огнём жечь — ты закройся моим щитом и не бойся жару, а приедешь к самому царю — он тебя встретит с обманом; смотри, в обман не давайся, бей его один раз, а убьёшь — меня не забудь!»

Иван-царевич взял щит и меч-кладенец, поскакал-полетел к Огненному царю, на всём скаку ударил его

раз; Огненный царь наземь пал и кричит: «Бей ещё!»— «Русский богатырь не бьёт два раза, а раз да горазд!» Убивши царя, бросился его осматривать и нашёл у него мёртвую и живую воду. Взял ту воду и поехал к мёртвому богатырю; соскочил с своего доброго коня, поднял голову богатыря, приложил её к туловищу и sprysнул мёртвой и живой водою. Богатырь встал; назвались они братьями и пошли путём-дорогою. Говорит богатырь: «Давай изведем силу — чья возьмёт?» — «Эх, брат! Не надоело тебе лежать в чистом поле тридцать три года; а я не хочу пролежать и единого. Лучше разъедемся в разные стороны!» И поехали они по разным дорогам.

Иван-царевич приехал к своей матери, рассказал ей, как победил Огненного царя, и зовёт её с собой: «Поедем, государыня матушка, в его царство». — «Ах, Иван-царевич! На что ты убил его? Ведь Огненный царь мне сват». Поехали они в то царство; жили сколько-то времени, вздумалось царевичу на охоту ехать, а мать его достала мёртвую и живую воду, нашла Огненного царя, подкатила его голову к туловищу и давай взбрызгивать. Огненный царь открыл глаза и говорит: «Ах, любезная свашенька, долго ж я спал». — «Спать бы тебе отныне и до веку! Мой сын-злодей тебя до смерти убил. Как бы нам его известить?» — «А вот как: только он вернётся — ты сделайся больна и скажи ему, что в таком-то царстве, куда ворон костей не заносит, есть одномесячные яблоки и от тех яблоков всякая хворь проходит. Пусть-ка достанет».

Сын вернулся домой — мать больна лежит, посылает его за одномесечными яблоками. Иван-царевич оседлал своего доброго коня и стрелой полетел в то царство далёкое, куда ворон костей не заносит. А там царствовала девица-красавица, и был у ней пир большой. Выглянул из окна один из гостей и говорит: «Приехал к вам молодой юноша: конь под ним аки лютый зверь, сбруя и все приспехи богатырские словно жар горят». Встречала его царевна среди двора широкого, сама снимала с доброго коня; взялись они за белые руки и пошли во дворец. Села царевна на золотой стул, а русский богатырь сам себе место найдёт. «Не будешь ли гневаться? — говорит Иван-царевич. — Ведь я с просьбой приехал». — «Говори: что надобно? Всё тебе в угодую сделаю». Он ей сказал свою нужду. Тут они долго пировали и забавлялись, после того обручились и дали слово крепкое, чтоб ей за другого замуж нейти, а ему на другой не жениться. Пора Ивану-царевичу и в путь отправляться; невеста-красавица навязала ему одномесечных яблочков, пошла провожать и говорит ему: «Я слышала — ты большой охотник; подарю тебе двух собак. Эй, Тяжёлый и Лёгкий! Служите царевичу, как мне служили; коли что над ним приключится — лучше и назад не бывайте!»

Едет Иван-царевич домой; мать увидала и говорит свату: «Вон наш разлучник едет!» Тотчас заперла Огненного царя за кипарисные двери, а сама на постель легла. Входит Иван-царевич во дворец и отдаёт матери одномесечные яблоки. Вдруг собаки бросились к кипарисной двери и начали грызть; мать говорит:

«Сын мой любезный! Какую привёл ты охоту? Мне и без того мочи нет, а они дверь грызут». Царевич закричал на своих собак — и они улеглись возле него.

На другой день поехал он с своей охотой позабавиться, а мать кинулась свата отпирать и просит его извести как-нибудь сына. Пошёл Огненный царь к озеру, на песчаные берега, злого змея караулить. Мало ли, много ли дожидался — выходит змей на берег, лёг и заснул. Огненный царь одним взмахом отрубил ему голову, вынул зелье¹ и понёс к сватье; отдаёт ей: «На, — говорит, — напеки с этим зельем лепёшек и покорми сына».

Иван-царевич вернулся домой и просит у матери: «Нет ли поесть чего?» Она отвечает: «Мочи моей нет, ничего не готовила, только лепёшек напекла — возьми и кушай на здоровье!» Только он взял одну лепёшку — собака из рук её вырвала. «Ну, сынок, завёл ты охоту — не дадут и куска съесть!» — «Я, матушка, другую возьму». Взял ещё — другая собака и эту вырвала. Взял третью, откусил и тут же помер. Мать соскочила с постели, отперла кипарисную дверь и выпустила свата. «Ну, — кричит, — извели, наконец, нашего злодея!» Выковырнули у Ивана-царевича глаза и бросили его в колодец, а сами стали жить да веселиться.

Собаки бились-бились около колодца, вытащили Ивана-царевича и понесли к наречённой невесте; а ей уж сердце сказало, что нет его на свете; вышла она

¹ Яд.

далеко к нему навстречу, взяла его на свои белые руки, понесла во дворец и написала к своей сестре, чтобы та прислала новые, лучшие глаза и воды живой и мёртвой. Начали его лечить; живой водой вспыскивать. Иван-царевич встал: «Ах, моя милая невеста! Как долго я спал». — «Спать бы тебе вечным сном, кабы не я!» — отвечала невеста и рассказала всё, что с ним мать сделала.

Пожил он у ней несколько времени и собирается домой. Говорит ему царевна-красавица: «Иван-царевич! Не давайся в обман матери». Он оседлал коня и едет домой. Мать узнала его и закричала: «Опять едет мой злодей, и две собаки впереди бегут!» Заперла своего свата за кипарисную дверь, сама села под окно и горючими слезами обливается. Иван-царевич въехал на двор, соскочил с коня и пошёл к матери; собаки за ним и бросились дверь грызть. «Матушка! — говорит царевич. — Поддай мне ключ от этой двери». Она мялась-мялась, не хотела ключа отдавать, разные отговорки приводила: и ключ-то потерян, и отпирать-то незачем! Иван-царевич сам нашёл ключ, отворил дверь — а за дверью сидит в креслах Огненный царь.

Закричал царевич своей охоте: «Тяжёлый и Лёгкий! Возьмите Огненного царя, отнесите в чистое поле и разорвите на мелкие части!» Собаки схватили его и разорвали на мелкие части: не только человеку кусков не собрать, даже птице не сыскать! Потом Иван-царевич сделал тугой лук и кленовую стрелу и говорит матери: «Пойдём теперь в чистое поле!» Пришли они в чистое поле; царевич натянул свой ту-

гой лук, положил одаль: «Становись, матушка, рядом со мною; кто из нас виноват, того кленовая стрела убьёт». Мать прижалась к нему близко-близко. Сорвалась стрела и попала ей прямо в сердце.

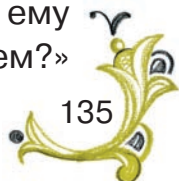
Иван-царевич поехал к своей невесте; пристигла его в пути-дороге тёмная ночь. Усмотрел он вдали огонёк, поехал в ту сторону — стоит избушка, а в избушке старуха сидит. Завёл с нею разговор о том, о сём; старуха ему и рассказывает: «Есть у нас в озере страшный змей о двенадцати головах, всё людей пожирает. Нынешнюю ночь вывезут к нему на съедение самое царевну: так вышло по жребию!» Иван-царевич не ложился спать, со полночи пошёл на то озеро. Царевна стоит на берегу и во слезах говорит таковы речи: «Лютый змей! Пожри меня скорее, кончи мои мучения». Распахнулось у ней покрывало, и узнал Иван-царевич свою невесту, и она его признала. «Ступай отсюда, — говорит ему царевна, — не то лютый змей и тебя съест!» — «Не пойду, — отвечает Иван-царевич, — мы с тобой обручились, чтобы вместе жить, вместе и помереть». Вот лезет из озера змей о двенадцати головах: «Эх, красная девица! Да у тебя заступа есть. Ну что ж! В моём брюхе и заступе будет место». — «Ах ты, проклятый змей! — сказал Иван-царевич. — Ты прежде пожри, тогда и хвались». Вынул свой острый меч, раз махнул — и снял с него шесть голов; в другой махнул — и остальные сбил. Потом Иван-царевич поехал с своей невестою в её царство, обвенчались и жили долго и счастливо.

МАРКО БОГАТЫЙ И ВАСИЛИЙ БЕССЧАСТНЫЙ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатейший купец; у него была одна дочь Анастасия Прекрасная, и было ей всего лет пять от роду. Купца звали Марко, по прозвищу Богатый. Марко терпеть не мог нищих: только подойдут к окошку, сейчас велит слугам своим гнать их и травить собаками.

В одно время подходят к окошку два седеньких старичка. Марко увидал и велел их травить собаками. Услыхала то Анастасия Прекрасная и стала просить: «Родимый мой батюшка! Хоть для меня пусти их в скотную избу». Отец согласился и велел пустить нищих в скотную избу. Вот как все в доме заснуло, Анастасия встала и пошла в скотную, залезла на полати и глядит на нищих. Пришло время быть заутрене, у икон сама свеча затёплилась; старички встали, вынули из мешочков ризы, надели и стали служить заутреню. Прилетает ангел Божий: «Господи! В таком-то селе у такого-то крестьянина родился сын; как ему велишь нареши имя и каким наделить его счастьем?»

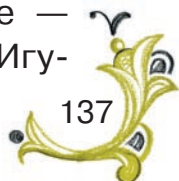

Один старичок сказал: «Имя нарицаю ему — Василий, прозвание — Бессчастный, а награждаю его богатством Марка Богатого, у которого мы ночуем». Анастасия всё это слышала. Рассвело. Старички снарядились в дорогу и вышли из избы. Анастасия пришла к отцу и рассказывает ему всё, что в скотной видела и слышала.

Отец усумнился, как бы не сбылось сказанное, и захотел испытать, точно ли родился на селе младенец; велел запрячь карету и поехал туда; приехал прямо к священнику и спросил: «Родился ли у вас такого-то дня младенец?» — «Родился, — сказал священник, — у самого бедного крестьянина; я ему нарёк имя Василий и прозвал Бессчастным, да ещё не крестил, потому что к бедняку никто в кумовья нейдёт». Марко вызвался быть крёстным, попадью попросил быть кумою и велел изготовить богатый стол; принесли младенца, окрестили и пировали, как им было угодно. На другой день Марко Богатый призвал к себе бедняка-крестьянина, обласкал его и стал ему говорить: «Куманёк! Ты человек бедный, воспитать сына не сможешь; отдай-ка мне его, я его выведу в люди, а тебе на прожитие дам тысячу рублей». Старик подумал-подумал и согласился. Марко наградил кума, взял ребёнка, окутал его в лисьи шубы, положил в карету и поехал. Дело было зимою. Проехав несколько вёрст, Марко Богатый велел остановиться, отдал крестника своему приказчику и приказал: «Возьми его за ноги и выбрось в овраг!» Приказчик взял и бросил его в крутой овраг. А Марко сказал: «Вот там и владей моим

имением!» На третий день по той же дороге, где проехал Марко, случилось ехать купцам: везли они Марку Богатому двенадцать тысяч рублей долга; поравнялись купцы против оврага, и слышался им детский плач. Остановились, стали вслушиваться и послали приказчика узнать, что там такое? Приказчик сошёл в овраг, видит там зелёный луг, а на том лугу сидит ребёнок и играет цветами. Приказчик рассказал про всё хозяину; хозяин вышел сам, взял ребёнка, завернул в шубу, сел в повозку, и поехали. Приезжают к Марку Богатому. Вот Марко их и спрашивает, где они взяли этого ребёнка. Купцы рассказали, и он тотчас догадался, что это Василий Бессчастный, его крестник; взял его на руки, подержал и отдал дочери: «Вот тебе, дочка, нянчай!» — а сам стал угощать купцов разными напитками и просит, чтоб они отдали ему мальчика. Купцы было не соглашались, да как Марко сказал: «Я вас прощаю всем долгом!», то отдали ему ребёнка и уехали. Анастасия так была этому рада, что сейчас нашла люльку, повесила занавесы, и стала ухаживать за мальчиком, и не расставалась с ним ни день, ни ночь. Прошёл день и другой; на третий Марко воротился домой попозже, когда Анастасия спала, взял младенца, посадил его в бочонок, засмолил и бросил с пристани в воду.

Бочонок плыл да плыл и приплыл к монастырю. На ту пору вышел монах за водою. Слышался ему детский крик; осмотрелся он и увидал бочонок; тотчас сел в лодку, поймал бочонок, разбил его, а в бочонке — дитя; взял его и принёс в монастырь к игумну. Игу-

мен назвал ребёнка Васильем и прозвал Бессчастливым; с тех пор Василий Бессчастный жил в монастыре шестнадцать лет и выучился грамоте — читать и писать. Игумен его полюбил и сделал ключарём.

Марку Богатому случилось ехать в иное государство за получением долгов — на годичное время, и заехал он по пути в монастырь. Здесь его встретили как человека богатого. Игумен велел ключарю идти в церковь; ключарь идёт, зажигает свечи, поёт и читает. Марко Богатый спрашивает игумна: «Давно ли он поступил к вам в монастырь?» Игумен рассказал всё, как вынули его из бочонка и сколько тому лет назад. Марко рассчёл и узнал, что это его крестник. Вот он и говорит игумну: «Как бы у меня был такой расторопный человек, как ваш ключарь, я бы сделал его главным приказчиком и всю казну поручил бы ему под смотренье; нельзя ли вам отдать его мне?» Игумен долго отговаривался. Марко посулил за него монастырю двадцать пять тысяч рублей. Игумен посоветовался с братией; удумали и согласились отпустить Василия Бессчастливого.

Марко послал Василья домой и написал с ним к жене такое письмо: «Жена! Как получишь моё письмо, сейчас же отправься с этим посланным на мыльный завод и как пойдёшь возле большого кипучего котла, толкни его туда; да непременно исполни! А не исполнишь, я на тебе взыщу строго: этот малый — мне злодей!» Василий получил письмо и пошёл путём-дорогою; попадаетеся ему навстречу старичок и сказал: «Куда ты, Василий Бессчастный, идёшь?» Василий ска-

зал: «В дом Марка Богатого к жене с письмом». — «Покажи письмо». Василий вынул письмо и дал старичку; старичок сломил печать, дал Василью прочитать. Василий прочитал и прослезился: «Что я этому человеку сделал, что послал меня на погубление!» Старичок ему сказал: «Не печалься, Бог тебя не оставит!», — дунул на письмо, печать и письмо сделались такие ж, как и были. «Ступай теперь и отдай письмо жене Марка Богатого».

Василий пришёл в дом Марка Богатого, отдал письмо его жене. Жена прочитала, задумалась, позвала свою дочь Анастасию и прочитала ей отцово письмо, а в письме написано: «Жена! Как получишь моё письмо, на другой же день обвенчай Анастасию с этим посланным; да непременно исполни! А не исполнишь, будешь мне отвечать». У богатых людей не пиво варить, не вино курить — всё готово, весёлым пирком, да и за свадьбу. Василья нарядили в хорошее платье, показали Анастасии, и Василий ей полюбился. Вот и обвенчали их.

В один день жене Марка Богатого повестили, что прибыл к пристани её муж, и она с зятем и дочерью отправилась встречать его. Марко увидел зятя, рассердился и говорит своей жене: «Как ты осмелилась обвенчать с ним дочь нашу?» — «По твоему приказанию», — отвечала жена. Марко спросил своё письмо, прочитал и уверился, что точно он сам то написал.

Пожил Марко с зятем месяц, другой и третий; в один день позвал он зятя к себе и говорит ему: «Вот тебе письмо, иди с ним за тридевять земель, в три-

десятое государство, к другу моему царю Змию, получи от него дань за двенадцать лет за то, что построил он дворец на моей земле, и узнай там о двенадцати моих кораблях, что пропадают целые три года. Завтра же поутру отправляйся!» Василий взял письмо, пошёл к жене своей и рассказал всё, что ему Марко приказывал. Анастасия горько заплакала, а упрашивать отца не посмела.

Василий поутру рано, помолясь Богу, взял с собой в котомочку сухариков и пошёл. Шёл он путём-дорогою, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, только слышит в стороне голос: «Василий Бессчастный, куда ты идёшь?» Он оглядывается на все стороны и говорит: «Кто меня кличет?» — «Я — дуб, тебя спрашиваю, куда ты идёшь?» — «Я иду к царю Змию за двенадцать лет взять с него дань». Дуб сказал: «Как будешь во времени — обо мне вспомни: что стоит дуб триста лет, долго ли ещё ему стоять?» Василий выслушал и отправился в путь-дорогу. Пришёл Василий к реке, на которой перевозит перевозчик. Василий сел на паром, перевозчик его спрашивает: «Куда ты, мой друг, идёшь?» Василий ему отвечал то же, что и дубу. И перевозчик просит его напомнить царю, что перевозит он тридцать лет; долго ли ещё ему перевозить? «Хорошо, — сказал Василий, — скажу!» — и пошёл. Приходит к морю, через море лежит кит-рыба, по ней идут и едут. Как пошёл по ней Василий, кит-рыба заговорила: «Василий Бессчастный, куда ты идёшь?» Василий сказал ей то же, что и перевозчику, и кит его просит: «Когда будешь во времени, обо мне

вспомяни: что лежит кит-рыба через море, конные и пешие пробили у неё тело до рёбер; долго ли ей ещё лежать?»

Василий обещался и пошёл. Приходит он на зелёный луг; на лугу стоит большой дворец. Василий вошёл во дворец, ходит по комнатам; комната комнаты лучше убрана. Приходит он в последнюю и видит: на постели сидит девица-красавица и горько плачет. Как увидала Василья, встала она, подошла к нему и спрашивает: «Что ты за человек и как зашёл в этокое проклятое место?» Василий показал ей письмо и сказал, что Марко Богатый велел взять с царя Змия дань за двенадцать лет. Девица бросила письмо в печь, а Василью сказала: «Ты не за данью сюда прислан, а Змию на съедение. Да какими путями ты шёл? Не случилось ли тебе дорогою что видеть и слышать?» Василий рассказал ей про дуб, перевозчика и кит-рыбу. Только успели они переговорить, затряслась земля и дворец; девица тотчас заперла Василья в сундук под кроватью и сказала ему: «Слушай же, что мы с Змием будем говорить».

А сама стала встречать Змия. Как вошёл он в комнату, сказал: «Что здесь русским духом пахнет?» Девица отвечала: «Как сюда может зайти русский дух? Ты по Руси летал, русского духу наймался!»¹ Змий сказал: «Я сильно устал, поищи-ка у меня в голове!» — и лёг на постель. Девица сказала ему: «Царь, какой я без тебя сон видела! Будто я иду по дороге, кричит

¹ Набрался.

мне дуб: «Скажи царю-та, долго ли мне ещё стоять?» — «Ему стоять до тех пор, — сказал царь, — как подойдёт к нему кто да толкнёт его ногою, тогда он вывернется с корнем и упадёт, а под ним злата и серебра многое множество — столько нет у Марка Богатого!» — «А ещё пришла я к реке, на которой перевозит перевозчик; он спрашивал, долго ли ему перевозить?» — «Пусть он первого, кто придёт к нему, посадит на паром и толкнёт паром от берегу — тот и будет вечно перевозить, а он пойдёт домой». — «Ещё будто я шла по морю через кит-рыбу, и она мне говорила, долго ли ей лежать?» — «Ей лежать до тех пор, покуда вырыгнет двенадцать кораблей Марка Богатого: тогда пойдёт в воду, и тело её нарастёт». Сказал царь Змий и заснул крепким сном.

Девушка выпустила из сундука Василия Бессчастного и дала ему наставление: «По эту сторону кит-рыбе не сказывай, чтобы она вырыгнула двенадцать кораблей Марка Богатого, а перейди на ту сторону и скажи. Равно придёшь к перевозчику, на этой стороне не говори ему того, что слышал; а к дубу придёшь — толкни его ногою на восход, и тут увидишь несчётное богатство». Василий Бессчастный поблагодарил девушку и пошёл.

Приходит к киту-рыбе; она его спрашивает: «Говорил ли обо мне?» — «Говорил; вот перейду и скажу». Как перешёл, и сказал: «Вырыгни двенадцать кораблей Марка Богатого». Кит-рыба рыгнула, и корабли пошли на парусах — ни в чём невредимы; а Василий Бессчастный очутился от того в воде по колена. Пришёл Ва-

силией к перевозчику. Перевозчик спрашивает: «Говорил ли царю Змию обо мне?» — «Говорил, — сказал ему Василий. — Наперёд перевези меня». Как переехал на другой берег, и сказал перевозчику: «Кто к тебе придёт первый, посади его на паром и толкни паром от берегу; тот вечно и будет перевозить, а ты отправляйся в свой дом». Пришёл Василий Бессчастный к дубу, толкнул его ногою, дуб свалился; под ним злата и серебра и каменя драгоценного что ни есть числа! Оглянулся Василий назад, видит — плывут прямо к берегу двенадцать кораблей, что вырыгнула кит-рыба. Кораблями управляет тот самый старичок, что попался Василью навстречу, когда он шёл к жене Марка Богатого с письмом. Старичок сказал Василью: «Вот, Василий, чем тебя Господь благословил!», а сам сошёл с корабля и пошёл своей дорогою.

Матросы переносили злато и серебро на корабли и как совсем исправились — пустились в путь, а с ними и Василий Бессчастный. Дали знать Марку Богатому, что плывёт его зять с двенадцатью кораблями и что наградил его царь Змий несчётным богатством.

Марко рассердился, что не сбылось по его желанию, велел запрячь повозку и поехал сам к царю Змию попенять ему. Приехал к перевозчику, сел на паром; перевозчик отпихнул паром — и Марко остался вечно перевозить. А Василий Бессчастный прибыл к жене и тёще, стал жить да поживать да добра наживать, бедным помогать, нищих награждать, поить и кормить, и завладел всем имением Марка Богатого.

ОКЛЕВЕТАННАЯ КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ

Был-жил купец, имел у себя двух детей: дочь да сына. Стал купец помирать (а купчиху-то прежде его на погост свезли) и приказывает: «Дети мои! Живите хорошо — в любви и совете, так, как мы с покойницей жили». Вот и помер; схоронили его и помянули, как следует. Немного погодя задумал купеческий сын за морем торговать; снарядил три корабля, нагрузил их разными товарами и стал сестре наказывать: «Ну, милая сестрица, еду я в дальнюю дорогу, оставляю тебя одну-одинёшеньку дома; смотри же, води себя скромно, в худые дела не вдавайся, по чужим людям не таскайся». После того поменялись они своими портретами: сестра взяла братнин портрет, а брат — сестрин; поплакали на расставанье и простились.

Купеческий сын снялся с якорей, отвалил от берега, поднял паруса и вышел в открытое море; плывёт год, плывёт другой, а на третий год приезжает к некоему богатому, стольному городу и останавливает свои корабли в гавани. Как скоро приехал, сейчас набрал блюдечко драгоценных камней да свёрток

лучшего бархату, камки и атласу и понёс к тамошнему царю на поклон. Приходит во дворец, подаёт царю гостинец и просит позволения торговать в его стольном городе. Полюбился царю дорогой гостинец, говорит он купеческому сыну: «Хорош твой дар! Сколько лет я на свете живу, никто так меня не учествовал; даю тебе за то первое место по торгу. Продавай-покупай, никого не бойся, а коли обида будет — прямо ко мне приходи; завтра я сам к тебе на корабль побываю». На другой день приехал царь к купеческому сыну, стал по кораблю похаживать, товары осматривать и увидел в хозяйской каюте — портрет висит; спрашивает купеческого сына: «Чей это портрет?» — «Моей сестрицы, ваше величество!» — «Ну, господин купец, такой красоты я ещё отродясь не видывал; а скажи по правде: какова она нравом и обычаем?» — «И тиха и чиста, как голубка!» — «Ну, коли так, быть ей царицею; возьму за себя замуж». А в те поры был при царе генерал, да такой злющий, завистный: чужое счастье ему поперёк в горле становилось. Услыхал он царские речи и страшно озлобился: этак, пожалуй, придётся нашим жёнам купчихе кланяться! Не выдержал и говорит царю: «Ваше величество! Не прикажите казнить, прикажите слово вымолвить». — «Сказывай!» — «Эта купеческая дочь вам вовсе не пара; я сам её давно знаю, не раз с нею на постели лёживал, в любовные игры поигрывал; совсем девка распутная!» — «Как же ты, иноземный купец, говоришь, что она тиха и чиста, как голубка, худыми делами не занимается?» — «Ваше величество! Коли генерал не врёт, пусть доста-

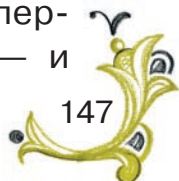
нет от моей сестры именной перстень да узнает, какова у ней тайная примета есть». — «Хорошо, — говорит царь и даёт тому генералу отпуск, — коли в срок не достанешь перстня да приметы не скажешь — то мой меч, твоя голова с плеч!»

Собрался генерал и поехал в тот город, где жила купеческая дочь; приехал и не знает, как ему быть? Ходит по улицам взад и вперёд, такой кручинный, задумчивый. Попадаетеся ему навстречу старушонка, просит милостыни; он ей подал. Спрашивает старуха: «О чём, господин, призадумался?» — «Что тебе сказывать? Ведь ты моему горю не пособишь». — «Кто знает — может, и пособию!» — «Знаешь ты, где живёт такая-то купеческая дочь?» — «Как не знать!» — «Ну так достань у неё именной перстень да разузнай, какова у ней тайная примета есть; сделаешь это дело, награжу тебя золотом». Старушонка потащилась к купеческой дочери, постучалась в ворота, вошла в горницу, помолилась и стала рассказывать, что идёт ко святым местам: не будет ли какого подаяния? Повела такие хитрые речи, что красная девица совсем заслушалась и не заметила, как проговорилась о своей тайной примете; пока то да сё, старушонка стибрила со столика именной перстень и в рукав запрятала. После того попрощалась с хозяйкою и бегом к генералу, отдаёт ему перстень и говорит: «А тайная примета у купеческой дочери — золотой волосок под левою мышкою».

Генерал наградил её щедрой рукою и отправился в обратный путь; приезжает в своё государство и яв-

ляется во дворец; и купеческий сын тут же. «Ну что, — спрашивает царь, — достал именной перстень?» — «Вот он, ваше величество!» — «А какова у купеческой дочери тайная примета?» — «Золотой волосок под левою мышкою». — «Так ли?» — спрашивает царь купеческого сына. «Точно так, государь!» — «Как же смел ты передо мною лгать? За твою вину велю казнить тебя». — «Царь-государь! Не откажи в последней милости, позволь написать к сестре письмо; пусть придет, со мной попрощается». — «Хорошо, — отвечал царь, — пиши; только я долго ждать не стану!» Отложил казнь на срок, а до того времени приказал заковать его в железа и посадить в темницу.

Вот купеческая дочь, как получила от брата письмо да прочитала, тотчас пустилась в дорогу; едет да золотую перчатку вяжет, а сама горько плачет: слёзы падают бриллиантами; она те бриллианты подбирает да на перчатку сажает. Приехала в стольный город наскоро, наняла у бедной вдовы квартиру и спрашивает: «Что у вас в городе нового?» — «У нас новостей нет никаких, кроме того, что один иноземный купец через свою сестру страдает, завтрашний день его вешать будут». Поутру встала купеческая дочь, наняла карету, нарядилась в богатое платье и поехала на площадь; там уж виселица готова, войска расставлены, и народу набралось многое множество; вон уж и брата её ведут. Она вышла из кареты и прямо к царю, подаёт ему ту перчатку, что дорогой связала, и говорит: «Ваше величество! Оцените, что такая перчатка стоит?» Царь посмотрел. «Ей, — говорит, — и

цены нету!» — «Ну так ваш генерал был у меня в доме и точно такую перчатку украл — дружку этой самой; прикажите розыск сделать».

Царь позвал генерала: «Вот на тебя жалоба, будто ты дорогую перчатку украл». Генерал начал божиться: ничего знать не знаю и ведать не ведаю. «Как же ты не знаешь? — говорит ему купеческая дочь. — Сколько раз бывал в моём доме, со мной на постели леживал, в любовные игры поигрывал...» — «Да я тебя впервой вижу! Никогда у тебя не бывал, и теперь — хоть умереть — не знаю: кто ты и откуда приехала». — «Так за что же, ваше величество, мой брат страдает?» — «Который брат?» — спрашивает царь. «А вон которого на виселицу привели!» Тут всё дело начистоту открылось; царь приказал купеческого сына освободить, а генерала повесить; а сам сел с красной девицей, купеческой дочерью, в карету и поехал в церковь. Там они обвенчались, сделали большой пир и стали жить-поживать, добра наживать, и теперь живут.

ВОРОЖЕЯ

В одном селе жила-была старуха старая, а у ней был сын не велик и не мал, такой, что ещё в поле не сможет хорошо работать. Вот они дожили до того, что им пришлось — и перекусить нечего; вот тут-то задумалась больно старуха, думала себе, гадая крепку думушку, как им быть и на белу свету жить, да чтобы и хлебушка был.

Думала-думала и вздумала думу, да и гуторит своему мальчуге: «Сынок, поди хоть ты, уведи у кого лошадушек и привяжи их в таком-то кусте да сена дай, а потом отвяжи опять, и отведи в этакую-то лошину, и там покóль¹ пусти их». Малый её был, нечего сказать, больно проворен; как услышал, что матушка ему приказывает, вот он пошёл да и свёл где-то лошадушек, и сделал всё так, как матушка ему гуторила.

Про старуху же преж сего была молва, что она таки кое-что знает и по просьбе кой-когда бывала ворожа.

¹ Поколь, покель — пока.

Как хватились хозяева своих лошадушек, давай искать, и долго бились они, сердечные, да нигде не нашли. Вот и гуторят: «Что делать? Надоть найти знахаря, чтобы поворожить, хошь¹ бы и заплатить ему не больно так много, чтобы найти их». Вот и вспомнили про старуху да и говорят: «Сем-ка² пойдём к ней, попросим поворожить; авось она и скажет нам об них что-нибудь». Как сказано, так и сделано. Вот и пришли к старухе да и бают: «Бабушка-кормилица! Мы слыхали от добрых людей, что ты кой-чем маракуешь, умеешь гадать по картам и по ним смекаешь, как по писаному: поворожи-ка и нам, родимая! У нас пропали лошадушки». Вот бабушка и кажет им: «Ох, батюшки мои светы, да у меня и мочушки-то³ нет! Удушье, родимые мои, меня замучило». А они ей кажут: «Эка, бабушка, потрудись, желанная ты наша! Это не дарма⁴, а мы тебе за работу заплатим».

Вот она, переминаясь и покашливая, расклала карты, посмотрела на них долго и кажет им (хошь ничего не знала, да делать нечего; голод не свой брат, уму-разуму научит): «Эка притча⁵. Подумаю. Глядь-ка сюда, мои батюшки! Вот, кажись, ваши лошадушки стоят в этаким-то месте, в кусте привязаны». Вот хозяева обрадовались, дали старухе за работу и пошли

¹ Хотя.

² Давайте.

³ Уменьшительное от слова: мочь (сила).

⁴ Даром.

⁵ Притча — непредвиденный, несчастный случай.

себе искать своих животинушек¹. Пришли к сказанному кусту, а там уж их лошадей-то и нет, хошь и было заметно то место, где были привязаны лошади, потому что отрезан гуж от узды и висит на кусте, да и сена навалено, чай, немало. Вот они пришли, посмотрели, а их и след простыл; взгоревались бедняги и не знают, что и делать; подумали меж собой и опять отправились к старухе: коли раз узнала, то и теперь скажет.

Вот пришли опять к старухе, а она лежит на печи да уж так-то кряхтит да охает, что и невесть какая болость на её приключилась. Они стали её униженно просить ещё им поворожить. Она было опять по-прежнему стала отнекиваться, говоря: «Мочи нет, и старость-то осилила!» — а всё для того, чтобы больше дали ей за труды-то. Они обещали, коли найдутся, ничего не жалеть для ней, и теперича дать покель поболе. Вот старуха слезла с печи, покрёхтывая и кашляя, раскинула опять карты, призадумалась, посмотрела на них и гуторит: «Ступайте, ищите их в этакой-то лощине, они там, кажись, ходят, точнёхонько ваши!» Хозяева дали ей с радости за работу очень довольно и пошли от ней опять искать. Вот пришли они в лощину, глядь — а там их лошади ходят целёхоньки; они взяли их и повели домой.

Вот и пошла про старуху великая слава, что, мол, такая-то ворожея умеет ворожить во как: что ни скажет — быть делу так. Эта слава распространилась да-

¹ Живот, животное — лошадь

леко, и дошёл этот слух до одного боярина, у которого пропал целый сундук денег неизвестно куда. Вот как он услышал, да и послал за бабушкой-ворожейкой свою карету, чтоб её к нему привезли непременно, будь она хошь как больна; а послал двух своих людей — Самона да Андрюху (они-то и сдули эти деньги у барина). Вот они приехали к бабке и почти силой¹ её посадили в карету и повезли к барину. Дорогой бабушка начала тосковать, охать и вздыхать, и гуторит про себя: «Охо-хо-хо! Кабы не мамон² да не брюхо, где бы этому делу сбыться, чтобы мне ворожейкой быть и ехать в карете к боярину для того, чтобы он меня запрятал туда, куда ворон и костей моих не занёс. Ох, плохо дело!»

Самон это подслушал, да и кажет: «Чуешь³, Андрюха! Старуха о сю пору что-то про нас бормочет. Кажись, плохо дело будет!» Андрюха ему гуторит: «Что ты так сробел, может это так тебе со страстей почудилось». А Самон ему бает: «Послухай-ка сам, вот она опять что-то гуторит». А старуху самоё берёт страх и горе: вот она, посидя немного, опять своё твердит: «Охо-хо-хо! Коли б не мамон да не брюхо, где бы такой оказии сбыться!» Вот ребята давай прислушивать, что старуха бормочет: а она, посидя немного, опять за своё примется: «Мамон да брюхо» — и бесперечь со страстей⁴ всё своё несёт. Как ребята это

1 Насильно.

2 Деньги.

3 Слышишь.

4 Со страху.

услыхали, и оторопь сильно взяла: что делать? Да и загуторили промеж себя, что надоть бабушку упросить как можно, чтобы она не болтнула этого боярину, а то старая всё твердит: «Кабы не Самон да не Андрюха, где бы этакой оказии сбыться?» Они, окаянные, со страстей-то не разобрали, что старуха гуторит о мамоне да о брюхе, а не Самоне да Андрюхе.

Как меж собой у них сказано, так было и сделано. Вот они и начали просить старуху: «Бабушка, желанная ты наша, кормилица, не погуби нас, а заставь вечно за тя Бога молить. Ну что тебе будет прибыли погубить нас и оговорить перед боярином? Лучше не сказывай на нас, а так как-нибудь; а мы-то уж тебе за это что хошь заплатим». А бабушка не дура, себе на уме, чует эти слова, схаменулась¹, и страсть с неё вся соскочила — как рукой сняло, да и спрашивает их: «Где же вы, детушки, всё это дели?» Они гуторят уж с плачем: «Что, родимая, чай нас сам окаянный² соблазнил, что грех такой сделали». Бабушка опять спрашивает: «Да где же они?» Вот они и гуторят: «Да куда ж их окромя было спрятать-то, как не на мельницу под гать³, покуля пройдёт такая непогодь».

Вот они, сгуторившись дорогою как надоть, и приехали в дом к боярину. Боярин как увидел, что привезли старуху, сделался и невесть как рад, взял её под руки к себе в хоромы⁴, начал потчевать всякими

¹ Схаменуться — опомниться, спохватиться.

² Нечистый дух.

³ Плотина.

⁴ В комнаты.

эткими питьями и яствами, чего её душеньке угодно, и, напотчевавши её досыта, давай просить её, чтоб она ему про деньги поворожила. А бабушка себе на уме своё несёт, что мочи-то нет и насилу ходит; а боярин и кажет: «Экая ты, бабушка! Ты будь у меня как в своём дому, хошь — сядь, а хошь — ляжь, если уж тебе немоготу сидеть-то, да только поворожи, об чём я тя прошу, и если узнаешь, кто взял мои деньги, да ещё я найду свою пропажу, то не только угощу, а ещё и награжу тя чем душеньке твоей угодно, как следует, без всякой обиды».

Вот старуха, переминаясь, как бы её и в самом деле лихая болезнь изнимает, взяла карты, разложила как следует и долго на них смотрела, всё прищёптывая что-то губами. Посмотревши, и гуторит: «Пропажа твоя на мельнице под гатью лежит». Боярин как только услышал это, что сказала старуха, сейчас и послал Самона да Андрюху, чтобы это всё отыскать и к нему принести: он не знал, что это всё они сами спроворили. Вот те нашли, отыскали и принесли к боярину; а боярин-то, глядя на свои деньги, так обрадовался, что и считать их не стал, а дал старухе сейчас сто рублей и ещё кое-чего очень довольно, да ещё и напередки¹ обещался её не оставлять за такую услугу; потом, угостя её хорошенько, отослал опять в карете домой, наградя ещё на дорогу кое-чем по домашнему. Доро́гой Самон и Андрюха благодарили старуху, что она хошь знала про их дела, да боярину не сказала, и дали ей ещё денег.

¹ Наперёд.

С этих пор наша старуха ещё боле прославилась и стала жить себе — не тужить, и не только что хлебушка стало у неё вволю, но и всякого прочего, и всего невпроед, да и скотинушки развели очень довольно; и стали с своим сынком себе жить да поживать и добра наживать, да бражку и медок попивать. И я там был, мёд-вино пил, только в рот не попало, а по усам текло.

ЗАКОЛДОВАННАЯ КОРОЛЕВНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил именитый купец; у него был сын Иван. Нагрузил купец свои корабли, дом и лавки приказал жене да сыну и отправился в дальний путь. Едет он морями месяц, и два, и три, пристаёт в земли чужестранные, закупает товары заморские, а свои по хорошей цене продаёт. Тем временем над Иваном купеческим сыном стряслась беда немалая; озлобились на него все купцы и мещане: «Зачем-де он такой счастливый? Весь торг у нас отбил!» Собрались целым обществом, написали челобитную, что такой-то купеческий сын — вор и гуляка, не достоин быть в нашем звании, и присудили отдать его в солдаты. Забрили ему, сердешному, лоб и отправили в полк.

Служит Иван, горе мыкает — не один годочек; десять лет прошло, и вздумал он побывать на родине, записался в отпуск, взял билет на шесть месяцев и пошёл путём-дорогою. Отец и мать ему обрадовались; прожил он, прогостил у них сколько надобно, а тут время и назад отправляться. Взял его купец, повёл в подвалы глубокие, златом-серебром насыпанные, и го-

ворит ему: «Ну, любезный сын, бери себе денег, сколько душе хочется». Иван купеческий сын наложил карманы, принял от отца, от матери их родительское, навеки нерушимое благословение, простился с сродниками и поехал в полк; отец-то ему важного коня купил! С той разлуки обуяла его, доброго молодца, грусть-тоска великая; видит он — на дороге кабак стоит, заехал с горя вина испить: выпил косушку — мало показалось, выпил другую — опьянел и повалился спать.

Отколь ни взялися ошары¹ кабацкие, вынули у него деньги — все до единой копейки. Иван купеческий сын проснулся, хватъ — нет ни копейки, потужил-потужил и пустился дальше. Пристигла его тёмная ночь в пустынных местах; ехал-ехал, трактир стоит, возле трактира столб, на столбу написано: кто ночевать заедет, с того — сто рублей. Что тут делать? Не с голоду ж помирать; стукнул в ворота — выбегает мальчик, ведёт его в горницу, а коня на конюшню. Что только душа просит, всего подают Ивану купеческому сыну; наелся-напился он, сел и призадумался. «О чём, господин служивый, призадумался? — спрашивает хозяин. — Али расплатиться нечем?» — «Не то, хозяин! Я у тебя сыт, а мой верный конь так стоит». — «Нет, служивый! Хоть сам посмотри, у него и сена и овса вдоволь». — «Да не в том дело! Наши лошади уж так привычны: коли я сам буду возле коня, так он станет есть; а без меня и до корму не дотронется». Трактир-

¹ Проматавшие, пропившие люди.

щик побежал в конюшню, заглянул — так и есть: конь стоит, повеся голову, на овёс и не смотрит. «Экая умная лошадь! Знает своего господина», — подумал трактирщик и велел для солдата изготовить постель в конюшне. Иван купеческий сын залёг там спать, да ровно в полночь, как все в доме заснули, встал, оседлал коня и ускакал со двора долой.

На другой день к вечеру заехал он в трактир, где за одну ночь по двести рублей брали; удалось ему и тут обмануть. На третий день попадаетеся ему трактир ещё лучше прежних двух; на столбе написано: кто ночевать заедет, с того — триста рублей. «Ну, — думает, — была не была, попробую и здесь удали!» Заехал, важно наелся, напился, сел и призадумался. «О чём, служивый, призадумался? Али расплатиться нечем?» — спрашивает хозяин. «Нет, не угадал! Мне вот что думается: сам-то я сыт, а мой верный конь так стоит». — «Как можно! Я ему и сена наклал и овса насыпал — всего вдоволь». — «Да наши лошади уж так привычны: коли я сам возле коня буду, так он станет есть, а без меня и до корму не дотронется». — «Ну что ж! Ложись в конюшне».

А у того трактирщика была жена-волшебница, кинулась она смотреть в свои книги и тотчас узнала, что у солдата нет за душой ни копейки; поставила у ворот работников и строго-накрепко приказала смотреть, чтобы как-нибудь солдат со двора не улизнул. В самую полночь встал Иван купеческий сын и собрался было тягу дать, смотрит — работники на часах стоят; лёг и заснул; пробудился — уж заря занимает-

ся, оседлал поскорей коня, сел и едет со двора. «Стой! — закричали сторожа. — Ты ещё с хозяином не расплатился; подавай-ка деньги!» — «Какие деньги? Убирайтесь к чёрту!» — отвечал Иван и хотел было проскочить мимо; работники тотчас сгребли его и давай бить по загривку. Такой шум подняли, что весь дом сбежался. «Бей его, ребята, до смерти!» — «Будет с него! — говорит хозяин. — Оставьте его живого, пушай у нас три года проживёт да триста рублей заработает».

Нечего делать, остался Иван купеческий сын жить в трактире; день живёт, и два, и три живёт. Говорит ему хозяин: «Что, господин служивый, чай умеешь из ружья стрелять?» — «Для чего не уметь? Нас тому в полку учат». — «Ну так ступай, настреляй дичи; в наших местах и всякий зверь и всякая птица водится». Иван купеческий сын взял ружьё и пошёл на охоту; долго бродил по лесу — ничего не попадает, уже к самому вечеру увидал зайца на опушке и только хотел прицелиться — заяц вскочил и давай бог ноги! Охотник за ним бросился и выбежал на большой зелёный луг, на том лугу великолепный дворец стоит, из чистого мрамора выстроен, золотой крышею покрыт. Заяц на двор прыснул, и Иван туда ж; смотрит туда-сюда — нет зайца, его и след простыл! «Ну, хоть на дворец посмотрю!»

Пошёл он в палаты; ходил-ходил — во всех покоях убранство такое знатное, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать; а в одном покое стол накрыт, на столе разные закуски и вина приготовлены,

богатые приборы поставлены. Иван купеческий сын взял — изо всякой бутылочки выпил по рюмочке, со всякой тарелочки съел по кусочку, напился-наелся, сидит себе и в ус не дует! Вдруг подкатилась к крыльцу коляска, и приехала королевна — сама вся чёрная, и люди чёрные, и кони вороные.

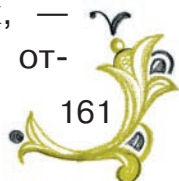
Иван вспомнил военную выправку, вскочил и стал у дверей навытяжку; входит королевна в комнату — он тотчас ей на караул сделал. «Здорóво, служивый! — приветила королевна. — Как сюда зашёл — волею али неволею? От дела лыта́ешь али дела пытаешь? Садись-ка со мной рядом, потолкуем ладом». И просит его королевна: «Можешь ли сослужить мне службу великую? Сослужишь — счастлив будешь! Говорят, русские солдаты ничего не страшатся; а у меня вот этим дворцом нечистые завладели...» — «Ваше высокочество! Рад вам до последней капли крови служить». — «Ну так слушай: до двенадцати часов пей и гуляй, а как двенадцать пробьёт — ложись на постель, что посреди большой палаты на ремнях висит, и что над тобой ни будет делаться, что тебе ни представится — не робей, лежи себе молча».

Сказала королевна, попрощалась и уехала; а Иван купеческий сын начал пить-гулять, веселиться, и только полночь ударило — лёг на показанное место. Вдруг зашумела буря, раздался треск и гром, того и смотри все стены попадают, в тартарары провалятся; полны палаты чертей набежало, завопили-закричали, пляс подняли; а как увидали гостя, стали напускать на него разные страсти. Вот откуда ни возьмись — прибегает

фельдфебель: «Ох, Иван купеческий сын! Что ты задумал? Ведь тебя в бегах зачислили; ступай скорей, а то плохо будет».

За фельдфебелем бежит ротный командир, за ротным — батальонный, за батальонным — полковой: «Что ты, подлец, тут делаешь? Видно, сквозь строй захотел прогуляться! Эй, принести сюда свежих палок!» Принялись нечистые за работу и живо натаскали целые вороха палок, а Иван купеческий сын ни гу-гу, лежит да отмалчивается. «Ах, мерзавец! — говорит полковой командир. — Он палок-то совсем не боится; должно быть, за свою службу больше этого видал! Прислать ко мне взвод солдат с заряженными ружьями, пусть его, негодяя, расстреляют!» Слово из земли вырос — взвод солдат появился; раздалась команда, солдаты прицелились... вот-вот выпалят! Вдруг закричали петухи — и всё мигом исчезло: нет ни солдат, ни командиров, ни палок.

На другой день приезжает во дворец королева — уже с головы по грудь белая стала, и люди её и лошади — тоже. «Спасибо, служивый! — говорит королева. — Видел ты страсть, а увидишь того больше. Смотри, не сробей, прослужи ещё две ночи, я тебя счастливым сделаю». Стали они вместе есть-пить, веселиться; после того королева уехала, а Иван купеческий сын лёг на своё место. В полночь зашумела буря, раздался гром и треск — набежали нечистые, завопили, заплясали... «Ах, братцы! Солдат-то опять здесь, — закричал хромой, одноглазый чертёнок, — вишь, повадился! Что ты, али хочешь у нас палаты от-

бить? Сейчас пойду скажу дедушке». А дедушка сам отзывается, приказывает чертям притащить кузницу да накалить железные прутья: «Теми прутьями горячими проймите его до самых костей, чтобы знал он да ведал, как в чужие палаты ходить!» Не успели черти кузницу справить, как запели петухи — и всё мигом пропало.

На третий день приезжает во дворец королевна, смотрит Иван — дивуется: и сама королевна, и люди её, и лошади — все до колен стали белые. «Спасибо, служивый, за верную службу; как тебя Бог милует?» — «Пока жив и здоров, ваше высочество!» — «Ну, постарайся последнюю ночь; да вот на тебе тулуп, надень на себя, а не то нечистые тебя когтями дойдут... Теперь они страшно злы!» Сели они вместе за стол, ели-пили, веселились; после королевна попрощалась и уехала, а Иван купеческий сын натянул на себя тулуп, оградился крестом и лёг на своё прежнее место.

Ударило полночь — зашумела буря, от грома и треску весь дворец затрясся; набежало чертей видимо-невидимо, и хромых, и кривых, и всякого рода. Бросились к Ивану купеческому сыну: «Берите его, подлеца! Хватайте, тащите!» — и давай когтями цапать: тот хватит, другой хватит, а когти все в тулупе остаются. «Нет, братцы! Видно, его так не проймёшь; возьмёмте-ка родного его отца с родной матерью да станем с них с живых кожи драть!» В ту ж минуту притащили точь-в-точь Ивановых родителей и принялись их когтями драть; они ревут: «Иван, голубчик! Смилуйся, сойди с своего места; за тебя с нас с жи-

вых кожи дерут». Иван купеческий сын лежит — не ворóхнется, знай отмалчивается. Тут петухи запели — и разом всё сгнуло, словно ничего и не бывало.

Утром приезжает королева — лошади белые, люди белые, и сама вся чистая, да такая красавица, что и вообразить лучшей нельзя: видно, как из косточки в косточку мозжечок переливается. «Видел страсть, — говорит Ивану королева, — больше не будет! Спасибо тебе за службу; теперь пойдём поскорей отсюда». — «Нет, королева! — отвечает Иван купеческий сын. — Надо бы отдохнуть часок-другой». — «Что ты! Станешь отдыхать — совсем пропадёшь». Вышли они из дворца и пустились в путь-дорогу. Отойдя немного, говорит королева: «Оглянись-ка, добрый молодец, что назади делается!» Иван оглянулся — дворца и следов не осталось, сквозь землю провалился, а на том месте пламя пышет. «Вот так бы и мы пропали, если б замешкались! — сказала королева и подаёт ему кошелёк. — Возьми, это кошелёк не простой, если понадобятся деньги, только тряхни — и тотчас червонцы посыплются, сколько душе угодно. Теперь ступай, расплатись с трактирщиком и приходи вот на такой-то остров к соборной церкви, я тебя ждать буду. Там отстоим мы обедню и обвенчаемся: ты будешь мой муж, а я твоя жена. Да смотри не опоздай; если сегодня не успеешь — завтра приходи, не придёшь завтра — приходи на третий день, а упустить три дня, век меня не увидишь».

Тут они распрощались; королева пошла направо, Иван купеческий сын — налево. Приходит он в трак-

тир, потрянул перед хозяином своим кошельком, золото так и посыпалось: «Что, брат! Ты думал: у солдата денег нет, так его на три года закабалить можно; ан врѣшь! Отсчитывай, сколько надобно». Заплатил ему триста рублей, сел на коня и поехал, куда ему сказано. «Что за диво? Откуда у него деньги взялись?» — думает трактирщица, кинулась к своим волшебным книгам и увидела, что он избавил заклятую королевну и та подарила ему такой кошелѣк, что завсегда деньги будут. Сейчас позвала мальчика, послала его в поле коров пасти и дала ему наговоренное яблоко: «Подойдѣт к тебе солдат, попросит напиться; ты ему скажи: воды нету, а вот тебе яблочко наливное!»

Мальчик погнал коров в поле; только успел пригнать, глядь — едет Иван купеческий сын: «Ах, братец, — говорит, — нет ли у тебя водицы напиться? Страшно испить хочется!» — «Нет, служивый, вода далеко отсюда; а есть у меня яблочко наливное, коли хочешь — скушай, авось освежишься!» Иван купеческий сын взял яблочко, скушал, и напал на него крепкий-крепкий сон; трое суток без просыпу спал. Понапрасну ожидала королевна своего жениха три дня сряду: «Видно, не судьба моя быть за ним замужем!» Вздохнула, села в коляску и поехала; видит — мальчик коров пасѣт: «Пастушок, пастушок! Не видал ли ты доброго молодца, русского солдата?» — «Да вот он под дубом третьи сутки спит».

Королевна глянула — он самый и есть! Стала его толкать, будить; но сколько ни старалась — ничего не могла сделать, чтобы он проснулся. Взяла она листок

бумаги, достала карандаш и написала такую записку: «Если ты не пойдёшь на такой-то перевоз, то не бывать тебе в тридесятом государстве, не называться моим мужем!» Положила записку Ивану купеческому сыну в карман, поцеловала его сонного, заплакала горькими слезами и уехала далеко-далеко; была, да и нет её!

Вечером поздно проснулся Иван и не знает, что ему делать. А мальчик стал ему рассказывать: «Приезжала-де сюда красная девица, да такая нарядная! Будила тебя, будила, да не добудилась, написала записку и положила в твой карман, а сама села в коляску да и с глаз пропала». Иван купеческий сын Богу помолился, на все стороны поклонился и поскакал на перевоз.

Долго ли, коротко ли, прискакал туда и кричит перевозчикам: «Эй, братцы! Перевезите меня как можно скорей на другую сторону; вот вам и плата вперёд!» Вынул кошелёк, начал встряхивать и насыпал им золота полную лодку. Перевозчики ажно ахнули. «Да тебе куда, служивый?» — «В тридесятое государство». — «Ну, брат, в тридесятое государство кривой дорогой три года ехать, а прямой — три часа; только прямо-то проезду нет!» — «Как же быть?» — «А мы тебе вот что скажем: прилетает сюда Гриб-птица¹ — собой словно гора великая — и хватает здесь всякую падаль да на тот берег носит. Так ты разрежь у своей лошади брюхо, вычисти и вымой; мы тебя и зашьём в се-

² Гриб(Грип)-птица вместо Гриф-птица.

рёдку. Гриб-птица подхватит падаль, перенесёт в тридесятое государство и бросит своим детёнышам: тут ты поскорей вылезай из лошадиного брюха и ступай, куда тебе надобно».

Иван купеческий сын отрубил коню голову, разрезал брюхо, вычистил, вымыл и залез туда; перевозчики зашили лошадиное брюхо, а сами ушли — спрятались. Вдруг Гриб-птица летит, как гора валит, подхватила падаль, понесла в тридесятое государство и бросила своим детёнышам, а сама полетела опять за добычею. Иван распорол лошадиное брюхо, вылез и пошёл к королю на службу проситься. А в том тридесятом государстве Гриб-птица много пакости делала; каждый божий день принуждены были выставлять ей по единому человеку на съедение, чтоб только в конец царство не запустошила.

Вот король думал-думал, куда деть этого странника. И приказал выставить его злой птице на съедение. Взяли его королевские воины, привели в сад, поставили возле яблони и говорят: «Карауль, чтоб не пропало ни одно яблочко!» Стоит Иван купеческий сын, караулит; вдруг Гриб-птица летит, как гора валит. «Здравствуй, добрый молодец! Я не знала, что ты в лошадином брюхе был; а то б давно тебя съела». — «Бог знает, либо съела, либо нет!» Птица одну губу ведёт по́ земи, а другую крышей расставила, хочет съесть доброго молодца. Иван купеческий сын махнул штыком и приткнул ей нижнюю губу плотно к сырой земле, после выхватил тесак и давай рубить Гриб-птицу — по чём попадя. «Ах, добрый молодец, — сказала

птица, — не руби меня, я тебя богатырём сделаю; возьми пузырёк из-под моего левого крыла да выпей — сам узнаешь!»

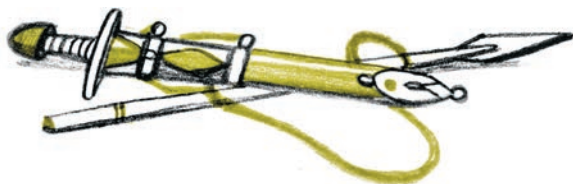
Иван купеческий сын взял пузырёк, выпил, почуял в себе великую силу и ещё бойчей на неё напал: знай машет да рубит! «Ах, добрый молодец, не руби меня; я тебе и другой пузырёк отдам, из-под правого крыла». Иван купеческий сын выпил и другой пузырёк, почуял ещё большую силу, а рубить всё не перестаёт. «Ах, добрый молодец, не руби меня; я тебя на счастье наведу: есть тут зелёные луга, в тех лугах растут три высокие дуба, под теми дубами — чугунные двери, за теми дверями — три богатырские коня; в некую пору они тебе пригодятся!» Иван купеческий сын птицу слушать — слушает, а рубить — всё-таки рубит; изрубил её на мелкие части и сложил в большую кучу.

Наутро король призывает к себе дежурного генерала: «Поди, — говорит, — вели прибрать кости Ивана купеческого сына; хоть он из чужих земель, а всё человечьим костям без погребения непригоже валяться». Дежурный генерал бросился в сад, смотрит — Иван жив, а Гриб-птица на мелкие части изрублена; доложил про то королю. Король сильно обрадовался, похвалил Ивана и дал ему своеручный открытый лист: позволяется-де ему по всему государству ходить, во всех кабаках и трактирах пить-есть безденежно.

Иван купеческий сын, получа открытый лист, пошёл в самый богатый трактир, хлопнул три ведра вина, три ковриги хлеба да полбыка на закуску пошло,

воротился на королевскую конюшню и лёг спать. Вот так-то жил он у короля на конюшне круглых три года; а после того явилась королева — она кривой дорогой ехала. Отец радёхонек, стал расспрашивать: «Кто тебя, дочь любезная, от горькой доли спас?» — «Такой-то солдат из купеческих детей». — «Да ведь он сюда пришёл и мне большую радость сделал — Гриб-птицу изрубил!» Что долго думать-то? Обвенчали Ивана купеческого сына на королеве и сотворили пир на весь мир, и я там был, вино пил, по усам текло, во рту не было.

В скором времени пишет к королю трёхглавый змей: «Отдай свою дочь, не то всё королевство огнём сожгу, пеплом развею!» Король запечалился, а Иван купеческий сын хлопнул три ведра вина, три ковриги хлеба да полбыка на закуску пошло, кинулся в зелёные луга, поднял чугунную дверь, вывел богатырского коня, надел на себя меч-кладенец да боевую палицу, сел на коня и поскакал сражаться. «Эх, добрый молодец, — говорит змей, — что ты задумал... Я тебя на одну руку посажу, другой прихлопну — только мокро будет!» — «Не хвались, прежде Богу помолись!» — отвечал Иван, махнул мечом-кладенцом и сшиб разом все три головы. После победил он шестиглавого змея, а вслед за тем и двенадцатиглавого и прославился своей силою и доблестью во всех землях.

АЛЁША ПОПОВИЧ

На небесах зародился млад-светел месяц, на земле-то у старого соборного у Леонтья-попа зародился сын — могучий богатырь; а имя нарекли ему млад Алёша Попович — имечко хорошенькое. Стали Алёшу кормить-поить: у кого недельный, он денной такой; у новых¹ годовой, Алёша недельный такой. Стал Алёша по улочке похаживати, стал с малы-ми ребятками поигрывать: кого возьмёт за ручку — ручка прочь, кого за ножку — ножка прочь; игра-то у него некорыстно пошла! Кого за серёдку² возьмёт — живота лишит. И стал Алёша на возрасте; учал у отца-матери просить благословеньца: ехать-гулять во чисто поле. Отец говорит: «Алёша Попович! Поезжаешь ты во чисто поле; есть у нас и посильней тебя; ты возьми себе в слуги верные Марышка Паранова сына». И садились добры молодцы на добрых коней; как поехали они во чисто поле — пыль столбом закурилася: только добрых молодцев и видели!

¹ Иных.

² Поперёк.

Приезжали добры молодцы ко князю ко Владимиру; тут Алёша Попович прямые¹ идёт в белокаменные палаты ко князю ко Владимиру, крест кладёт по-писаному, поклоняется по-учёному на все на четыре стороны, а князю Владимиру на особицу. И встречает добрых молодцев Владимир-князь и сажает их за дубовый стол: хорошо добрых молодцев попоить-покормить и втепор вестей поспросить; учили добры молодцы есть пряники печатные, запивать винами крепкими. Тут спросил добрых молодцев Владимир-князь: «Кто вы, добры молодцы? Сильные ли богатыри удалые или путники перехожие — сумки перемётные? Не знаю я вам ни имени, ни отчины». Ответ держит Алёша Попович: «Я сын старого соборного Леонтья-попа Алёша Попович млад, а в товарищах слуга Марышко Паранов сын». Как поел да попил Алёша Попович, учал правиться² на кирпичну печь, лёг полудновать³, а Марышко за столом сидит. В те поры да в то времечко наезжал Змеевич-богатырь и облаатынил⁴ всё царство князя Владимира. Идёт Тугарин Змеевич в палаты белокаменны ко князю Владимиру; он левой ногой на порог ступил, а правой ногой за дубовый стол; он пьёт и ест и с княгиней обнимается, а над князем Владимиром играет и ругается; он кладёт ковригу за щёку, а другую за другую кладёт; на язык кладёт целого лебедя, пирогом попихнул — всё вдруг проглотнул.

¹ Прямо.

² Правиться — собраться, отправиться.

³ Отдыхать после полудня.

⁴ Обратил в латинскую веру.

Лежит Алёша Попович на кирпичной печи и говорит такие речи Тугарину Змеевичу: «Было у нашего батюшки у старого у Леонтия-попа — было коровище, было обжорище, ходило по пивоварням и съедало целые кадцы пивоварные с гущею; дошло коровище, дошло обжорище до озера, всю воду из озера выпило — взяло его тут и розорвало, а и тебя бы, Тугарина, так за столом-то всего прорвало!» Рассердился Тугарин на Алёшу Поповича, бросил в его булатным ножом; Алёша Попович увёртлив был, увернулся от его за дубовый столб. Говорит Алёша таково слово: «Спасибо тебе, Змеевич Тугарин-богатырь, подал ты мне булатный нож; распорю я тебе груди белые, застелю я тебе очи ясные, засмотрю я твоего ретива сердца».

В те поры выскакал Марышко Паранов сын из-за стола из-за дубового на резвы ноги и хватил Тугарина за наворот¹, выхватил из-за столъя и бросил о палату белокаменну — и посыпались оконницы стекольчатые. Как возговорит Алёша Попович с кирпичной печи: «Ой ты, Марышко, Марышко Паранов сын, ты верная слуга неизменная!» Отвечает Марышко Паранов сын: «Подай-ка ты мне, Алёша Попович, булатный нож; распорю я Тугарину Змеевичу груди белые, застелю я ему очи ясные, засмотрю его ретива сердца». Ответ держит Алёша с кирпичной печи: «Ох ты, Марышко Паранов сын! Не руди² ты палат-то белокаменных, отпусти его во чисто поле; не-

¹ Наворотъ — воротник.

² Не марай.

куда он там деваается; съедемся с ним заутро во чистом поле».

Поутру раным-ранёшенько подымался вместе с солнышком Марышко Паранов сын, выводил он резвых коней пить воды на быстру реку. Летаёт Тугарин Змеевич по поднебесью и просит Алёшу Поповича во чисто поле. И приезжал Марышко Паранов сын к Алёше Поповичу: «Бог тебе судья, Алёша Попович! Не дал ты мне булатного ножа; распорол бы я поганцу груди белые, застлал бы я его очи ясные, высмотрел бы я его ретива сердца; теперя что возьмёшь у него, у Тугарина? Летаёт он по поднебесью». Говорит Алёша таково слово: «Не замена моя, всё измена!»

Выводил Алёша своего добра коня, обседлал во черкасское седло, подтянул двенадцатью подпругами шелко́выми — не ради ба́сы¹, ради крепости, поехал Алёша во чисто поле. Едет Алёша по чисту полю и видит Тугарина Змеевича: он летает по поднебесью. И взмолился Алёша Попович: «Пресвятая Мати Богородица! Накажи-ка ты тучу чёрную; дай Бог из тучи чёрной часта дождичка крупенистого, смочило бы у Тугарина крыльица бумажные». У Алёши была мольба доходная: накатила туча чёрная; из той тучи грозной дал Бог дождичка частого, частого да крупенистого, и смочило у Тугарина крыльица бумажные; пал он на сыру землю и поехал по чисту полю.

Не две горы вместе скатаются, то Тугарин с Алёшей съезжались, палицами ударились — палицы

¹ Красоты, щегольства.

по чивьям¹ поломались, копьями соткнулись — копья чивьями извернулись, саблями махнулись — сабли исщербились. Тут-то Алёша Попович валился с седла, как овсяный сноп; и тут Тугарин Змеевич учал бить Алёшу Поповича, а тот ли Алёша увёртлив был, увернулся Алёша под конное черево, с другой стороны вывернулся из-под черева и ударил Тугарина булатным ножом под правую пазуху, и спихнул Тугарина со добра коня, и учал Алёша Попович кричать Тугарину: «Спасибо тебе, Тугарин Змеевич, за булатный нож; распорю я тебе груди белые, застелю я твои очи ясные, засмотрю я твоего ретива сердца».

Отрубил ему Алёша буйну голову, и повёз он буйну голову ко князю ко Владимиру; едет да головушкой поигрывает, высоко головушку вымётывает, на остро копьё головушку подхватывает. Тут Владимир ополохнулся²: «Везёт-де Тугарин буйну голову Алёши Поповича! Попленит он теперь наше царство христианское!» Ответ держит Марышко Паранов сын: «Не тужи ты, Красно Солнышко Владимир стольный, киевский! Если едет по земли, а не летает по поднебесью поганый Тугарин, сложит он свою буйну голову на моё копьё булатное; не печалуйся, князь Владимир: какова пора — я с им побратаюсь!»

Посмотрел тут Марышко Паранов сын в трубочку подзорную, опознал он Алёшу Поповича: «Вижу я

¹ Чивьё — рукоятка.

² Испугался, устранился.

ухватку богатырскую, поступку молодецкую: накруто Алёша коня поворачивает, головушкой поигрывает, высоко головушку вымётывает, на востро копьё головушку подхватывает. Едет это не Тугарин поганый, а Алёша Попович, сын Леонтья-попа старого соборного; везёт он головушку поганого Тугарина Змеевича».

ИВАН-ДУРАК

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик со старухой. У них было три сына, третьего звали Иван-дурак. Первые двое женатые, а Иван-дурак холостой; два брата занимались делом, управляли домом, пахали и сеяли, третий же ничего не делал. Один раз отец и снохи стали Ивана посылать на поле допахать сколько-то лех¹ пашни. Парень поехал, приехал на пашню, запряг лошадь, проехал с сохой раз ли, два ли, видит: счёту нет комаров да мошек; он схватил хлыстик, стегнул по боку лошадь, убил их без сметы; ударил по другому, убил сорок паутов² и думает: «Ведь я на один замах убил сорок богатырей, а мелкой сошки³ сметы нет!» Взял их всех положил в кучу и завалил конским калом; сам не стал пахать, выпряг лошадь, поехал домой. Приезжает домой и говорит снохам и матери: «Давайте мне полог⁴ и

¹ Мера земли.

² Па́ут — слепень или овод.

³ Соха́ — мера земли, с которой платилось в старину. Выражение «мелкой сошки» означает здесь: низшего разряда.

⁴ По́лог — толстая холстина, сшитая в несколько полос.

седло, а ты, батюшка, давай саблю, которая у тебя висит — на стене заржавела. Что я за мужик! У меня ничего нет». Те посмеялись над ним и дали на смех какой-то расколотый тюрик¹ наместо седла; парень наш приделал к нему подпруги и надел на худую кобылёнку. Вместо пологую мать дала какой-то старый дубас²; он и то взял, да взял саблю у отца, пошёл, выточил, собрался и поехал. Доезжает до росстаней³ — а был ещё мало-мало грамотный — написал на столбе: приезжали бы сильные богатыри Илья Муромец и Фёдор Лыжников в такое-то государство к сильному и могучему богатырю, который на один помах убил сорок богатырей, а мелкой сошки сметы нет, и всех их камнем привалил.

Точно, после его приезжает богатырь Илья Муромец, видит на столбе надпись: «Ба, — говорит, — проехал сильный, могучий богатырь: послушаться не годно». Поехал, догонят Ванюху; далеко не доехал, снял шапку и кланяется: «Здравствуй, сильный, могучий богатырь!» А Ванюха не ломат шапки, говорит: «Здорóво, Илюха!» Поехали вместе. Не чрез долго времени к тому же столбу приехал Фёдор Лыжников, видит, на столбе написано, послушаться не годно: Илья Муромец проехал! — и он поехал туда же; так же далеко не доехал до Ванюхи — снимат шапку, говорит:

¹ Тiурик — куль, мешок, короб.

² Род одежды, подобной сарафану и названной так потому, что её красят в дубовом листу.

³ Рóсстани — место, где одна дорога разделяется на две, перекрёсток.

«Здравствуй, сильный, могучий богатырь!» А Ванюха шапки не ломат. «Здорóво, — говорит, — Федюнька!»

Поехали вместе все трое; приезжают в одно государство, остановились на царских лугах. Богатыри поставили себе шатры, а Ванюха распялил дубас; коней два богатыря спутали шёлковыми путами, а Ванюха сорвал прут с дерева, свил его и спутал свою кобылу. Вот и живут. Царь из своего терему увидел, что его любимые луга травят какие-то люди, тотчас отряжат ближнего своего спросить, что за люди? Тот приехал на луга, подошёл к Илье Муромцу, спрашивает, что они за люди и как смели без спросу топтать царские луга? Илья Муромец отвечал: «Не наше дело! Спрашивай вон старшóго — сильного, могучего богатыря».

Посол подошёл к Ванюхе. Тот закричал на него, не дал слова молвить: «Убирайся, докуля жив, и скажи царю, что на его луга приехал сильный, могучий богатырь, который на один помах убил сорок богатырей, а мелкой сошки сметы нет, и камнем привалил, да Илья Муромец и Фёдор Лыжников с ним, и требует у царя дочь замуж». Тот пересказал это царю. Царь хватил по записям: Илья Муромец и Фёдор Лыжников есть, а третьего, который убивает на один помах по сороку богатырей, нет в записях. То царь приказал собрать рать, захватить трёх богатырей и привести к нему. Где захватить? Ванюха увидел, как стала подходить ближе рать; он крикнул: «Илюха! Ступай прогони их, что за люди?» — сам лежит, растянулся да поглядывает, как сыч.

Илья Муромец на того слова соскочил на коня, погнал, не столько руками бил, сколько конём топтал; всех прибил, оставил только одних язычников¹ царю. Царь услышал эту беду, того больше собрал силы и послал поймать богатырей. Иван-дурак крикнул: «Федюнька! Поди-ка прогони эту сволочь!» Тот соскочил на коня, всех прибил, оставил одних язычников.

Чего делать царю? Дело худо, силу побили богатыри; царь призадумался и вспомнил, что у него в царстве живёт сильный богатырь Добрыня. Он посылает к нему письмо, просит приехать победить трёх богатырей. Добрыня приехал; царь на третьем балконе встретил его, а Добрыня наверх² подъехал к балкону вровень с царём: вот какой был! Поздоровался, поговорили. Он и поехал на царские луга. Илья Муромец и Фёдор Лыжников увидели, что к ним едет Добрыня, испугались, соскочили на своих лошадей да ступай-ка оттуда — угнали. А Ванюха не успел. Пока имал свою кобылёнку, Добрыня и подъехал к нему, да и смеётся, что это за сильный, могучий богатырь? Маленький, худенький! Согнулся головой к самому Ванюхе, смотрит на него, да и любит. Ванюха да как-то не обробел, выхватил свою саблешку да и ссек ему голову.

Царь это увидел, перепугался: «Ох, — говорит, — богатырь убил Добрыню; беда теперя! Ступайте скорее, зовите богатыря во дворец». За Ванюхой приехал

¹ Язычник (язык) — вестник.

² Навёршный — едущий верхом.

такой почёт, что батюшки упаси! Кареты самолучши, люди все изжалованы. Посадили и привезли к царю. Царь его угостил и отдал дочь; обвенчались они, и теперь живут, хлеб жуют.

Я тут был, мёд пил; по усам текло, в рот не попало. Дали мне колпак, да почали толкать; дали мне кафтан, я иду домой, а синичка летат и говорит: «Синь да хорош!» Я думал: «Скинь да положи!» Взял скинул да и положил. Это не сказка, а присказка, сказка впереди!

ВАСИЛИЙ БУСЛАВИЧ

Жил-был Буслав девяносто годов, живучи Буслав переставился¹. Остаётся его любима молодца жена Ванилфа Тимофеевна, остаётся у неё млад сын Василий Буславич. И стал этот сын Василий Буславич с малыми ребятками поигрывать: у кого руку оторвёт, у кого голову расколет. Отдала Ванилфа Тимофеевна своего сына любимого старику Угрумищу учить — во листы писать; а выучился Василий Буславич не во листы писать, а выучился соколом летать. Вот однажды у старика Угрумища сделались пир и беседа; он не позвал на него своего любимца Василья Буславича. Пришёл сам Василий Буславич на пир на беседу, из переднего угла гостей повыхватал, со скамеечки повыдергал, проводил на новы сени чёрным вязом. Старша Угрумища осерчал на него, на своего любимца, и сказал ему: «Ты не секчи, молодой сектун! Тебе не выпить из Оби воды, не выбить из граду людей; выпьешь из Оби воду, выбьешь из граду людей — вот тебе пятьсот рублей!» Пришёл наш Ва-

¹ Т. е. преставился, умер.

силий Буславич домой к своей матери и говорит: «Ах, матушка родимая! Я в молодых годах расхвастался, с старшом Угрумищей рассорился». Мать взяла его пьяного напоила и в тёмную темницу заложила.

Вот народ собрался с ним воевать, а он в темнице спит да спит, ничего не знат. Женщина по воду ходила и ему в окошко закричала: «Что, — говорит, — Василий Буславич, спишь, ничего не знашь; я, — говорит, — по воду ходила, сколько людей коромыслом прибила!» Василий Буславич, услыхав эти слова, вышиб каменную стену у темницы и пошёл народ-силу бить. Старша Угрумища и возмолился ему: «Гой ли ты, Василий Буславич! Уходи, — говорит, — своё сердце ретивое, утоли плеча богатырские: я тебе пятьсот сулил, а теперь отдам всю тысячу!» Вот Василий Буславич смиловался и пошёл к своей матери: «Ах, — говорит, — матушка родимая! Я сегодня много крови пролил, много народу побил!»

Вот мать на него осерчала, сделала ему корабль, набрала людей и отправила по морю; сказала ему, чтоб ехал он куды хочет и рукой вслед махнула. Василий Буславич приплыл на зелёные луга. Тут лежит морская пучина — вокруг глаз. Он вокруг неё похаживает, сапожком её попинывает, а она ему и говорит: «Василий Буславич! Не пинай меня, и сам тут будешь». Вот после этого рабочие его расшутились меж собой и стали скакать через морскую пучину. Все перескочили, а он скакнул напоследке и задел её только пальцем правой ноги, да тут и помер.

СОЛДАТ ИЗБАВЛЯЕТ ЦАРЕВНУ

Загнали солдата на дальние границы; прослужил он положенный срок, получил чистую отставку и пошёл на родину. Шёл он чрез многие земли, чрез разные государства; приходит в одну столицу и останавливается на квартире у бедной старушки. Начал её расспрашивать: «Как у вас, баушка, в государстве — всё ли здорово?» — «И-и, служивый! У нашего царя есть дочь-красавица Марфа-царевна; сватался за неё чужестранный принц; царевна не захотела за него идти, а он напустил на неё нечистую силу. Вот уж третий год неможет! Не даёт ей нечистая сила по ночам покою; бьётся сердечная и кричит без памяти... Уж чего царь ни делает: и колдунов, и знахарей приводил — никто не избавил!»

Выслушал это солдат и думает сам с собой: «Дай пойду, счастья попытаю; может, и избавлю царевну! Царь хоть что-нибудь на дорогу пожалует». Взял шинель, вычистил пуговицы мелом, надел и марш во дворец. Увидала его придворная прислуга, узнала, за чем идёт, подхватила под руки и привела к самому царю. «Здравствуй, служба! Что хорошего скажешь?» —

говорит царь. «Здравия желаю, ваше царское величество! Слышал я, что у вас Марфа-царевна хворает; я могу её вылечить». — «Хорошо, братец! Коли вылечишь, я тебя с ног до головы золотом осыплю». — «Только прикажите, ваше величество, выдавать мне всё, что требовать стану». — «Говори, что тебе надобно?» — «Да вот дайте мне меру чугунных пуль, меру грецких орехов, фунт свечей и две колоды карт да изладьте мне чугунный прут, чугунную царапку о пяти зубьях да чугунное подобие человека с пружинами». — «Ну, хорошо; к завтраму всё будет готово».

Вот изготовили, что надо; солдат запер во дворце все окна и двери накрепко и закрестил их православным крестом, только одну дверь оставил незапертой и стал возле неё на часах; комнату осветил свечами, на стол положил карты, а в карманы насыпал чугунных пуль да грецких орехов. Управился и ждёт. Вдруг в самую полночь прилетел нечистый дух: куда ни сунется — не может войти! Летал-летал кругом дворца и увидал наконец отворёну дверь; скинулся человеком и хочет войти. «Кто идёт?» — окликнул солдат. «Пусти, служивый! Я придворный лакей». — «Где же ты, халдейская харя, до сих пор таскался?» — «А где был, там теперь нету! Дай-ка мне орешков погрызть!» — «Много вас тут, халдеев! Всех по ореху оделить, самому ничего не останется». — «Дай, пожалуйста!» — «Ну, возьми!» — и даёт ему пулю.

Чёрт взял в рот пулю, давил-давил зубами, в лепёшку её смял, а разгрызть — не разгрыз. Пока он с чугунною пулей возился, солдат орехов с двадцать

разгрыз да съел. «Эх, служивый, — говорит чёрт, — крепки у тебя зубы!» — «Плох ты, я вижу! — отвечал солдат. — Ведь я двадцать пять лет царю прослужил, над сухарями зубы притупил, а ты б посмотрел, каков с молодых годов я был!» — «Давай, служивый, в карты играть». — «А на что играть-то станем?» — «Известно — на деньги». — «Ах ты, халдейская харя! Ну какие у солдата деньги? Он всего жалованья — три денежки в сутки получает, а надо ему и мыла, и ваксы, и мелу, и клею купить и в баню сходить. Хочешь — на щелчки играть?» — «Пожалуй!» Начали на щелчки играть. Чёрт наиграл на солдата три щелчка. «Давай, — говорит, — бить стану!» — «Догоняй до десятку, тогда и бей; из трёх щелчков нечего рук марать!» — «Ладно!» Стали опять играть; пришёл солдату крестовый хлюст¹, и нагнал он на нечистого десять щелчков. «Ну-ка, — говорит чёрту, — подставляй свой лоб; я покажу тебе, каково с нашим братом на щелчки играть! По-солдатски урежу! И другу и недругу закажешь!..»

Чёрт взмолился, просит, чтоб солдат полегче его бил. «То-то! С вами, халдеями, только свяжись, сам не рад будешь; как дело к расчёту — так сейчас и отлынивать! А мне никоим способом нельзя тебя пощадить; я — солдат и давал присягу завсегда поступать верою-правдою». — «Возьми, служивый, деньгами!» — «А на что мне твои деньги? Я играл на щелчки — щелчками и плати. Разве вот что: есть у меня

¹ Три карты одной масти.

меньшой брат, пойдём-ка к нему — он пробьёт тебе щелчки потише моего; а если не хочешь, давай я сам стану бить!» — «Нет, служивый, веди лучше к меньшому брату».

Солдат привёл нечистого к чугунному человеку, тронул за пружину да как щёлкнет чёрта по лбу — тот ажно в другую стену отлетел; а солдат ухватил его за руку: «Стои! Ещё девять щелчков за тобою». Тронул в другой раз пружину да так урезал, что чёрт кубарем покатился да чуть-чуть стены не пробил! А в третий раз отбросило нечистого прямо в окно; вышиб он раму, выскочил вон и наострил лыжи. «Помни, проклятый, — кричит солдат, — за тобой ещё семь щелчков осталось!» А чёрт-то улепётывает, аж пятками в зад достаёт. Наутро спрашивает царь Марфу-царевну: «Ну что — каково ночь проводила?» — «Спокойно, государь-батюшка!»

На другую ночь отрядил сатана во дворец иного чёрта; вишь, они ходили стращать да мучить царевну по очереди. Досталось и этому на орехи! В тринадцать ночей перебивало у солдата тринадцать нечистых в переделке, и всем равно туго пришлось! Ни один в другой раз идти не хочет. «Ну, внучки, — говорит им дедушка-сатана, — я сам теперь пойду». Пришёл сатана во дворец и ну с солдатом разговаривать; то-другое, пятое-десятое, стали в карты играть; солдат обыграл его и повёл к меньшому брату щелчками угощать. Привёл, подавил пружины, меньшой брат обхватил сатану чугунными руками да так-таки плотно, что ему ни взад, ни вперёд нельзя пошевелиться. Солдат

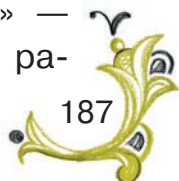
схватил чугунный прут и давай хлестать; бьёт сатану да приговаривает: «Вот тебе в карты играть! Вот тебе Марфу-царевну мучить!» Исхлестал чугунный прут и взялся царапкой строгать: сатана благим матом ревёт, а солдат знай себе дерёт, и так его донял, что тот как вырвался — без оглядки убежал! Вернулся в своё болото, охает: «Ах, внушки, чуть было солдат до смерти не убил!» — «То-то, дедушка! Вишь он какой мудрёный! Вот уж две недели, как я во дворце был, а всё голова трещит! Да ещё спасибо, что не сам бил, а меньшого брата заставлял!»

Вот стали черти придумывать, как бы выжить им из дворца этого солдата. Думали-думали и решились золотом откупиться. Прибежали к солдату разом все; тот увидал, испугался и закричал громким голосом: «Эй, брат, ступай сюда скорее, должники пришли, надо щелчки давать». — «Полно, полно, служивый! Мы пришли к тебе о деле потолковать; сколько хочешь возьми с нас золота — только выйди из дворца!» — «Нет! Что мне золото! Уж коли хотите услужить мне, так полезайте все в ранец; я слыхал, что нечистая сила больно хитра — хоть в щель, и то влезет! Вот коли это сделаете, — право слово, уйду из дворца!» Черти обрадовались: «Ну, служивый, открывай свой ранец». Солдат открыл; они и полезли туда все до единого, сатана сверху лёг. «Укладывайтесь плотнее, — говорит солдат, — чтоб можно было на все пряжки застегнуть». — «Застёгивай, не твоя печаль!» — «Счастье вам, коли застегну! А не то не прогневайтесь, ни за что из дворца не выйду!»

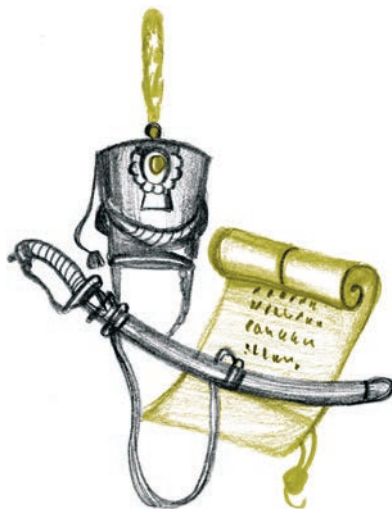
Вот солдат взял застегнул ранец на все пряжки, перекрестил его, надел на себя и пошёл к царю: «Ваше царское величество! Прикажите изготовить тридцать железных молотов, каждый молот в три пуда». Царь отдал приказ; сейчас изготовили тридцать молотов. Солдат принёс ранец в кузницу, положил на наковальню и велел бить как можно сильнее. Плохо пришлось чертям, а вылезть никак нельзя! Угостил их солдат на славу! «Теперь довольно!» Вскинул ранец на плечи и явился к царю с докладом: «Служба-де моя кончена; больше нечистая сила не станет царевны тревожить».

Царь поблагодарил его: «Молодец, служивый! Ступай гуляй по всем кабакам и трактирам, требуй, что только душе угодно; ни в чём тебе нет запрету!» И приставил к нему царь двух писарей, чтобы всюду за ним ходили да записывали на казённый счет, где сколько солдат нагуляет. Вот он гулял-гулял, целый месяц прогулял и пошёл к царю. «Что, служба, нагулялся?» — «Нагулялся, ваше величество! Хочу домой идти». — «Что ты! Оставайся-ка у нас; я тебя первым человеком сделаю». — «Нет, государь, хочется повидать своих сродников». — «Ну, ступай с богом!» — сказал царь, дал ему повозку, лошадей и денег столько, что в целый век не прожить.

Поехал солдат на родину; пристал дорогою в какой-то деревне и увидал знакомого солдата — в одном полку служили. «Здравствуй, брат!» — «Здравствуй!» — «Как поживаешь?» — «Всё по-старому!» — «А мне Господь счастье дал: вдруг разбогател! На ра-

достях надо бы выпить: сбегай-ка, брат, купи ведёрку вина». — «Рад бы сбегать, да, вишь, у меня скотинка ещё не убрана; потрудись, сходи сам — кабак вот, недалече!» — «Ладно; а ты возьми мой ранец, положи в избе да накажи бабам, чтоб не трогали!» Отправился наш солдат за вином, а земляк его принёс ранец в избу и говорит бабам: «Не трожьте!» Пока убирал он скотину, бабам не терпится: «Дай посмотрим, что такое в ранце наложено?» Принялись расстёгивать — как выскочат оттуда черти с шумом да с треском; двери с крючьев посбивали и ну бежать! А навстречу им солдат с ведёрною: «Ах, проклятые! Кто вас выпустил?» Черти испугались и бросились в буковище¹ под мельницу, да там навсегда и остались. Солдат пришёл в избу, разбранил баб и давай гулять со старым товарищем; а после приехал на родину и зажил богато и счастливо.

¹ Место под колесом мельницы.

НЕУМОЙКА

 тслужил солдат три войны, не выслужил и выеденного яйца, и отпустили его в чистую¹. Вот он вышел на дорогу, шёл-шёл, пристал и сел у озера; сидит да думу думает: «Куда теперь мне деваться, чем прокормиться?.. К чёрту, что ли, в работники наняться!» Только вымолвил эти речи, а чертёнок тут как тут — стоит перед ним, кланяется: «Здорóво, служба!» — «Тебе что надо?» — «Да не сам ли ты захотел к нам в работники наняться? Что ж, служивый, наймись! Жалованье большое дадим». — «А какова работа?» — «Работа лёгкая: только пятнадцать лет не бриться, не стричься, соплей не сморкать, нос не утирать и одёжи не переменять!» — «Ладно, — говорит солдат, — я возьмусь за эту работу, но с тем уговором, чтобы всё мне было готово, чего душа пожелает!» — «Уж это как водится! Будь спокоен, за нами помешки не будет». — «Ну так по рукам! Сейчас же перенеси меня в большой столичный город да кучу денег притащи; ты ведь

¹ Т. е. в отставку.

сам знаешь, что этого добра у солдата без малого ничего!»

Чертёнок бросился в озеро, притащил кучу денег и мигом перенёс солдата в большой город; перенёс — и был таков! «Вот на дурака напал! — говорит солдат. — Ещё не служил, не работал, а деньги взял». Нанял себе квартиру, не стрижётся, не бреется, носа не утирает, одёжи не переменяет, живёт — богатеет; до того разбогател, что некуда стало денег девать. Что делать с серебром да с золотом? «Дай-ка, — вздумал он, — начну помогать бедным; пусть за мою душу молятся». Начал солдат раздавать деньги бедным, и направо даёт, и налево даёт — а денег у него не только не убывает, а ещё прибавляется. Пошла об нём слава по всему царству, по всем людям.

Вот так-то жил солдат лет четырнадцать; на пятнадцатом году не хватило у царя казны; велел он позвать к себе этого солдата. Приходит к нему солдат небритый, немытый, нечёсанный, сопли не вытерты, одёжа не переменена. «Здравия желаю, ваше величество!» — «Послушай, служивый! Ты, говорят, всем людям добро делаешь; дай мне хоть взаймы денег. У меня на жалованье войскам не хватает. Если дашь, сейчас тебя генералом пожалую». — «Нет, ваше величество, я генералом быть не желаю; а коли хочешь жаловать, отдай за меня одну из своих дочерей, и бери тогда казны, сколько надобно». Тут король призадумался; и дочерей жалко, и без денег обойтись нельзя. «Ну, — говорит, — хорошо; прикажи списать с себя портрет, я его дочерям покажу — которая за тебя пойдёт?» Солдат повер-

нулся, велел списать с себя портрет — точь-в-точь как он есть, и послал его к царю.

У того царя было три дочери, призвал их отец, показывает солдатский портрет старшей: «Пойдёшь ли за него замуж? Он меня из великой нужды выведет». Царевна видит, что нарисовано страшилище, волосы всклокочены, ногти не выстрижены, сопли не вытерты! «Не хочу! — говорит. — Я лучше за чёрта пойду!» А чёрт откуда взялся — стоит позади с пером да с бумагой, услышал это и записал её душу. Спрашивает отец среднюю дочь: «Пойдёшь за солдата замуж?» — «Как же! Я лучше в девках просижу, лучше с чёртом повяжуся¹, чем за него идти!» Чёрт записал и другую душу. Спрашивает отец у меньшей дочери; она ему отвечает: «Видно, судьба моя такова! Иду за него замуж, а там что Бог даст!»

Царь обрадовался, послал сказать солдату, чтоб к венцу готовился, и отправил к нему двенадцать подвод за золотом. Солдат потребовал к себе чертёнка: «Вот двенадцать подвод — чтобы сейчас все были золотом насыпаны!» Чертёнок побежал в озеро, и пошла у нечистых работа: кто мешок тащит, кто два; живой рукой насыпали воза и отправили к царю во дворец. Царь поправился и начал звать к себе солдата почитай каждый день, сажал с собою за единый стол, вместе с ним и пил и ел. Вот, пока готовились они к свадьбе, прошло как раз пятнадцать лет: кончился срок солдатской службы. Зовёт он чертёнка и говорит:

² Свяжуся.

«Ну, служба моя покончилась: сделай теперь меня молодцом». Чертёнок изрубил его на мелкие части, бросил в котёл и давай варить; сварил, вынул и собрал всё воедино как следует: косточка в косточку, суставчик в суставчик, жилка в жилку; потом взбрызнул мёртвой и живой водою — и солдат встал таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Обвенчался он с младшею царевною, и стали они жить-поживать, добра наживать; я на свадьбе был, мёд-пиво пил, было у них вино — выпивал его по самое дно!

Прибежал чертёнок в озеро; потребовал его дедушка к отчёту: «Что, как солдат?» — «Отслужил свой срок верно и честно, ни разу не брился, не стригся, соплей не утирал, одёжи не переменял». Рассердился на него дедушка: «В пятнадцать лет, — говорит, — не мог соблазнить ты солдата! Что даром денег потрачено, какой же ты чёрт после этого?» — и приказал бросить его в смолу кипучую. «Постой, дедушка! — отвечает внучек. — За солдатскую душу у меня две записаны». — «Как так?» — «Да вот как: задумал солдат на царевне жениться, так старшая да средняя сказали отцу, что лучше за чёрта пойдут замуж, чем за солдата! Стало быть, они — наши!» Дедушка оправил чертёнка и велел его отпустить: знает-де своё дело!

ВОР

Жил-был старик со старухой; у них был сын по имени Иван. Кормили они его, пока большой вырос, а потом и говорят: «Ну, сынок, доселева мы тебя кормили, а нынче корми ты нас до самой смерти». Отвечал им Иван: «Когда кормили меня до возраста лет, то кормите и до уса». Выкормили его до уса и говорят: «Ну, сынок, мы кормили тебя до уса, теперь ты корми нас до самой смерти». — «Эх, батюшка, и ты, матушка, — отвечает сын, — когда кормили меня до уса, то кормите и до бороды». Нечего делать, кормили-поили его старики до бороды, а после и говорят: «Ну, сынок, мы кормили тебя до бороды, нынче ты нас корми до самой смерти». — «А коли кормили до бороды, так кормите и до старости!» Тут старик не выдержал, пошёл к барину бить челом на сына. Призывает господин Ивана: «Что ж ты, дармоед, отца с матерью не кормишь?» — «Да чем кормить-то? Разве воровать прикажете? Работать я не учился, а теперь и учиться поздно». — «А по мне как знаешь, — говорит ему барин, — хоть

воровством, да корми отца с матерью, чтоб на тебя жалоб не было!» Тем временем доложили барину, что баня готова, и пошёл он париться; а дело-то шло к вечеру. Вымылся барин, воротился назад и стал спрашивать: «Эй, кто там есть? Подать босовики¹!» А Иван тут как тут, стащил ему сапоги с ног, подал босовики; сапоги тотчас под мышку и унёс домой. «На, батюшка, — говорит отцу, — снимай свои лапти, обувай господские сапоги».

Наутро хватился барин — нет сапогов; послал за Иваном: «Ты унёс мои сапоги?» — «Знать не знаю, ведать не ведаю, а дело моё!» — «Ах ты, плут, мошенник! Как же ты смел воровать?» — «Да разве ты, барин, не сам сказал: хоть воровством, да корми отца с матерью? Я твоего господского приказу не хотел ослушаться». — «Коли так, — говорит барин, — вот тебе мой приказ: украдь у меня чёрного быка из-под плуга; уворуешь — дам тебе сто рублей, не уворуешь — влеплю сто плетей». — «Слушаю-с!» — отвечает Иван.

Тотчас бросился он на деревню, стащил где-то петуха, ощипал ему перья и скорей на пашню; подполз к крайней борозде, приподнял глыбу земли, положил под неё петуха, а сам за кусты спрятался. Стали плугатары вести новую борозду, зацепили ту глыбу земли и своротили на сторону; ощипанный петух выскочил и что сил было побежал по кочкам, по рытвинам. «Что за чудо из земли выкопали!» — закричали

¹ Башмаки (туфли), надеваемые на босую ногу.

плугатары и пустились вдогонку за петухом. Иван увидел, что они побежали как угорелые, бросился сейчас к плугу, отрубил у одного быка хвост да воткнул другому в рот, а третьего отпряг и увёл домой.

Плугатары гонялись-гонялись за петухом, так и не поймали, воротились назад: чёрного быка нет, а пёстрый без хвоста. «Ну, братцы, пока мы за чудом бежали, бык быка съел; чёрного-то совсем сожрал, а пёсттому хвост откусил!» Пошли к барину с повинною головою: «Помилуй, отец, бык быка съел». — «Ах вы, дурачье безмозглое, — закричал на них барин, — ну где это видано, где это слыхано, чтоб бык да быка съел? Позвать ко мне Ивана!» Позвали. «Ты быка украл?» — «Я, барин». — «Куда же ты девал его?» — «Зарезал; кожу на базар снёс, а мясом стану отца да мать кормить». — «Молодец, — говорит барин, — вот тебе сто рублей. Но украдь же теперь моего любимого жеребца, что стоит за тремя дверями, за шестью замками; уведёшь — плачу двести рублей, не уведёшь — влеплю двести плетей!» — «Изволь, барин, украду».

Вечером поздно забрался Иван в барский дом; входит в переднюю — нет ни души, смотрит — висит на вешалке господская одёжа; взял барскую шинель да фуражку, надел на себя, выскочил на крыльцо и закричал громко кучерам и конюхам: «Эй, ребята! Оседлать поскорей моего любимого жеребца да подать к крыльцу». Кучера и конюхи признали его за барина, побежали в конюшню, отперли шесть замков, отворили трое дверей, вмиг всё дело исправили и

подвели к крыльцу осёдланного жеребца. Вор сел на него верхом, ударил хлыстиком — только и видели!

На другой день спрашивает барин: «Ну, что мой любимый жеребец?» А он ещё с вечера выкраден. Пришлось посылать за Иваном. «Ты украл жеребца?» — «Я, барин». — «Где ж он?» — «Купцам продал». — «Счастлив твой бог, что я сам украсть велел! Возьми свои двести рублей. Ну, украдь же теперь керженского¹ наставника». — «А что, барин, за труды положишь?» — «Хочешь триста рублей?» — «Изволь, украду!» — «А если не украдёшь?» — «Твоя воля; делай, что сам знаешь».

Призвал барин наставника. «Берегись, — говорит, — стой на молитве всю ночь, спать не моги! Ванька-вор на тебя похваляется». Перепугался старец, не до сна ему, сидит в келье да молитву твердит. В самую полночь пришёл Иван-вор с рогозиным² кошелём и стучится в окно. «Кто ты, человече?» — «Ангел с небеси, послан за тобою унести живого в рай; полезай в кошель». Наставник сдуру и влез в кошель; вор завязал его, поднял на спину и понёс на колокольню. Тащил-тащил. «Скоро ли?» — спрашивает наставник. «А вот увидишь! Сначала дорога хоть долга, да гладка, а под конец коротка, да колотлива».

Втащил его наверх и спустил вниз по лестнице; больно пришлось наставнику, пересчитал все ступеньки! «Ох, — говорит, — правду сказывал ангел: перед-

¹ Раскольничий.

² Из рогожи.

няя дорога хоть долга, да гладка, а последняя коротка, да колотлива! И на том свете такой беды не знавал!» — «Терпи, спасён будешь!» — отвечал Иван, поднял кошель и повесил у ворот на ограду, положил подле два берёзовых прута толщиной в палец и написал на воротах: «Кто мимо пройдёт да не ударит по кошелью три раза — да будет анафема проклят!» Вот всякий, кто ни проходит мимо, — непременно стегнёт три раза. Идёт барин: «Что за кошель висит?» Приказал снять его и развязать. Развязали, а оттуда лезет керженский наставник. «Ты как сюда попал? Ведь говорил тебе: берегись, так нет! Не жалко мне, что тебя прутьями били, а жалко мне, что из-за тебя триста рублей даром пропали!»

ВАСИЛИСА ПОПОВНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Василий-поп. У него была дочь Василиса Васильевна. Одевалась она в мужское платье, ездила верхом на лошади, стреляла из ружья и всё делала совсем не по-девичьи, так что очень немногие знали, что она — девушка, а думали, что она — мужчина, и звали её Василием Васильевичем; а больше потому, что Василиса Васильевна была охоча до водки; а это, знашь, девушкам совсем не к лицу. Вот единова царь Бархат (так звали царя той стороны) поехал поохотиться за дичинкой, и ему навстречу попалась Василиса Васильевна. Ехала она верхом в мужской одежде тоже за охотой. Царь Бархат, увидав её, спрашивает у своих слуг: «Кто это такой молодой человек?» Один слуга ему и отвечает: «Это ведь, царь, не мужчина, а девушка; мне доведомо известно, что это дочь попа Василия и что зовут её Василисой Васильевной».

Лишь только царь Бархат воротился до двора, тотчас написал к попу Василию грамотку, чтобы он своего сына Василия Васильевича отпустил к нему в

гости отведа́ть царского стола. А между тем сам пошёл к бабушке-задво́ренке-ягинишне и давай её выпытывать, как бы узнать, что Василий Васильевич точно девушка. Бабушка-задво́ренка-ягинишна и говорит ему: «Ты по праву-то руку в палате своей повесь пята¹, а по леву-то руку ружья; если она точно Василиса Васильевна, то, когда взойдёт в палату, прежде всего хватится за пята, а если — Василий Васильевич, то за оружия». Царь Бархат послушался бабушку-задворенку-ягинишну и велел своим слугам поставить в палату пята и развесить ружья.

Как только грамотка царская дошла до отца Василия и он показал её своей дочери, тотчас Василиса Васильевна пошла на конюший двор, оседлала для себя коня сивого, коня сивого-сивогривого, и прямо бух к царю Бархату на двор. Царь Бархат её встречает; она по-учтивому Богу молится, по-писаному крест кладёт, на все четыре сторонушки поклон отдаёт, с царём Бархатом ласково здоровается и входит с ним в царские палаты. Сели вместе за стол и давай пить питья пьяные и есть яствы сахарные. После обеда Василиса Васильевна стала с царём Бархатом по палатам разгуливаться и как только увидела пята, то и учала царя Бархата осуждать: «Что то, — говорит, — такое у тебя, царь Бархат, за дрянь? У моего батюшки этакого девичья шелепетья и видом не видать и слухом не слышать, а у царя Бархата девичье шелепетье в палатах висится!» Потом она с царём Барха-

¹ Пяльцы.

том по-учтивому распростилась и поехала домой. Царь не мог изведать, что она точно девушка.

Этак дня через два, не больше, царь Бархат посылает опять к попу Василию грамотку и просит его отпустить к нему своего сына Василия Васильевича. Тотчас, как только Василиса Васильевна услышала об этом, пошла на конюший двор, оседлала для себя коня сивого, коня сивого-сивогривого, и пахнула¹ прямо к царю Бархату на двор. Царь Бархат её встречает. Она с ним ласково здоровается, по-учтивому Богу молится, по-писаному крест кладёт, на все четыре сторонушки поклон отдаёт. Царь Бархат по наказу бабушки-задворенки-ягинишны велел к ужину сварить кашу и начинить её жемчугом; вишь, бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то жемчуг будет в горсточку класть, а если Василий Васильевич, то под стол кидать.

Вот подошло время и ужинать. Сел царь за стол, а Василису Васильевну посадил по праву руку, и стали они пить питья пьяные и есть яствы сахарные. После всего подали кашу, и как только Василиса Васильевна её хлебнула и попалась ей жемчужина, она швырк её под стол вместе с кашею и учала царя Бархата осуждать. «Что это, — говорит, — за дрянь такая в каше наложена? У моего батюшки этакое девичья шелепетья и видом не видать и слыхом не слышать, а у царя Бархата девичье шелепетье в кушанье кладут!» Потом она с царём Бархатом по-учтивому распрости-

¹ Прискакала.

лась и поехала домой. Царь опять не мог изведать, что она точно девушка; а ведь это больно ему хотелось.

Дня через два царь Бархат по наказу бабушки-задворенки-ягинишны велел истопить баню; вишь, бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то в баню вместе с царём не пойдёт. Истопили баню.

Опять царь Бархат пишет к попу Василию грамотку, чтобы он своего сына Василия Васильевича в гости к нему отпустил. Как только Василиса Васильевна узнала об этом, тотчас пошла на конюший двор, оседлала своего коня сивого, коня сивого-сивогривого, и прямо бухнула к царю Бархату на двор. Царь её встречает на парадном крылечке. Она с ним ласково здоровается и входит по бархатному коврику в палаты; взошед в оные, по-учтивому Богу помолилась, пописаному перекрестилась, на все четыре сторонушки низёхонько поклонилась; села с царём Бархатом за стол и стала с ним пить питья пьяные и есть яствы сахарные.

После обеда царь и говорит: «Не в угоду ли, Василий Васильевич, со мной в баньку сходить?» — «Извольте, ваше царское величество, — отвечает Василиса Васильевна, — я давным-давно в бане не бывал и больно охоч париться». Вот они и пошли вместе в баню. Поколось царь Бархат разоблакался в передбанке, она в ту пору успела искупаться, да и была такова. Царь не мог и в бане её захватить. Василиса Васильевна, вышед из бани, писала меж тем к царю писуль-

ку и велела слугам отдать ему, когда он сам выйдет из бани. А в этой писульке было написано: «Ах ты ворона, ворона, царь Бархат! Не умела ты, ворона, сокола в саду соймасть! А я ведь не Василий Васильевич, а Василиса Васильевна». Вот наш царь Бархат и остался на бобах: вишь, какая Василиса-то Васильевна была мудрая, да и лепообразная!

СНЫ

Жил-был бедный мужик, с женой и детьми; в одну ночь приснился ему такой сон: будто под печкою в ихней избе лежит большой медведь. Поутру стал рассказывать свой сон жене; она говорит: «Ах, хозяин, ведь и мне такой же сон был». Дети говорят: «Ах, батюшка, ведь и мы то же самое во сне видели». Задумался мужик: «Недаром всем одно приснилось — сон вещий, да что он пророчит: к беде али к счастью?» Думал, думал и решил ехать к колдуну Асону, который один на всё царство сны судит.

Едет он деревнею, а навстречу ему мальчик: «Дяденька, покатай меня». — «Проваливай! Не до тебя!» — «Дяденька, покатай, я тебе доброе слово скажу. Ведь я знаю, куда ты едешь. Ты едешь к Асону посудить сону». Мужик удивился: «Вишь, — говорит, — какой хитрый народился. Садись на телегу!» Посадил мальчика на телегу, прокатил его по деревне, выехал за околицу и спустил наземь. «Спасибо, дядюшка!» — говорит мальчик, — смотри же: будет у тебя Асон торговать твой сон, не продавай ему дёшево: бери

сто тысяч. А спросит: кто тебя научил — ты молчи, на меня не показывай».

Вот приехал мужик к Асону: «Так и этак, — говорит, — приснилось мне ночью, будто под печкою лежит большущий медведь, рассуди, что этот сон значит?» Колдун бросился смотреть по своим книжкам, посмотрел и затрясся от радости: «Послушай, мужичок, продай мне этот сон!» — «Пожалуй, отчего не продать?» — «Что тебе дать за него?» — «Давай сто тысяч». — «Ах ты, сукин сын, — закричал на мужика Асон и ногами затопал, — что мне в твоём сне — много ли корысти? Хочу пособить тебе при бедности; а он, дуралей, вишь какую цену заломил!» — «Как знаешь, а меньше ни единой копейки не возьму».

Спорили-спорили, ругались-ругались; нечего делать, видит колдун, что мужика не переспоришь, да и цена-то средняя: хоть и сто тысяч заплатить, всё другое сто в барышах останется. Насыпал мужику два больших воза деньгами; а наутро приехал к нему на деревню с четырьмя возами. Разломал печь, а там серебра да золота видимо-невидимо. Еле-еле на четырёх подводах уложил. Стал в путь собираться и говорит хозяевам: «Послушай, мужичок, скажи, кто тебя научил запросить за твой сон так дорого? Ведь сам ты ни за что б не догадался?» — «Нет, брат, этого не скажу». — «Скажи, вот тебе пять тысяч на прибавку». Мужик тотчас польстился на деньгу и выдал мальчика. После попрощались; колдун домой поехал, а мужик разбогател и зажил себе припеваючи — купчески.

На другой день Асон нарядился словно барин, запряг заводских лошадей, сел в коляску и катит прямо на двор к родителям того мальчика, что мужика научил. Приезжает и говорит: «Нельзя ли отдохнуть маленько?» — «Отчего нельзя, отдыхай». Вошёл в избу, пошли те, другие разговоры. «Это чей мальчик спит?» — «Мой сын», — говорит старик. «Послушай, старик, мне твой сынок полюбился. Вижу я — ты живёшь при бедности, а у меня и золота, и всякого имения, чего только душа просит — всего вдоволь. Только детей Бог не дал. Отдай мне мальчика, я ему вместо отца буду, в люди выведу и тебя со старухой награжу деньгами и хлебом». Старик со старухой помялись, помялись и согласились, продали сына за десять тысяч.

Асон взял его сонного, положил в повозку и повёз к себе. Приехал домой; мальчик проснулся, смотрит, где это он очутился? «Что глаза-то вылупил? Чай, знаешь, зачем привёз тебя...» — «Как не знать, — отвечает мальчик, — затем, чтобы с молодой женой твоей спать». — «Вот, брат, не угадал!» — сказал колдун, зло улыбнулся и крикнул: «Позвать ко мне повара». Повар пришёл; он и говорит ему на ухо: «Возьми этого мальчишку, нарежь, вынь из него сердце, изжарь и принеси ко мне». Повар привёл мальчика на кухню, достал широкий нож и принялся точить на камне. «Эх, дядя, — говорит мальчик, — ведь я знаю, для чего ты нож точишь». — «А для чего?» — «Да хочешь меня зарезать». — «Правда твоя!» — «Послушай, дядя, пожалей меня — отпусти на волю: тебя Бог

наградит». — «Я б отпустил тебя, да ведь хозяин у меня хитёр; сейчас узнает». — «Не бойся, не узнает. Есть у вас на дворе супоросая свинья, поди-ка, спроси у хозяина, сколько она поросят принесёт? Он и этого не разгадает».

Повар пошёл к Асону, спросил про свинью, воротился и говорит: «Хозяин рассказывает, что двенадцать поросят будет» — «Вот и не узнал: ваша свинья уже опоросилась — принесла тринадцать». Повар побежал, справился: как раз тринадцать. «Правда твоя», — говорит мальчику. «Ну, так отпусти ж меня на вольный свет, а тринадцатого поросёнка зарежь, вынь из него сердце, зажарь и снеси хозяину». Повар так и сделал. Понёс поросёнье сердце, только переступил порог — и уронил блюдо. Кобель подхватил и съел сердце. «Ну, пёс его бери!» — сказал колдун. А мальчик вышел на большую дорогу и, долго ли, коротко ли, пришёл в столичный город. Остановился у гостинных рядов, да на знатные заморские товары любитесь. Увидел его купец и взял к себе за приказчика. С того самого времени пошла у купца торговля широкая, покупатели так и валят в лавку, просто отбою нет. Успевай только деньги брать. Время идёт, мальчик растёт да растёт, вырос и сделался таким молодцем да красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать.

В один день поехала молодая Асонова жена в гостинные ряды за покупками; зашла в самую богатую лавку, увидела этого приказчика и сразу влюбилась в него. Набрала целый ворох всяких товаров и говорит: «Послушай, добрый молодец. Со мной денег не случи-

лось; потрудись сегодня вечером ко мне в дом побывать, я там-то живу». — «Извольте, сударыня». Вечером приехал к ней за деньгами; она тотчас ухватила его за белые руки, повела в свою спальню, стала целовать-миловать, нежно к сердцу прижимать; уложила его на мягкую постель вместе с собой: «Ну, — говорит, — придвинься ко мне плотней, будет нам теплей!» Тут они и слюбились, и стали часто друг к другу наезжать, вместе ночи коротать.

Прошло с год времени, приснился царю этой земли такой сон: будто стоит в его палатах драгоценная золотая чарка, а в той чарке один край выломился. Встал царь поутру и думает: что бы этот сон значил? Сейчас посылает он за колдуном Асоном. «Ну-ка, Асон, рассуди мой сон!» Колдун бросился смотреть по своим книгам, искал-искал — нет, не может разгадать царского сна. Царь рассердился и назначил ему три дня сроку: «Коли не разгадаешь, прикажу тебя казнить». Три дня прошло, повели Асона на площадь и повесили на виселице.

После того разослал царь указы по всей земле: «Коли кто разгадает этот сон, тому пожалует половину своего царства». Услыхал про то молодой приказник, явился к царю поздним вечером и говорит: «Ваше величество! Я могу ваш сон разгадать». — «Ну, разгадай. Скажешь правду — половину царства пожалую, а соврёшь — то мой меч, твоя голова с плеч». — «Есть, — говорит, — у вашего величества три дочери; скажите, которую царевну вы больше любите, больше жалуете?» — «Все три, — отвечает царь, — мне дороги, а

больше всех люблю и жалую меньшую царевну: нет её на свете дороже». — «Ну, так пойдёмте к ней в спальню — там будет разгадка». Пришли к царской спальне, смотрят, дверь заперта. Царь постучался: «Отопри-ка, дочка». — «Ах, батюшка! Я уж спать легла». — «Ничего, отопри». — «Да я не одета». — «Отопри, не то велю дверь выломать!»

Царевна отперлася: входит царь с приказчиком в спальню. Приказчик тотчас подбежал к мамке. Оказывается мамка — мужчина. Царь отдал этому приказчику половину своего царства, царевну наказал, мамку казнил, а о том, что было, велел втайне хранить, лишнего никому не говорить. Приказчик сделался сам царём, женился на Асоновой вдове, разбогател и стал жить-поживать, добра наживать, лиха избывать.

РАССКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХ

В стародавние годы жили-были в одной деревне два молодых парня; жили они дружно, вместе по беседам ходили, друг друга за родного брата почитали. Сделали они между собой такой уговор: кто из них станет вперёд жениться, тому звать своего товарища на свадьбу; жив ли он будет, помрёт ли — всё равно. Через год после того заболел один молодец и помер; а спустя несколько месяцев задумал его товарищ жениться. Собрался со всем сродством своим и поехал за невестою. Случилось им ехать мимо кладбища; вспомнил жених своего приятеля, вспомнил старый уговор и велел остановить лошадей. «Я, — говорит, — пойду к своему товарищу на могилу, попрошу его к себе на свадьбу погулять; он был мне верный друг!»

Пошёл на могилу и стал звать: «Любезный товарищ! Прошу тебя на свадьбу ко мне». Вдруг могила растворилась, покойник встал и вымолвил: «Спасибо тебе, брат, что исполнил своё обещание! На радостях взойди ко мне; выпьем с тобой по стакану сладкого вина». — «Зашёл бы, да поезд стоит, народ дожидает-

ся». Покойник отвечает: «Эх, брат, стакан ведь недолго выпить». Жених спустился в могилу; покойник налил ему чашу вина, он выпил — и прошло целое столетие. «Пей, милый, ещё чашу!» Выпил другую — прошло двести лет. «Ну, дружище, выпей и третью да ступай с богом, играй свою свадьбу!» Выпил третью чашу — прошло триста лет.

Покойник простился с своим товарищем; гроб закрылся, могила заровнялась. Жених смотрит: где было кладбище, там стала пустошь; нет ни дороги, ни сродников, ни лошадей, везде поросла крапива да высокая трава. Побежал в деревню — и деревня уж не та; дома иные, люди все незнакомые. Пошёл к священнику — и священник не тот; рассказал ему, как и что было. Священник начал по книгам справляться и нашёл, что триста лет тому назад был такой случай: в день свадьбы отправился жених на кладбище и пропал, а невеста его вышла потом замуж за другого.

ИВАН КУПЕЧЕСКИЙ СЫН ОТЧИТЫВАЕТ ЦАРЕВНУ

В некотором государстве жил-был купец, у него был сын Иван. Выучился Иван грамоте и нанялся к одному богачу в работники; пожил у него три года, получил за всё это время жалованье и собрался домой. Идёт он дорогою, а навстречу ему нищий плетётся — и хром, и слеп, и просит святой милостыньки Христа ради. Купеческий сын отдал убогому все заработанные деньги и пришёл домой ни с чем; а тут несчастье — отец помер, надо хоронить да долги платить. Кое-как сбился, управился с делами и принялся за торг. Вскоре прослышал он, что два его дяди нагружают корабли товарами и хотят за море ехать. «Дай, — думает, — и я поеду! Авось дяди возьмут меня с собою». Пошёл к ним проситься. Дяди обещали. «Приходи, — говорят, — завтра!», а назавтра чуть свет распустили паруса и уехали одни, без племянника.

Иван запечалился; говорит ему мать: «Не кручинься, сынок! Ступай на рынок, найми себе приказчика — только постарей выбирай; старые люди — бывалые, на всё догадливые. Как наймёшь приказчика, изготовь

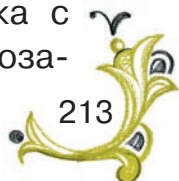
корабль, и поезжайте вдвоём за море. Бог не без милости!» Иван купеческий сын послушался, побежал на рынок, а навстречу ему седой старичок: «Куда спешишь, добрый молодец?» — «Иду, дедушка, на рынок, хочу нанять приказчика». — «Найми меня!» — «А что возьмёшь?» — «Половину барыша». Купеческий сын согласился и принял старика в приказчики. Изготовили они корабль, нагрузили товарами и отвалили от берега; ветер был попутный, корабль ходкий, и прибыл Иван в чужестранное государство в то самое время, как дядины корабли в пристань входили.

В том государстве обмерла у царя дочь; вынесли её в церковь и каждую ночь посылали к ней по одному человеку на съедение. Много народу погибло; этак, думает царь, пожалуй, и царство моё не устоит, и выдумал: вместо своих людей посылать к дочери приезжих из иных земель; какой бы купец ни явился у пристани — должен наперёд перебыть ночь в церкви, а потом, коли уцелеет, — может и покупать, и продавать, и назад ехать. Вот новоприезжие купцы сошлись на пристани и стали судить да рядить, кому прежде в церковь идти. Кинули жребий, и доставалось: на первую ночь идти старшему дяде, на вторую ночь — младшему дяде, а на третью ночь — Ивану купеческому сыну. Дядя испугался и давай просить своего племянника: «Голубчик Ванюшка! Переночуй за нас в церкви; что хочешь — то и возьми за услугу, спорить не будем». — «Постойте, я спрошусь у дедушки». Пошёл к старику: «Так и так, — говорит, — дяди пристают, просят за них потрудиться; как ты, дедушка,

присоветуешь?» — «Ну что ж — потрудись; только пусть они за то по три корабля тебе дадут». Иван купеческий сын передал эти слова своим дядюшкам, они согласились: «Ладно, Ваня! Шесть кораблей — твои».

Когда наступил вечер, старичок взял Ивана за руки, привёл в церковь, поставил возле гроба и начертил круг: «Стой крепко, из-за черты не выходи, читай псалтырь и ничего не бойся!» Сказал и ушёл; Иван купеческий сын остался один в церкви, развернул книгу и начал псалмы читать. Как только пробило двенадцать часов — подымается крышка с гроба, встаёт царевна и подходит прямо к черте: «Я тебя съем!» — грозит, рвётся вперёд, кричит на разные голоса, и по-собачьи и по-кошачьи, а переступить черты не может. Иван читает, на неё не смотрит; вдруг петухи запели, и царевна бросилась в гроб как попало; её платье через край повисло. Поутру посылает царь своих прислужников: «Ступайте в церковь, приберите кости». Прислужники отперли двери, заглянули в церковь — а купеческий сын стоит живой перед гробом да всё псалтырь читает.

На другую ночь было то же самое; а на третий день вечером взял его старик за руку, привёл в церковь и говорит: «Как только ударит двенадцать часов, ты не мешкая полезай на хóры; там стоит большой образ Петра-апостола, стань позади его — ничего не бойся!» Купеческий сын принялся за псалтырь; читал-читал; ровно в двенадцать часов видит — крышка с гроба подымается; он поскорей на хóры и стал поза-

ди большого образа Петра-апостола. Царевна выско-
чила да за ним; прибежала на хоры, искала-искала,
все углы обошла — не могла найти. Подходит к обра-
зу, глянула на лик святого апостола и задрожала;
вдруг от иконы глас раздался: «Изыди, окаянный!»
В ту же минуту злой дух оставил царевну, пала она
перед иконою на колени и начала со слезами молить-
ся. Иван купеческий сын вышел из-за образа, стал с
нею рядом, крестится да поклоны кладёт.

Поутру приходят в церковь царские прислужники,
смотрят — Иван купеческий сын и царевна стоят на
коленях и Богу молятся; тотчас побежали и доложили
царю. Царь обрадовался, поехал сам в церковь, при-
вёз царевну во дворец и говорит купеческому сыну:
«Ты мою дочь и всё царство избавил; возьми её за
себя замуж, а в приданое жалую тебе шесть кораблей
с дорогими товарами». На другой день их перевенча-
ли; весь народ пировал на свадьбе — и бояре, и куп-
цы, и простые крестьяне. Через неделю после того
собрался Иван купеческий сын домой ехать; распрос-
тился с царём, взял молодую жену, сел на корабль и
велел выходить в море. Бежит его корабль по морю,
а вслед за ним двенадцать других плывут; шесть ко-
раблей, что царь подарил, да шесть кораблей, что у
дядей выслужил.

На половине пути говорит старичок Ивану купе-
ческому сыну: «Когда ж станем барыши делить?» —
«Хоть сейчас, дедушка! Выбирай себе шесть кораблей,
какие полюбятся». — «Это не всё; надо и царевну по-
делить». — «Что ты, дедушка, как её делить?» — «Да

вот разрублю надвое: тебе половина да мне половина». — «Бог с тобой! Этак она никому не достанется; лучше бросим жребий». — «Не хочу, — отвечает старик, — сказано — барыши пополам, так тому и быть!» Выхватил меч и рассек царевну надвое — поползли из неё разные гады и змеи. Старик перебил всех гад и змей, сложил царевнино тело, взбрызнул раз святою водою — тело срослось, взбрызнул в другой — царевна ожила и сделалась краше прежнего. Говорит тогда старик Ивану купеческому сыну: «Бери себе и царевну и все двенадцать кораблей, а мне ничего не надо; живи праведно, никого не обижай, нищую братию наделяй да молись святому апостолу Петру». Сказал и исчез. Купеческий сын воротился домой и жил с своею царвною долго и счастливо, никого не обижал и бедным завсегда помогал.

КРЕСТ — ПОРУКА

В одном было городе — жили два купца по самый край речки: один русский, а другой татарин; оба были богатые люди. Только русский по каким-то торговым делам обанкрутился, так что у него не осталось ничего из пожитков; всё описали и обобрали. Нечего было делать русскому купцу — остался гол как сокол; пошёл к своему приятелю татарину и просит у него займы денег. Татарин говорит: «Давай поручителя!» — «А кого ж я тебе дам, когда у меня нет никого? Ну да стой, вот тебе порука — на церкви животворящий крест!» — «Хорошо, друг! — говорит татарин.— Я кресту вашему поверю; для меня всё равно, что ваша вера, то и наша». И дал русскому купцу пятьдесят тысяч рублей. Русский взял деньги, распростился с татаринном и отправился опять торговать по разным местам.

Через два года на эти пятьдесят он нажил сто пятьдесят тысяч рублей, и случилось ему с товаром плыть по Дунай-реке из одного места в другое; вдруг поднялась буря, так и хочет судно потопить. Тут купец и вспомнил, что брал деньги и давал в поручители

животворящий крест, а долгу не заплатил: так, верно, оттого и буря поднялась! Только подумал это, как стала буря утихать. Купец взял бочонок, отсчитал пятьдесят тысяч рублей, написал к татарину записку, положил её вместе с деньгами в бочонок и бросил тот бочонок в воду, думая про себя: «Когда я давал в поручители крест, так он и доставит!»

Бочонок тотчас же на дно пошёл; все так и думали, что деньги потеряются. Что же случилось? Жила у татарина русская стряпка. Вот однажды случилось ей идти на реку за водой; приходит и видит — плавает бочонок; побрела по воде и давай его хватать — не тут-то было! Она к бочонку, а бочонок от неё; она от бочонка к берегу, а бочонок за ней плывет. Так она билась-билась немалое время, пошла домой и рассказала про то своему хозяину. Он сначала было ей не поверил, а потом сам решился идти на реку и посмотреть, что за бочонок такой там плавает. Приходит туда — бочонок, точно, плавает, и недалеко от берега. Татарин снял с себя одежду, зашёл в воду, и только что побрёл, как бочонок сам к нему подплывает; взял татарин бочонок, принёс домой и раскупорил; заглянул, а в бочонке деньги лежат, наверху денег записка виднеется. Взял он — прочитал записку, а в ней вот что говорилось: «Любезный друг! Возвращаю тебе пятьдесят тысяч рублей, которые когда у тебя занимал, то давал тебе в поручители животворящий крест».

Татарин прочитал и удивился силе животворящего креста; пересчитал деньги: все ли налицо? Деньги

оказались все сполна. Меж тем русский купец, поторговавши лет с пяток, нажил порядочный капиталец; приезжает в своё место и, думая, что бочонок его пропал, за первый долг поставил рассчитаться с татаринном; приходит он к нему и отдаёт занятые деньги. Тогда татарин рассказал купцу всё, что было, и как он поймал на реке бочонок с деньгами и с запиской; показал ему эту записку и спросил: «Точно ли это твоей руки?» Тот отвечал: «Точно, моей». Все подивились чудному явлению, и татарин сказал: «Так мне, брат, не нужно с тебя других денег получать; неси-ка их назад». Русский купец отслужил Богу благодарственный молебен; а татарин на другой же день крестился со всем своим семейством. Русский купец был у него крёстным отцом, а стряпка — крёстною матерью. После того жили они оба долго и счастливо; прожили до глубокой старости и скончались в мире.

КАКОВ Я!

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик, такой плутоватый, что боже упаси! Стибрил где-то сотню рублёв и убежал из своей деревни. Шёл-шёл и выпросился переночевать у попа: «Ступай, — говорит поп, — ты у нас места не пролежишь». Пришёл мужик, разделся и лёг на лавке. Вздумалось ему пересчитать деньги, вынул и давай считать. Поп увидал, что мужик считает деньги — а на это они чутки, — и думает: «Ишь, ходит оборванцем, а денег какая пропасть. Дай-ко напою его пьяным да и оберу». Вот поп немного погодя подошёл к мужику и говорит: «Пойдём, свет, к нам ужинать». Мужик обрадовался: «Спасибо, батюшка!» Сели ужинать; поп поставил вина и давай его наливать: так поштует — просто отдыха не даёт. Мужик напился пьян и свалился на пол, поп сейчас вытащил у него из кармана деньги, припрятал к себе, а мужика уложил на лавку.

Наутро проспался мужик, глядь, а в кармане пусто; смекнул в чём дело, да что возьмёшь: коли просить на попа — так станут спрашивать: откуда деньги взял и сам откуль пришёл; ещё беды наживёшь. Так

мужик и ушёл, таскался кое-где месяц, другой и третий, а там и думает себе: «Чай поп теперь меня позабыл; оденусь-ка так, чтобы не признал меня, да пойду к нему за старое отплатить». Пришёл к попу в избу; а попа на ту пору дома не случилось, одна попадья сидела. «Пусти, матушка, переночевать к себе». — «Пожалуй, иди». Он вошёл в избу и уселся на лавке. «Как зовут, свет? Откуда идёшь?» — «Какофием, матушка, иду издавеча на богомолье».

На столе у попа лежала книга. Вот мужик взял, переворачивает листы да губами бормочет, будто читает, а потом как заплачет. Попадья и спрашивает: «О чём, свет, плачешь?» — «Как мне не плакать? В Святом-то Писании писано, что кому за какие грехи будет, а мы, грешные, столько творим нечестивого, что не ведаю, матушка, как ещё Бог грехам-то терпит?» — «А ты, свет, научен грамоте?» — «Как же, матушка, насчёт этого дела я не обижен от Бога». — «А петь по-дьячковски умеешь?» — «Умею, матушка, умею. С малых лет учился: весь церковный устав знаю». — «А у нас, свет, дьячка нету; уехал отца хоронить; не поможешь ли батьке завтра обедню отслужить?» — «Хорошо, матушка! Отчего не помочь?»

Приехал поп, попадья ему всё рассказала. Поп тому и рад, угостил мужика как можно лучше. Наутро пришёл с мужиком в церковь и начал служить обедню. Только мужик стоит на крылосе и молчит себе. Поп закричал на него: «Что же ты стоишь молча, а не поёшь?» А мужик ему: «Пожалуй, я и сяду, коли стоять не велишь». И сел... Поп опять кричит: «Что же ты

сидишь, а не поёшь?» — «Пожалуй, я и лягу». И развалился на полу. Поп подошёл и выкурил его из церкви, а сам остался обедню доканчивать. Мужик пришёл к попу на двор. Попадья спрашивает: «Что, отслужили обедню?» — «Отслужили, матушка!» — «А где же батяка?» — «Он в церкви остался: надо хоронить покойника. А меня послал к тебе взять новый тулуп, сукном крытый, да бобровую шапку, идти далеко, дак он хочет потеплей одеться». Попадья пошла за тулупом и шапкою. А мужик зашёл в избу, снял свою шапку, нагадил в неё и положил на лавку, а сам взял поповский тулуп с бобровою шапкою и драла.

Поп отслужил обедню и приходит домой. Попадья увидала, что он в старом тулупе, и спрашивает: «Где ж новый тулуп-то?» — «Какой?» Ну тут рассказали друг дружке про мужика и узнали, что мужик-то их обманул. Поп сгоряча схватил шапку, надел на голову и побежал по деревне искать мужика, а из шапки так и плывет по роже: весь обгадился. Подбежал к одной избе и спрашивает хозяина: «Не видал ли Какофья?» — «Вижу, батюшка, каковы! Хорош!» Кого ни спросит — все ему одно отвечают. «Какие дураки, — говорит поп, — им одно толкуешь, а они тебе другое!» Бегал, бегал, всю деревню обегал, а толку не добился. «Ну, думает, что с воза упало, то пропало»... Тем сказка и кончилась.

ПАХОМ

Помер в селе поп, оставался один дьякон; худо ему стало без попа, доходу нет ни копейки, а жить надо; и задумал он поставить какого-нибудь мужика за попа. В одно время пошёл он искать, не согласится ли кто на селе быть попом. Идёт дорогою, повстречался с ним мужик.

«Здравствуй, мужичок!» — «Здорово, дьячок!» — «Как тебя звать?» — «Пахом». — «Ну, ты будешь у нас попом». — «Да я грамоте не умею» — «Ничего, я тебя научу, что говорить надобно».

Мужик согласился. Пришли они в село; дьячок объявил его прихожанам: «Вот-де вам поп новый поставлен». Дождались праздника, зазвонили к обедне. Мужик оделся в поповские ризы и затянул в алтаре нараспев: «Во время оно шёл дьячок, навстречу ему мужичок. — Здравствуй, мужичок! — Здравствуй, дьячок! — Как тебя звать? — Меня зовут Пахом! — Ну, будь у нас ты попом!» А дьячок знай подхватывает: «Господи, помилуй!» Православные слушают да поклоны бьют.

Вот так-то и пошло дело у них на лад. Только через год, через два случилось в то село заехать архие-

рею; приказал он попу служить обедню и певчих своих на крылосе поставил. Пахом оделся в ризы и затянул по-прежнему: «Во время оно шёл дьячок, навстречу его мужичок. — Здравствуй, мужичок! — Здравствуй, дьячок! — Как тебя звать? — Меня зовут Пахом! — Ну, будь ты попом! — Я грамоте не учён! — Не в грамоте дело; говори: архиерею будет четверня лошадей, а певчим пятьсот рублей». Архидьякон услышал, что ему сулят лошадей, да всю обедню и прослушал молча; а как отошла обедня, взял четверню и пятьсот рублей на певчих и уехал куда надо, а мужика Пахома похвалил за усердие: он и теперь ещё служит.

ПОП-ВОРОЖЕЙКА

Жил-был поп, по прозванию Жаворонок; а при нём дьячок находился: оба горькие пьяницы. Овдовел и поп, овдовел и дьячок, и начали ещё больше прежнего пить горькую. Пропили сначала дьячково имение, а после промотали и батьково. Не на что стало опохмелиться. Говорит поп дьячку: «Возьми, свет, с крылоса церковные книги; заложим в кабак, а после, как поправимся, — назад выкупим». Дьячок сейчас сграбастал книги, заложил в кабак и кутнули с попом на славу. Наутро голова трещит, надо бы опохмелиться — да опять не на что! Как быть? Откуда достать? «Погоди, свет, — говорит поп, — что ни будет, а я свои ризы заложу, дак ещё с тобой погуляем». Заложили ризы и тут же пропили с дьячком все деньги.

Вот так-то они в две недели все церковные вещи обработали; всё в кабак пошло.

Приходит воскресенье, а попу и обедни отслужить нельзя: нет ни одной книги, ни одной ризы — не во что и одеться. «Что нам делать, дьяче?» — «Не знаю, батюшка. Что вам угодно, то и делайте; ведь с вас,

не с меня спросят». — «Ну, я вот больным скажусь; пускай люди знают, что оттого обедни нет, что поп заболел».

Прошло одно воскресенье, и другое, и третье, а до церкви всё не звонят. Люди поговаривают: «Батько крепко болен. Нельзя же нам быть без службы Божией, станем просить себе другого попа». Услыхал про то поп: «Ну, думает, это дело неладно. Ещё, чёрт возьми, коли наедет иной священник да увидит, что у нас в церкви дочиста обработано, так мне за это достанется; неровен час и в Сибирь угодишь. Надо выдумывать, как бы поправиться». Призывает поп дьячка: «Что, свет, дело-то наше плохо. Умели мы гулять, надо суметь и поправиться». Дьячок в ответ: «Моё дело сторона, я ничего не ведаю, что хотите, то и делайте». — «Да ты слушай, что я стану сказывать». — «Сказывайте, батюшка». — «Вот что, дьяче. Ты ступай воровать, а я буду ворожить. Коли что украдёшь — мне прямо и сказывай, где спрячешь, а я буду отгадывать. Вот мы и поправимся». — «Ну, хорошо».

На их счастье в ту же ночь гнали через село гурт быков: дьячок отшиб одну пару и загнал в лес; приходит к попу: «Ну, батюшка, я пару быков украл». — «Куда ж девал?» — «А вот за селом в лесу к сосне привязаны». — «Ладно, свет. Завтра, когда станут быков искать, посылай ко мне ворожить».

Утром рано хватился купеческий приказчик быков, ходит по селу — везде ищет — нет нигде. «Что ты ищешь?» — спрашивает его дьячок. — «Да беда приключилась; нынешней ночью пропала из гурта пара

лучших быков. Не могу отыскать». — «Эх, почтенный! Да вы ступайте к нашему попу: он сейчас выворожит и вашему горю поможет. Хоть он теперь болен, ну, да коли вы получше заплатите, так ничего, — авось для вас потрудится. Он — старик добрый». — «Да я сотни рублёв не пожалею, только бы пропажа нашлась».

Пошёл приказчик к попу: «Здравствуйте, батюшка!» — «Здравствуй, свет! Что скажешь?» — «Я к вашей милости. Потрудитесь, батюшка, пособите моему горю». — «Какому, свет?» — «Пропала у меня пара быков, так поворожите». — «Ах, свет! Я теперича слаб, хвор, не знаю, что и делать-то?» — «Сделайте милость! Вот вам, батюшка, за труды сто рублёв». — «Ну, так и быть. Становись, свет, перед образом на колени да молись Богу: авось откроет». Купеческий приказчик встал перед образом на колени и давай лбом поклоны бить, а поп взял старую книгу, книгу читает, а сам воздыхает. Битый час читал, приказчик аж вспотел. «Ну, свет, — говорит поп, — пропажа твоя нашлася, открыл Господь. Ступай за село, там есть лесок, а в том лесу твои быки к сосне привязаны; только иди скорее, а то мошенники дальше уведут».

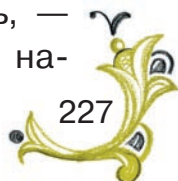
Приказчик бегом в лес пустился, и как сказал поп — так и вышло: стоят быки к сосне привязаны. Воротился приказчик в деревню, благодарит попа и говорит между слов: «Батюшка, мне бы хотелось узнать, кто это спроворил — моих быков увёл?» — «Ну, свет, этого нам не дано знать». После того призывает поп дьячка: «Теперь, брат, поправимся. Сто рублёв в кармане. На

первый раз выкупим ризы да книги; а там посмотрим». Выкупили ризы и книги.

Два дня спустя рассказывает поп дьячку: «Подика, свет, к нашему барину, сведи с конюшни любимого его жеребца; тогда совсем поправимся». Дьячок дождался ночи и забрался на барский двор; на его счастье кучера были пьяные, он вывел жеребца из стойла да в чистое поле, завёл в овраг и привязал около пня. Воротился к попу: «Ну, батюшка, барский жеребец в наших руках». — «Хорошо, свет! Где же ты его спрятал?» — «В овраге».

Поутру просыпаются кучера, смотрят в стойло — нет барского любимого жеребца: где искать? Доложили барину: жеребца де нету. «Как нету? Где же вы были, чего смотрели? Вот я вас всех передеру, всех в солдаты отдам, коли не сыщете!..» Искали, искали — не нашли — нечего делать, посылает барин за попом, чтобы непременно к нему явился. Пришёл поп: «Здравствуйте, барин». — «Здравствуй, поп!» — «Что вам надобно?» — «А вот что, отец, в прошлую ночь у меня воровство случилось: пропал с конюшни жеребец, что ни есть самый лучший; я за него три тысячи заплатил». — «Да, это дело нехорошее». — «То-то и есть. Потрудись, поворожи, а я тебе за хлопоты триста рублей жертвую». — «Надо для вашей милости потрудиться; прикажите мне отвести особую комнату».

Барин приказал отвести ему особую комнату. Поп взял старую книгу, стал под образами, начал читать; битый час читал, а после выходит к барину: «Господь, — говорит, — открыл вашу пропажу мне, грешному, на-

шёлся жеребец». — «Где, батька?» — «А вот в таком-то овраге у пня привязан: скорей поезжай на то место, а то мошенники вечером уведут дальше». Барин нашёл жеребца, воротился домой и отдал попу триста рублей с великою благодарностью: «Спасибо, отец, за твои труды».

Поп выкупил на те деньги и остальные церковные вещи и начал опять служить в церкви, да ещё порядком осталось — было на что погулять с дьячком, не день, не два, а почитай с целый месяц, коли не больше. Как только узнали прихожане, что поп может ворожить, так все к нему и бросились: у кого курица али поросёнок пропадёт, тот сейчас к попу и тащится. «Поворожи, батюшка!» — «Подите вы, окаянные, с эдакими пустяками лезете; стану я курицею да поросёнком Богу надоедать».

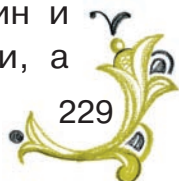
Пошла о попе слава по всему околодку. Вот у одного знатного князя пропала как-то из кабинета шкапулка с деньгами, а денег-то было тысяч со сто; свои люди утащили. Князь приказал заложить карету и ехать за попом, чтоб непременно к вечеру его представить. Приехали за попом. «Собирайся, — говорят, — к князю, у него деньги пропали, ворожить надо». Поп думает: «Что ж это дьячок мне ничего про то не сказывал?» Призывает к себе дьячка: «Что же, свет, молчишь? Куда деньги спрятал?» — «Какие деньги? Я ничего не знаю». — «Как не знаешь? Ведь у князя деньги пропали, требует меня ворожить». — «Да я в его вотчине сроду не бывал». — «Боже мой, что делать-то? Что я князю-то скажу; ведь он меня кнутом

засечёт». — «Что хотите, то и делайте. Моё дело сторона».

Поп — нечего делать — взял свою старую книгу, сел в карету и поехал на княжеский двор. «Здравствуй, батька!» — «Здравствуйте, ваше сиятельство!» — «Ну, слушай; я ведаю, что ты большой мастер ворожить; поворожи-ка мне, у меня пропала из кабинета шкатулка с деньгами, тысяч сто будет. Ежели воротишь — половину тебе дарю». — «Рад потрудиться для вашей милости; только не знаю, как Господь откроет». — «Да неужели ж я грешнее того барина, у которого жеребец пропадал? Ты, я вижу, батька, постараться не хочешь». — «Никак нет, ваше сиятельство! Прикажете отвести комнату, стану трудиться. Авось Господь милостив — и откроет».

Отвели попу особую комнату; зажёл он свечу перед образом, положил свою книгу на стол, читает, а сам думает: «Какой ответ дам я князю? Лучше дождусь глухой полночи и как только пропоют третьи петухи, убегу куда глаза глядят и домой не явлюся». Стоит у стола и книгу читать перестал, дожидается, когда улягутся все спать да петухи пропоют.

А шкатулку-то князеву украли три его камердинера; сошлись они меж собой и говорят: «Что, братцы, как этот ворожейка-поп да нас узнает, ведь все в Сибирь пойдём. Он, проклятый, теперь книгу читает. Чего доброго, пожалуй, и вычитает. Давайте подслушивать у дверей: коли вычитает — так станем его просить, чтоб на нас князю не доказывал». Пошёл один и стал у дверей подслушивать. Вдруг петухи запели, а

поп перекрестился и говорит: «Слава тебе, Господи, один уже есть; остаётся двух ждать».

Лакей прибежал к своим товарищам: «Ах, братцы! Одного вычитал; только я к двери, а он и кричит: слава тебе, Господи, один есть». Пошёл другой подслушивать; запели вторые петухи. А поп крестится: «Слава Богу, и два есть». — «Эх, братцы, и меня вычитал; только я к двери — сейчас узнал». Третий говорит: «Ну, коли и меня помянет, то пойдём к нему прямо, бросимся в ноги и станем просить, чтобы не выдавал барину». Пошёл подслушивать третий, а петухи опять запели. Поп перекрестился: «Слава тебе, Господи, все три есть!» Схватил книгу подмышку да в дверь бежать, а лакеи ему навстречу — бросились в ноги: «Батюшка, голубчик, не погуби, прости, не сказывай князю, что мы деньги-то унесли». — «Знаю, светы, что унесли; да где спрятали?» — «В саду, батюшка, в озеро, по канату спущены!» — «Знаю, что в озеро, да в каком месте?» — «У такого-то дуба». — «Ну, ладно, ложитесь спать, не бойтесь — не выдам».

Утром призывает князь попа: «Что, батька, твои дела?» — «Слава Богу! Господь открыл вашу пропажу». — «Где ж шкатулка?» — «Да в саду — в озеро по канату опущена». — «Кто же затащил её туда?» — «Известно кто — нечистый!» Сейчас вытащили шкатулку, принесли в горницу. Князь отомкнул её, высыпал на стол золото и разделил на две части: «Ну, поп, бери свою кучу!» Поп стал загребать деньги, а у самого на уме — кабы поскорей удрать домой. Князь не пускает: «Пообедай, батька, у меня; а после обеда велю тебя домой отвезти».

А самому князю жалко стало денег. Вот он изловил молодого жаворонка, принёс в горницу и посадил под блюдо и говорит попу: «Ну-ка, ворожея, отгадай, что под этим блюдом? Коли отгадаешь, твоя будет и другая куча золота, а не отгадаешь, — и прежнюю назад возьму». Поп вздохнул и проговорил про себя: «Вот когда попался, Жаворонок». Князь плюнул: «Ну, батя, твоя взяла. Забирай и остальные деньги». Поп взял и другую кучу. Приехал домой и говорит дьячку: «Вот когда поправились — так поправились; в целую жизнь не пропьёшь. Одначе полно ворожить, а то ещё в беду попадёшь. Давай-ка этой ночью сожгём книгу».

Как скоро стемнело, поп выбрал из дому все деньги и зажёл свою избу. Набежали на пожар люди. Поп орёт: «Православные, помогите; книгу-то, книгу-то вытащите». Нет, не вытащили. Поп выстроил себе новый каменный дом и зажил с дьячком богато, в своё удовольствие, а ворожить перестал: «Не могу, — говорит, — книга сгорела».

СЛОВАРЬ СТАРИННЫХ И МЕСТНЫХ СЛОВ

- **А́жно** — так что.
- А́ки** — как, словно, будто.
- А́ли (аль)** — или.
- Алта́рь** — священное место в православном храме за иконостасом.
- Ана́фема** — церковное проклятие; проклятый, негодяй.
- Апо́столы** — ученики Иисуса Христа, посланные им проповедовать.
- Архиере́й** — высший чин православного духовенства.
- Арши́н** — старинная мера длины, равная примерно 71 сантиметру.

- **Балдахы́н** — убранство из ткани над кроватью, престолом.
- Бары́ш** — прибыль, заработок.
- Батальо́нный** — командир батальона.
- Ба́ять** — рассказывать.
- Бездáнно-беспо́шлинно** — свободно, не уплачивая налога.

Беспоро́чно — честно, без проступков.

Бить челом — почтительно низко кланяться; просить с низким до земли поклоном.

Биться об заклáд — спорить на что либо; **заклад** — залог.

Благословéние — напутствие, разрешение; благословлять — давать согласие.

Бо́льшая (сестра) — старшая.

Бра́ные (скатерти) — узорчатые, вытканые с рисунком.

Бра́тия — все монахи одного монастыря.

Бúдет (с тебя) — хватит (тебе).

Бу́латный (нож) — сделанный из булата — очень твёрдой стали. Такое оружие было особенно острым.

● **Ва́кса** — состав для придания чёрного цвета и блеска обуви.

В нау́ку (ступай) — иди в ученики, иди учиться.

Вдруго́рядь — второй раз, повторно.

Ве́лыми — весьма, очень.

Веретенó — принадлежность для прядения: деревянная точёная палочка для наматывания нити.

Верста́ — старинная мера длины, равная примерно 1 километру.

Взмóрье — морское побережье.

Вид — паспорт.

Вместя́х — вместе.

Воево́да — начальник войска; начальник города.

Ворожéя — гадалка.

Воронóй (конь) — чёрный.

Воро́хнуться — шевелиться, двигаться.

Во́тчина — переходящая по наследству земля.

Вы́париться — попариться в бане.

Вы́шестать — перебрать.

- **Гой еси́, гой естé** — ободрительное обращение, восклицание при приветствии.

Голова́ — начальник, руководитель.

Го́лосом выть — оплакивать умершего.

Гора́здо — очень; **не гора́здо** — не очень.

Горе́лка — водка.

Го́рлица — голубка.

Го́рница — жилая комната на втором этаже дома; чистая часть избы.

Го́рнишна — горничная, служанка.

Гости́ный двор — в русских городах сооружение для торговли и хранения товаров.

Гра́мота — письмо, записка.

Губе́рния — крупные территории, на которые делилось раньше государство.

Гуж — часть лошадиной упряжи, петля в хомуте, которая служит для скрепления оглобли с дугой.

Го́сли — старинный струнный музыкальный инструмент.

Гутóрить — говорить.

- **Дворцо́вый коменда́нт** — глава охраны при дворе императора.

Деся́тник — низший военный чин, начальник над 10 людьми.

До́брые поря́дки — исполнение по традиции, как положено.

До́ля (горькая) — судьба.

Досе́лева — раньше, до сих пор.

Досу́жее (время) — свободное время.

Дра́ла (дать) — бежать, драпать.

Ду́мные бояре, ду́мные люди — члены царской думы, верховной власти, принимающие самые важные решения.

Ду́мный дьяк — главный письмовод царской думы.

● **Еди́нова** — однажды.

Ёства (яства) — еда, угощение.

● **Жа́лованье** — плата за работу.

Жа́лованье положить — назначить плату.

Жандарм — полицейский.

Жезл — палка, трость, посох.

Живота́ лиш́ить — убить, умертвить.

Животы́ нажива́ть — иметь имение, домашний скот, богатство.

Жи́то — зёрна ржи, пшеницы или ячменя; рожь, пшеница или ячмень в поле.

● **Задво́ренка** — живущая и работающая на задворках, скотном дворе.

Зазно́ба серде́чная — возлюбленная.

Зака́зан (путь) — запрещён.

Зака́ла — сырое, непечённое место в хлебе, пироге.

Запира́ться — отмалчиваться, не говорить, не признаваться.

За́ступ — железная лопата.

Зау́тренняя — утренняя (на рассвете) служба в православном храме.

За́чал — начал.

Зе́лье (сонное) — снадобье, лекарство; яд, отравка.

Зро́бить — сделать.

Игу́мен — настоятель монастыря.

Име́ние — земельное владение с усадьбой, поместье.

Ин — значит.

Испод — низ.

Испола́ть вам — восклицательное междометие, означающее: «Слава! Хвала!»

● **Казённый счёт** — бесплатно, за счёт государства.

Казна́ — деньги, богатство.

Казначейство — место, где хранится государственная казна и ценности.

Кали́новый мост — мощёная калиной (хворостинной) дорога по болоту; просто деревянный мост.

Камерди́нер — комнатный слуга при господине в богатом дворянском доме.

Ка́мка — шёлковая китайская ткань с узорами или разводами.

Кафта́н — мужская долгополая одежда.

Ки́са — мешок.

Кита́йка — хлопчатобумажная ткань, привезённая из Китая.

Клу́шка — курица.

Ключа́рь — человек, хранящий ключи от здания или других запираемых помещений; священник, заведующий церковной утварью.

Коври́га — большой круглый хлеб, каравай.

Ко́жух — кожа, шкурка.

Конёц сотвори́ть — похоронить.

Ко́ска (русская) — то же, что русский дух; русская кость, русский человек.

Косу́шка — полбутылки водки.

Кото́ма (котомка) — путевая сумка, укладка.

Кра́сный това́р — ткани, нитки, швейные принадлежности и материалы.

Крест класть — креститься.

Крупёнистый — состоящий из массы, в которой видны отдельные крупинки.

Кручи́на — тоска, грусть.

Круши́ться (сокруша́ться) — переживать, печалиться.

Кры́лос (кли́рос) — место в церкви для певцов.

Кума́ — крёстная мать по отношению к родителям крестника и крёстному отцу.

Кума́ч — хлопчатобумажная ткань ярко-красного цвета.

Кургúзый — бесхвостый.

Кури́ть вино́ — изготавливать водку из хлебных зёрен или картофеля.

Ку́чер — человек, управляющий запряжёнными в экипаж лошадьми.

● **Ла́вка** — помещение для продажи товаров.

Лазо́ревый — синий, голубой, цвета неба.

Лампа́да — сосуд с фитилём и маслом, подвешиваемый на цепочках к иконам.

Ледáщий — тщедушный, слабый (о человеке или животном); плохой, негодный (о вещи).

Лóкоть — старинная мера длины, равная примерно 50 сантиметрам.

Лощíна — овраг.

Лучíна — деревянные щепки, идущие на растопку печи или для освещения жилища.

Лýко — молодая кора дерева.

Лытáть (от дела) — избегать, уклоняться, улизнуть.

Лю́лька — подвесная колыбель для младенца.

● **Маклáк** — бессовестный человек.

Мáмка — кормилица, нянька.

Маракúешь — понимаешь, разбираешься в чём-либо.

Межá — граница, разделительная полоса.

Мéра (ржи) — ёмкость для измерения жидких и сыпучих тел, примерно равная 26 литрам.

Мех — мешок.

Меч-кладенéц — стальной, булатный меч.

Мещáне — городские жители — торговцы, ремесленники.

Мíром — все вместе; **мир** — общество, община.

Млад — молодой.

Моле́бен — короткая церковная служба в виде благодарности или просьбы.

● **На карау́л сде́лать** — встать навытяжку, отдать честь.

На осóбицу — отдельно.

На левой руке — слева.

На постéлю повалí — спать уложи.
На правой руке — справа.
Набóльшой (набольший) — старший, главный.
На́вык (грамоте) — знает, обучен грамоте.
Наезжа́ть — догонять.
Назём — навоз.
Наперёд — сначала, сперва.
Нарекáть — давать имя.
Наряжа́ть (куда-либо) — давать распоряжение, отправлять (куда-либо).
Неве́рная síла — нечистая сила.
Недосу́г — много дел, некогда.
Не́мочь — болезнь; **немо́жет** — болеет.
Не́што — может, неужели, будто.
Ниже́ — ни (с отрицательным значением).
Ника́к — наверное, может быть, кажется.
Нико́ли — никогда.
Но́не (нони́че, ны́нче) — сейчас, сегодня, теперь.
Нужне́е — беднее (от слова «нужда»).

- **О чём вы быётеся** — здесь: на что спорите.
- Обанкру́титься (обанкрóтиться)** — потерпеть крах в денежных делах, оказаться полностью несостоятельным, должником.
- Обе́дня** — утренняя или совершаемая в первой половине дня служба в православном храме.
- Обро́тать** — надеть недоу́здок на лошадь.
- Оде́жа** — одежда.
- Опа́ра** — дрожжевая закваска для теста, которая делает его пышным, увеличивает в объёме.

Опрічь — кроме.

Острѡг — тюрьма.

Отпустѣть дѹшу на покаяніе — не погубить, дать возможность человеку покаяться и исправиться.

Ѡчина — отчество.

Ѡчи — глаза; **очьмі** — глазами.

● **Пѧлица** — старинное боевое оружие в виде тяжёлой дубинки.

Пѧсынок — неродной сын от первого брака одного из супругов.

Пенѧть — упрекать, изъявлять неудовольствие.

Перѣдній угол — угол напротив входа в избу, где по православному обычаю помещаются иконы, почётное место в жилище.

Перемѣтная сумѧ — две связанные вместе сумки, перекидываемые через седло лошади или через плечо.

Пѣрст — палец.

Пить горькую — пить водку, пьянствовать.

Пищѧль — пушка или длинное и тяжёлое ружье, заряжаемые со ствола.

Плугатѧри — крестьяне, пашущие плугом, а не сохой (зажиточные крестьяне).

Погѡст — кладбище.

Под крест (подходить) — целовать крест в конце церковной службы.

Подкликѧть — кликать, подзывать, звать.

Подпруги — ремни у седла, затягиваемые под брюхом лошади.

Подѡжее — сильнее, **дѡжий** — сильный.

Покѡлесь — пока.

Пола́ти — настил из досок для спанья, устраиваемый в избе под потолком между печью и стеной.

Положи́ть заве́т — договориться, дать обещание, клятву.

Поло́н — плен.

Полу́дновать — спать или отдыхать после обеда.

Полу́шка — самая мелкая старинная монета на Руси, $\frac{1}{2}$ часть копейки.

Поме́шка (от ме́шкать) — задержка.

Попра́виться — побороться, потягаться, поместиться силами.

Поро́жний — пустой.

Послы́шать — услышать.

Потеша́ть — развлекать.

Потреби́ть (кого-либо) — победить, осилить.

По́тчевать — угощать, предлагать еду.

Почива́льня — спальня.

Почтёт (за кого-либо) — примет за кого-либо.

Прельсти́ться — здесь: захотеть иметь, желать обладать чем-либо.

Призре́ть — ухаживать, заботиться.

Прика́зчик — поверенный в делах, уполномоченный от хозяина.

Присягну́ть — дать клятву, поклясться.

Проме́ж — между.

Просви́ра (просви́рка) — специально выпекаемые небольшие белые хлебцы особой формы, употребляемые в православном богослужении.

Пря́ник печа́тный — пряник, сделанный с помощью пряничной доски с рисунком или надписью.

Псалмы́ (псалом) — хвалебная песнь в православном богослужении.

Псалты́рь (псалти́рь) — книга церковных песнопений и молитв.

Пуд — мера веса, равная 16 килограммам.

Пя́ла (пя́льцы) — приспособление для вышивания в виде рамки или круга, на которое натягивается ткань.

● **Радёть** — заботиться, проявлять усердие, старание.

Разоблака́ться — раздеваться, снимать облачение (одежду).

Ракі́товый (куст) — народное название ивовых кустов, обычно растущих по берегам рек.

Рать — войско.

Ретиво́е (сердце) — пылкое, горячее.

Ри́зы — одежда, облачение, в которое одеваются священнослужители во время богослужения.

● **Саже́нь** — старинная мера длины, равная размаху рук от кончиков пальцев одной до кончиков пальцев другой.

Самостре́л — арбалет, лук с механическим устройством для натягивания и спуска тетивы.

Сбру́я — конская упряжь, всё, что служит для запряжки или седлания лошади.

Сват (сва́тья) — родители жениха и невесты по отношению друг к другу.

Светли́ца — светлая парадная комната в верхней части дома.

Сгíнуть — пропасть, исчезнуть.

Сдаётся — кажется.

Седёльце черка́ское — черкесское, казачье, искусно сделанное и украшенное седло.

Сéни — веранда, прихожая, передние комнаты в доме; решетчатые сени — с перилами, открытые.

Си́вый (ко́нь) — серовато-сизый, серый или седой.

Скво́зь строй прогуля́ться — быть подвергнутым наказанию, состоящему в следующем: провинившегося проводили между двумя рядами солдат, которые били его палками.

Ско́тная изба́ — помещение, в котором жили работники, ухаживающие за скотиной.

Слобода́ — большое село, место в городе, где жили торговцы и ремесленники.

Сме́ты нет — счёта нет, много.

Сноха́ — жена сына, брата.

Собо́рная це́рковь — главный храм города или монастыря, где совершает богослужение высшее духовное лицо (патриарх, архиепископ и др.).

Сохá — примитивный плуг.

Сряди́ться — здесь: собраться.

Сря́ду — подряд.

Сто́льный го́род — столица, главный город.

Стреле́ц — военнослужащий царского войска.

Стря́пка — стряпуха, кухарка, повариха.

Сули́ть — обещать.

Супоро́сая сви́ня — свинья, у которой скоро должны родиться поросята.

Супро́тив — напротив, против.

● **Темни́ца** — тюрьма.

Тоё — той.

Тож — тоже, также.

То́жно — тогда.

То́ня — сеть.

Тракти́р — придорожная гостиница с рестораном; закусочная со спиртными напитками для простых людей.

Три́десять — тридцать.

Тю́рик — куль, мешок, короб.

● **Убира́ться (венча́ться)** — собираться, одеваться, готовиться к венчанию.

Узда́ — часть сбруи, надеваемой на голову лошади, для управления ездой.

Улича́ть — обвинять в чём-либо, доказывать виновность.

Уро́чный (день, час) — назначенный, условленный.

Уста́ — губы.

Усумни́лся — засомневался.

Утю́жить — бить.

Уходи́ться — устать, измучиться, сильно заболеть.

Учли́во — учтиво, вежливо.

● **Фельдфе́бель** — помощник командира по хозяйству и внутреннему распорядку.

Фунт — старинная мера веса, равная примерно 400-м граммам.

● **Халде́й** — официант.

Хоро́мы — богатое жильё, комнаты.

Хо́ры — верхняя галерея в христианском храме или в парадном зале.

Христо́в день — праздник Пасхи.

● **Целю́щая (вода)** — исцеляющая, живая вода.

● **Чай** — наверное.

Челобѣтна (челобѣтная) — письменное прошение, обращение в суд, жалоба.

Челом бить — почтительно низко кланяться; просить с низким до земли поклоном.

Че́рево (чре́во) — живот.

Черво́нцы — деньги в виде золотой монеты или бумажные купюры достоинством 10 рублей.

Чуми́чка — разливательная ложка, половник.

● **Шатёр** — временная лёгкая постройка из тканей, кож, ветвей и т. п. в форме конуса.

Шелепѣтье — дребедень, ерунда, вещи.

Шелом — шлем.

Ширѣнка — вышитое полотенце, платок, скатерть.

Шиша́к — шлем с остриём (шишом), вершина которого увенчивалась обычно небольшой шишкой.

● **Юныш** — юноша, молодой человек.

● **Яру́ги** — овраги, лощины, буераки.

Ярый (воск) — светлый, белый.

Яствы (яства) — угощенье, кушанья.

КАК С ПОЛЬЗОЙ ПРОЧИТАТЬ ЭТУ КНИГУ

В помощь родителям, педагогам и библиотекарям

Среди множества художественных образов, встречающихся в устном народном творчестве, довольно заметное место занимают объекты, связанные с письменностью: различного рода надписи, записи, грамоты, челобитные, указы, ярлыки, рисунки, портреты и так далее вплоть до самого сложного произведения этого рода — книги. С её появлением, первоначально в виде рукописи, она прочно вошла в ткань народной сказки и стала источником воспитания в народе чувства уважения к этому феномену, почтительного к ней отношения. Абстрактный образ книги как чего-то возвышенного, сакрального, всемогущего, недостижимого, постепенно вошёл в менталитет народа и определяющим образом сказался в общественном мнении на престиже книги.

Герой, владеющий книжным знанием, предстаёт в сказках как человек мудрый, преисполненный добродетелей. Он бескорыстно помогает попавшим в беду, особенно если она случилась в силу непреодолимых или нечестных обстоятельств. По тем сказкам, где в ткань повествования вплетена книга, оказывается, что она — непревзойдённый кладёзь мудрости, и тот, кто обладает Книгой, владеет всей суммой знаний.

Итак, книга в сказках — в большинстве случаев символ всезнания, величайшей мудрости, высшей правды и справедливости. Умеющий читать, даже просто обладающий книгой — это, как правило, непобедимый персонаж. Именно из сказочного материала проистекает в народе благоговейное отношение к книге, её авторитет. Отсюда выросло представление о владеющем книжным знанием как о личности со сверхъестественными возможностями.

Довольно часто в сказках проводится идея, что смекалка, жизненный опыт героя, помощь ему со стороны сверхъестественных сил способны преодолеть даже самое могущественное — знание, содержащееся в книге. Книжное знание всё же слабее жизненного — такую мораль проводят сказки. Но и в этих случаях значимость книги народным гением нисколько не умаляется.

Несколько лет назад Русская школьная библиотечная ассоциация провела среди школьников Всероссийский конкурс «100 сказок о книге и чтении», в основу которого было положено ознакомление ребят со сказками на эту тему. Конкурс вызвал живой интерес. В работу включились библиотекари, учителя, родители. Хотя изначально некоторым казалось, что заявленная тема в фольклоре отражена слабо.

В одном из писем в редакцию «Школьной библиотеки» автор — учитель-словесник (причём специализировалась она на русском фольклоре) и одновременно школьный библиотекарь — сообщала, что за свой 27-летний трудовой стаж в каких она только конкурсах ни участвовала, каких только конкурсов ни проводила сама. Но чтобы в сказках хоть каким-либо образом была отражена тема чтения, присутствовал образ письменного источника, — увольте, уж она-то правду знает. С большим недоверием она сняла с полки первый попавшийся сборник сказок, нашла в нём рекомендованную сказку ... и ни днём, ни ночью не могла оторваться от перечитывания сказок!

Вот что написала она в письме организаторам конкурса:

Заявленная организаторами тема меня заинтриговала. Как? Я, изучившая в своё время фольклор на филфаке Тверского госуниверситета, ездившая в фольклорную экспедицию, неоднократно сталкивавшаяся с темой фольклора при преподавании русского языка и литературы в школе, 26-й год работающая в школьной библиотеке, проводящая не одно внеклассное мероприятие по русским народным сказкам, даже не подозревала о данном мотиве народного творчества!

В недоумении я подошла к библиотечной полке и воззрилась на потрёпанные сборники. Сняла один, разыскала сказку по списку, прочитала... взяла следующий сборник.... И так три месяца, параллельно с детьми, я читала сказки. Сюжеты повторялись, менялись названия. В конце 1-го месяца я научилась по первым строкам определять дальнейшее развитие сюжета, через полтора определила 5–6 основных сюжетов и поняла, что дальше пойдут только вариации, и всё же читала и читала: вечером перед сном, ночью во время бессонницы, утром до работы...

Так сложился дополнительный список из 143 наименований. Конечно, мои читатели не осилили его, но даже то, что они прочитали, не пройдёт бесследно для их душ. В этом и соль конкурса!

К тому же у меня в библиотеке повысились посещаемость и книговыдача. В свои библиотечные сети я поймала за это время одного четвероклассника, который теперь приходит в библиотеку чуть ли не каждый день и читает книги по русской истории. Это следствие знакомства с былинами. Есть несколько человек, которые вообще пришли в

библиотеку впервые в этом учебном году и только за сказками. Есть третьеклассники, ответившие при анкетировании в январе, что их любимые книги — сборники русских сказок. Одна четвероклассница метко подметила, что конкурс позволил “определить, кто любит читать, а кто — нет”, а другой “понравилось записывать сказки в читательский дневник”. Правда, есть и такие, кто читал только “из-под палки” и только по настоянию учителя. Но во всяком явлении всегда есть две стороны медали.

Кстати, конкурс помог нашим учителям начальной школы. В условиях введения стимулирующей надбавки труда участие в конкурсах даёт прибавку к зарплате. Педагоги просто вынуждены “очертя голову” кидаться во всевозможные конкурсы и соревнования. Если для средней и старшей школы их достаточно, то для начального звена маловато, а тут к их услугам — Русская школьная библиотечная ассоциация. Так что организаторы попали в точку: “в нужное время, в нужное место”.

Заведующая библиотекой МОУ СОШ № 9

г. Ржев Тверской области

Галина Ивановна Веселова

В своих письмах в редакцию библиотекари и учителя подробно рассказали о том, что с энтузиазмом восприняли идею конкурса, но провести его оказалось непросто. Горько было осознавать, что книг в сельской или поселковой, городской библиотеке оказалось мало, что библиотекари кинули клич родителям и читателям: приносите в библиотеку сказки, чтобы их могли прочитать многие дети, — после проведения конкурса мы их вернём. Там, где школа, библиотека подключены к Интернету, широко использовали электронный ресурс, читая сказки вслух с экрана или распечатывая их.

В процессе подготовки к конкурсу дети не только читали и отмечали ключевые слова, не только рисовали иллюстрации с использованием образа книги, письма, указа и т.д., но и мастерили поделки, родители шили детям костюмы для праздничного выступления. Помимо сказок разыскивали пословицы, загадки на ту же тему, читали былины, герои которых, как убеждались дети, тоже все были грамотны.

В отдельных случаях конкурсанты не ограничивались предложенным перечнем сказок. Они привлекали и отсутствующие в списке, и в итоге выяснялось, что этот список можно удвоить, а то и утроить.

Конкурс «100 сказок о книге и чтении» убедительно продемонстрировал, что существуют реальные возможности создать положительный имидж чтения, привлечь к нему большое количество детей. Инте-

рес к книге, к чтению у подрастающего поколения есть, надо лишь найти правильный подход к потенциальному читателю, разбудить его и стимулировать.

Обращает на себя внимание тот факт, что дети, которые любят читать, умеют и правильно, подробно описывать свои чувства и мысли, их рисунки отличаются выдумкой, графической завершённостью, чёткостью, определённостью. Конкурсные работы поражают буйством детской фантазии, творческим отношением к выполняемым заданиям, безыскусными, но идущими от сердца мини-сочинениями!

Предложенная нами форма оказалась удачной, и её потенциалом могут воспользоваться как его участники и победители, так и те, кто не принял участия в конкурсе. Поясним, что имеется в виду. Во-первых, провести такой конкурс никогда не поздно. Запасите достаточное количество сказок — хотя бы в бумажных распечатках или в записи на CD-ROM, DVD — и раздайте желающим. А подведение итогов хорошо бы приурочить к осенним каникулам либо к Новому году — тогда это мероприятие будет для детей более радостным и запоминающимся. Во-вторых, конкурс можно проводить периодически. Пусть не каждый год, но если вы вернётесь к нему через четыре года, когда у вас появится новый контингент учащихся с первого по четвёртый класс, то новое поколение детей с таким же восхищением прильнёт к неиссякаемому роднику народного творчества, с каким это сделала генерация наших соотечественников, родившаяся на изломе второго и начала третьего тысячелетий.

Многие педагоги и библиотекари отмечали большую пользу конкурса. Приводим некоторые их рассуждения на эту тему:

Во-первых, в начальной школе читают русские народные сказки по программе, но материала, предлагаемого учебниками и книгами для чтения, недостаточно. Конкурс позволяет привлечь к детскому чтению дополнительный массив сказок.

Во-вторых, у многих учащихся младшего возраста ещё недостаточна техника чтения. Само чтение для них — в первую очередь очень серьёзный труд, и лишь во вторую — удовольствие. Однако дети любят сказки, и обязательное для конкурса прочтение если не всех сказок, то хотя бы их части, благотворно сказывается на развитии читательских навыков.

В-третьих, ещё одной причиной активной поддержки конкурса стало то, что чтение народных сказок позволило решать не только дидактические (совершенствование техники чтения, обогащение и увеличение словарного запаса учащихся, тренировка в написании сочинений), но и воспитательные задачи. Например, в некоторых школах

учится много детей, приехавших с родителями из разных уголков России и государств СНГ. Знакомство с русскими народными сказками для них — это начальное знакомство с культурой русского народа.

В-четвёртых, народная сказка воспитывает в юных читателях многие высокие человеческие качества: чувство дружбы, взаимопомощь, защита слабого, уважение к старости и т.д. Чтение сказок развивает у них воображение.

Ну и, наконец, в-пятых, учащиеся не хотят подводить свой класс, своих товарищей. В их возрасте большую роль играет стимул состязательности, стремление к победе. Это важнейший фактор их социализации, самопознания и самоутверждения.

Ради всего этого, собственно, и был затеян конкурс. И он удался на славу! Конкурс продемонстрировал, что возможности для привлечения детей к чтению имеются, важно только найти к ним соответствующий подход, и тогда большим подспорьем станут и Интернет, и громкие чтения, и другие как старые, так и новые, суперсовременные формы библиотечной работы. Если удастся детей заинтересовать, даже заинтриговать идеей, подойти к чтению творчески, позволить раскрыть собственные таланты, то станет видно, что противоречие между книгой и компьютером во многом надуманное. В деле творческого отношения к чтению дети из антагонистов чтения могут легко превратиться в союзников и самых активных его участников.

Библиотекари, в деле приобщения детей к чтению ещё далеко не всё потеряно! Хватит сетовать по поводу отторжения книги от детей, пришла пора действовать! Желаю вам в этом больших успехов!

Ю.Н. Столяров,
*главный научный сотрудник
Центра исследований истории книжной культуры
Российской академии наук
доктор педагогических наук, профессор*

Что сказок о книге и чтении

(рекомендательный список)

1. Алёша Попович
2. Архиерей отчитывает
3. Баба-яга и Заморышек
4. Барин и Егерь
5. Беглый солдат и чёрт
6. Безногий и слепой богатыри
7. Безручка
8. Берёза и три сокола
9. Бесстрашный
10. Василий Буслаевич
11. Василиса-поповна
12. Вещий мальчик
13. Вещий сон
14. Волк-дурень
15. Волшебное зеркальце
16. Вор
17. Ворожея
18. Два Ивана солдатских сына
19. Добрыня и Настасья
20. Елена Премудрая
21. Жадный поп, мужик и архиерей
22. Заколдованная королева
23. Звериное молоко
24. Золотой башмачок
25. Зорька, Вечорка и Полуночка
26. Иван Бесталанный и Елена Премудрая
27. Иван-дурак
28. Иван купеческий сын отчитывает царевну
29. Иван-царевич и Белый Полянин
30. Иван-царевич и Марфа-царевна
31. Илья Муромец и змей

32. История о славном и храбром богатыре Илье Муромце
и о Соловье-разбойнике
33. Как два кума брагой торговали
34. Как царь вором был
35. Каков я!
36. Косоручка
37. Кощей Бессмертный
38. Крест-порука
39. Купеческая дочь и служанка
40. Купленная жена
41. Курочка
42. Летучий корабль
43. Мара Богатый
44. Марко Богатый и Василий Бесщастный
45. Меч-самосеч, кнут-самотряс и волшебная рубаха
46. Морской царь и Василиса Премудрая
47. Мужик и барин
48. Недогадливый кучер
49. Незнайко
50. Непокорная баба
51. Неумойка
52. Никита Кожемяка
53. Окаменелое царство
54. Оклеветанная купеческая дочь
55. Пахом
56. По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре
57. Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что
58. Покатигорошек
59. Поп-ворожейка
60. Правда и Кривда
61. Притворная болезнь
62. Про Мамаю безбожного
63. Птичий язык
64. Райская дудка
65. Рассказы о ведьмах
66. Рассказы о мертвецах
67. Сказка о богатыре Голе Воянском

68. Сказка о Бессчастном стрелке
69. Сказка о Василисе золотой косе, непокрытой красе, и об Иване-Горохе
70. Сказка о золотом, серебряном и медном царствах
71. Сказка о молодильных яблоках и живой воде
72. Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде
73. Сказка о рыбаке
74. Сказка об Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове
75. Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке
76. Сказка об одноглазом царевиче
77. Сказка про братьев Фому и Ерёму
78. Сказка про утку с золотыми яйцами
79. Скорый гонец
80. Скрипач в аду
81. Скряга
82. Смерть скупого
83. Сны
84. Солдат Девяткин
85. Солдат избавляет царевну
86. Солдат-лекарь
87. Список с судного дела слово в слово, как был суд у Леща с Ершом
88. Суд о коровах
89. Три царства — медное, серебряное и золотое
90. Умная жена
91. Фома Беренников
92. Хорошо, да худо
93. Царевна-лягушка
94. Царевна-серая утица
95. Царевна, разрешающая загадки
96. Царица-гусли
97. Царский водовоз и богатырка синеглазка
98. Царь-девица
99. Чёрт-заимодавец
100. Яичко

Содержание

Обращение к читателю.....	3
Лиса и тетерев	5
Волк-дурень	6
Сказка про утку с золотыми яйцами.....	9
Вошебное зеркальце.....	14
Купеческая дочь и служанка	27
Зорька, Вечорка и Полночка	33
Купленная жена.....	40
Царь-девица	47
Царевна-сера утица	57
Царевна-лягушка	61
Баба-яга и Заморышек.....	67
Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что	72
Безногий и слепой богатыри	92
Косоручка.....	105
Золотой башмачок	109
Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке	112
Незнайко	118
Притворная болезнь.....	127
Марко богатый и Василий несчастный.....	135
Оклеветанная купеческая дочь	144
Ворожея.....	149
Заколдованная королева	156
Алёша Попович.....	169
Иван-дурак.....	175
Василий Буславич	180
Солдат избавляет царевну.....	182
Неумойка	189

Вор.....	193
Василиса Попова.....	198
Сны	203
Рассказы о мертвецах	209
Иван купеческий сын отчитывает царевну	211
Крест-порука.....	216
Каков я!	219
Пахом.....	222
Поп-ворожейка.....	224
 Словарь старинных и местных слов	 232
<i>Ю.Н. Столяров. Как с пользой прочитать эту книгу.....</i>	<i>246</i>
Сто сказок о книге и чтении (<i>рекомендательный список</i>).....	251

Литературно-художественное издание
БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА «ЧИТАЙКА»

Выпуск 2—3

**100 СКАЗОК
О КНИГЕ И ЧТЕНИИ**

Русские народные сказки

В двух книгах
Книга вторая

Главный редактор Т.Д. Жукова

Редактор И.Б. Котунова
Корректор А.А. Луховицкая
Дизайнер М.В. Григоренко
Компьютерная верстка Т.В. Полина

Подписано в печать 25.12.11
Формат 70х90^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Шрифт «Прагматика».
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 12,5. Усл. печ. л. 18,72.
Тираж 1000 экз. Заказ

РУССКАЯ ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ

Адрес для писем: 115114, г. Москва,
1-й Кожевнический пер., д. 6, стр. 12
Тел./факс: (495) 280-18-51

Отпечатано в ОАО «Областная типография «Печатный двор»
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27